

Н.А. НАЗАРБАЕВ

НА ПОРОГЕ
XXI ВЕКА

Н. А. НАЗАРБАЕВ

НА ПОРОГЕ
XXI ВЕКА

Н. А. НАЗАРБАЕВ

НА ПОРОГЕ XXI ВЕКА

АЛМАТЫ
АТАМУРА
2003

**ББК 66.3(2К)
Н 17**

Назарбаев Н.А.

Н 17 НА ПОРОГЕ ХХІ ВЕКА. – Алматы: Атамұра, 2003. –
256 с., илл.

ISBN 9965-05-756-7

Н $\frac{0803010200-145}{418(05)-2003}$ Без объявл.

ББК 66.3(2К)

ISBN 9965-05-756-7

© Назарбаев Н. А., 1996
© Издательство «Өнер», 1996
© Издательство «Атамұра», 2003

Есть такой афоризм: «Каждое поколение заново переписывает историю». В нем большая доля истины, и все же не хотелось бы впадать в соблазн описать события нашей недавней истории с неких вневременных позиций. Сегодня чрезвычайно популярен жанр политической мемуаристики. Это хорошо объяснимо: время стремительное, некоторые годы вобрали в себя десятилетия обычной истории. Но в этой мемуаристике зачастую присутствует желание переписать историю. И, как правило, переписать с единственной целью: посадить в центр политической картины самого автора с непорочной улыбкой и сияющим нимбом над головой. Оговорюсь сразу: жанр этой книги — не политические мемуары, хотя в ней присутствуют личные оценки, опыт встреч, краткие характеристики некоторых персоналий. Я бы определил жанр этой книги как «воспоминание о будущем», правда, имея в виду совсем другое содержание, нежели то, что обычно вкладывается в эту парадоксальную фразу. Для многих прошлое имеет смысл только через призму будущего. Читательскому суду

предлагается посмотреть несколько иначе на порядок вещей — так, как они имели место в реальном времени, времени действующего политика. Это, на мой взгляд, более честная позиция, нежели стремление обелить себя постфактум. В отличие от многих «однодневных» политиков, с их удивительной безапелляционностью суждений, я нахожусь в разных кругах власти довольно длительное время и полагаю, что некоторая дипломатичность оценок будет вполне понятной. Задача этой книги не в том, чтобы дать красочный портрет своих политических партнеров, хотя сами объекты весьма рельефны. Моя цель — ввести читателя в круг сложнейших проблем постсоветской реальности.

*Нурсултан НАЗАРБАЕВ,
Алматы,
15 января 1996 года*

I

ВСПОМИНАЯ НЕДАВНЕЕ
ПРОШЛОЕ...

... Человеческое время
всегда будет сопротивляться
строгому единообразию и
жесткому делению на отрезки,
которые свойственны часам. Для
него нужны единицы измерения,
согласующиеся с его собственным
ритмом и определяемые такими
границами, которые часто, ибо
того требует действительность,
представляют собой пограничные
зоны...

Марк Блок

Ночное небо в августе у предгорий Алатау никогда не бывает черным. Оно постепенно густеет, доходя до глубокой морской синевы, а потом вдруг вспыхивает мириадами звезд. Такого неба я не видел нигде. Город почти затих, лишь далеко на площади Республики слышался звук редкой машины. В этот поздний час я долго сидел один в кабинете. Огромное напряжение последних месяцев давало знать о себе. Пару часов назад, получив предварительные итоги по прошедшему референдуму, я понял — Казахстан будет жить по новой Конституции.

Но память почему-то тянула в прошлое. Я перелистывал старые записи, конспекты, заметки. Передо мной вставали подробности прошедших событий, образы людей, напряженные дни и ночи. Я мысленно возвращался к событиям 1991 года, к началу пути. Между августом 1991 года и августом 1995 вместились столько, что порой не вмещают десятилетия спокойной истории. В этой тихой ночи мне и пришла в голову мысль о том, что неплохо бы сделать небольшую остановку в пути и осмыслить те водовороты, в которые затянула нас драматичная история последних лет.

Сценарий без режиссеров или режиссеры без сценария?

Со временем все больше начинаешь понимать, что дискуссии о причинах развала СССР носят не только теоретический, академический характер. Наверное, можно будет лет через пятьдесят рассуждать об этих событиях с холодной отстраненностью исследователя, однако сегодня анализ, оценка причин развала огромного государства несут предельную и порой весьма пристрастную политическую нагрузку. От того, как политик отвечает на вопрос о причинах развала СССР, во многом предопределяется его видение дальнейшего развития постсоветского пространства.

Казалось бы, после многочисленных мемуаров о том, что случилось с нами и каковы причины произошедшего, было бы трудно претендовать на некое новое объяснение событий тех лет. Тем не менее я полагаю, что эта проблематика остается достаточно актуальной в силу целого ряда причин.

В сегодняшних публикациях о причинах развала СССР — от анекдотических до академических — присутствует элемент домысла, особенно в некоторых ключевых вопросах. Мне пришлось быть участником реальных событий, которые достаточно определенно свидетельствуют об истинной подоплеке тех процессов. Но главное не в этом. Главное — в том, что некоторые фактические штрихи позволяют правильно оценить разные объяснения драматического и, безусловно, глобального явления конца столетия — развала СССР.

В последние годы я хорошо усвоил старую истину — «нет ничего практичнее хорошей теории». Будучи политиком-практиком, я искал для себя четкого понимания — что же произошло на самом деле? И пришел к выводу: ясного и исчерпывающего объяснения все же нет. Слишком многое переплелось: объективный кри-

зис системы, изматывающая геополитическая конкуренция, субъективные ошибки руководства страны — и так до бесконечности. Есть и совершенно необъяснимые вещи. Трудно и практически невозможно понять все. Но без осознания этого гигантского разлома нельзя ориентироваться в нашем сегодняшнем дне и что, более важно, — определиться в своем будущем.

Разные трактовки причин распада СССР в той или иной степени примыкают к двум полярным позициям. Первая из них сводится к тому, что развал СССР — это сознательное устранение идеологического и геополитического конкурента внешними и внутренними силами. Вторая считает его математически неизбежным процессом, который должен был произойти именно в эти годы, независимо от субъективных и объективных причин. Конечно, это крайние точки зрения, но они предельно отчетливо выявляют два потока политической мысли, характеризующие палитру взглядов на постсоветское пространство в день сегодняшний.

Один неглупый человек рекомендовал мне в молодые годы: читай первоисточники. Следуя этому правилу, я сознательно уклоняюсь от оценки примитивных и ностальгических заклинаний о том, что некие мифические враги еще 20 лет назад расписали пограничный план развала СССР. Достаточно обратиться к воспоминаниям людей, которые сыграли не последнюю роль в событиях конца 80-х — начала 90-х годов нашего столетия и которым нет смысла заниматься политической мимикрией, например, прочитать Р. Рейгана или С. Тэлботта, чтобы понять упрощенный характер таких взглядов.

Более развернутой и более аргументированной выглядит точка зрения авторов, рассматривающих развал СССР как постепенный процесс размывания позиций Советского Союза в ходе прежде всего инфор-

мационной и смысловой войны, хотя скажу прямо — нет ничего нового под луной. Еще в конце 60-х, а особенно в 70-е годы среди левых философов и политологов Запада были в ходу идеи так называемого «информационного империализма». После развала СССР эти идеи стали заново осмысливать — уже в постсоветском мире. Поэтому, читая сегодня объяснения С. Кургиняна или А. Зиновьева и отдавая должное их блестящему интеллекту, я оцениваю подобные взгляды с учетом некоторой архаичности подходов.

Как это ни странно, политику порой легче разобратся в сложных концепциях такого рода, поскольку в ежедневном потоке сообщений, поступающих президенту, необходимо очень быстро схватывать крупицы оригинальной информации. Анализ причин развала СССР с этой крайне пессимистической позиции имеет одну мрачную тональность. По мнению сторонников этой позиции, последние десятилетия, особенно в период перестройки, шла мощная информационная смысловая игра. Иначе говоря, происходила манипуляция сознанием, ценностями разных социальных, национальных, возрастных групп населения социалистической части мира. При этом многие авторы обращаются к теории мирового или «всемирного правительства». Конечно, это довольно экзотические понятия, но некоторые политологи серьезно рассматривают международные финансовые, информационные структуры как некие аналоги или прообразы «мирового правительства». Мне трудно согласиться с этим, ибо по собственному практическому опыту знаю, что эффективность последних в обыденном сознании значительно преувеличена. Однако вскрывая логику радикально-пессимистического подхода к развалу СССР, отмечу один ключевой момент. Крах социалистических стран и прежде всего СССР — это якобы результат сознательного разрушения национально-

культурных систем нелиберальной части мира при помощи идеологии либерализма. И разрушение это, по мнению пессимистов, имело многочисленные каналы. По крайней мере были использованы три способа. Во-первых, происходило элементарное «приручение» советской элиты посредством многообразных форм «прикармливания». Во-вторых, были задействованы новые информационные технологии через массовую культуру, через скрытое психологическое давление прежде всего на национальное сознание людей. И, наконец, прямая борьба финансовых систем.

В результате такой направленной смысловой войны и произошла фундаментальная переоценка ценностей. Население стало воспринимать традиционные ценности со знаком «минус», произошла его культурная дезориентация, и в результате всего этого народ якобы превратился в информационно управляемую массу. А дальше уже дело техники — можно развалить любую страну, и никто кровь за режим проливать не будет.

Что здесь сказать? Конечно, есть доля истины в этих рассуждениях, особенно когда они искусно оформлены в прекрасный литературный текст, подкреплены ссылками на многочисленные авторитеты и оснащены таинственными терминами, не доступными неискушенному читателю.

Задача политика — не спорить с теоретиком, а понять — какова дальнейшая логика этих рассуждений.

А логика эта отнюдь непростая. Если считать развал СССР результатом целенаправленной информационной войны геополитических конкурентов, то получается, что ни одно из государств СНГ не имеет перспектив независимого развития, иначе говоря, эти государства являются некими уродливыми осколками глобального информационного побоища и долгое время останутся таковыми. Следуя этой логике, они

должны либо разрушиться, либо снова объединиться в жесткое единое государство.

Я сознательно привел эти пространные рассуждения для того, чтобы показать — невинные игры теоретиков превращаются в модели силовой реставрации, за какие бы терминологические ухищрения не прятались авторы. Никак не могут пессимисты смириться с простым фактом — независимые государства на постсоветской территории есть объективная реальность, и любая силовая реставрация захлебнется в большой крови.

Все это не значит, что я полностью исключаю фактор внешнего воздействия на процесс распада СССР. Не будем далеко ходить за примерами. Рональд Рейган, пустивший в широкий оборот термин «империя зла», писал в своих воспоминаниях совершенно определенно: «Для меня было ясно, что если там не произойдет каких-то изменений, то коммунизм рухнет под собственной тяжестью, и я думал о том, как мы, как страна, можем использовать эти трещины в советской системе, чтобы ускорить процесс ее крушения».

Достаточно вспомнить программные статьи З. Бжезинского, Г. Киссинджера, С. Тэлботта и других, чтобы понять: геополитическое давление, в том числе информационное, конечно же, имело место. А. Гор, вице-президент США, в своей книге «Земля на чаше весов» писал: «Совсем недавно потенциал свободных наций, приверженных демократии и свободному рынку, на протяжении без малого половины столетия демонстрировал незаурядное упорство, сдерживая распространение коммунизма военными, политическими и экономическими средствами. К удивлению, эта коалиция одержала славную победу в философской войне за идею свободы, длившейся со времен русской революции...» Вопрос заключается в том, почему это информационное давление оказалось столь успешным?

Аргументированного ответа у сторонников этой версии нет.

Но и крайне либеральная точка зрения на распад СССР как сугубо внутренний процесс, на мой взгляд, несколько наивна. С другой стороны, неверно утверждать, что запущенный в СНГ процесс не есть реформа вообще, а сознательное разрушение, деструкция... Деструкция чего? — хотелось бы спросить. никоим образом не претендуя на теоретическую схему, я попытаюсь сформулировать свое мнение о наиболее серьезных факторах, приведших к распаду огромного государства, и вытекающих отсюда уроков. Эти события нельзя объяснить с помощью тривиального набора терминов, таких, как «информационная война», «предательство элиты», «психологическая деструкция». Внешнее многомудрие наших обществоведов зачастую скрывает отсутствие всякого содержания.

Как же низок был уровень развития общественных наук в бывшем СССР! Ведь прошло более четырех лет после развала государства, а объяснения случившегося остаются столь же схематичными и стандартными. Страшная оторванность от реальной экономики, незнание деталей номенклатурной кадровой политики, определенная тепличность атмосферы «глобалистских» рассуждений, наверное, и приводят к поздней идеализации системы. Мне нравится классификация выдающегося советского физика Льва Ландау, который шутливо делил науки на естественные, неестественные и противоестественные, относя значительную часть нашей общественной науки к последнему типу. Я говорю не о легковесных опусах, всерьез вещающих о том, что пришел М.С. Горбачев, и поэтому произошла катастрофа. Помню, как неприятно поразил очень странный продукт политического творчества Б. Олейника — книжка «Князь тьмы». Какой-то необъяснимый мистицизм с Мальтийским орденом...

Я веду речь о серьезных политиках и аналитиках. Повторю, что в пессимистической точке зрения есть немало ценных и точных наблюдений, которые совершенно неправомерно отбрасываются ее оппонентами. На мой взгляд, ценность такого анализа не столько в ретроспективе, сколько в трактовке последствий развала. На самом деле, конечно, все было гораздо проще и гораздо сложнее одновременно.

Диагноз, поставленный целой группой аналитиков, представляющих пессимистическое крыло, изложен в одной из интересных работ, которая названа несколько претенциозно «Поле ответного действия» (М., 1993 г.).

В ней говорится о том, что «в результате безответственной политики верхушки КПСС и сознательных манипуляций ряда ее руководителей накопленные нашим обществом за несколько десятилетий противоречия привели к краху государства и «рассыпали» общество. Основные объединяющие факторы — общие цели и ценности — дискредитированы и сняты. На смену этим социальным скрепам в общественное сознание интенсивно внедряется смысловой хаос, маскируемый разглагольствованиями о модернизации, реформах, правах человека, о фантомах бывшего СССР и трагической 70-летней ошибке. Такой процесс, результатом которого являются распад всех социальных связей, экономическая и культурная деградация, подмена созидания для всех пошло-эгоистическим добыванием для себя, чреват не только социальным вырождением, но и угрожает самому физическому существованию большинства народов бывшего СССР».

Продолжая свой анализ, эти авторы утверждают, что «духовная, а затем и государственная измена в правящей верхушке при растерянности и деморализованности всей прогосударственно мыслящей части нашего общества в итоге преопределила развал государства».

Если бы дело обстояло столь просто, то достаточно было бы сменить высшее руководство страны, чтобы радикально изменить ситуацию. Однако это не так. И достаточно ясно, что существовал целый комплекс причин, которые в конечном счете привели к распаду Советского Союза.

Время стратегического отставания

В сегодняшних дискуссиях о причинах распада СССР почему-то меньше стали принимать во внимание противоборство двух систем в военной, военно-технической и стратегической сферах. Между тем совершенно очевидно, что, имея экономический потенциал, измеряемый такими достаточно строгими показателями, как валовый внутренний продукт, национальный доход, производительность труда, мы примерно в полтора — два раза отставали от США. Если же взять в целом соотношение стран НАТО и Варшавского Договора, то этот разрыв был еще больший. Между тем попытка сохранить военно-стратегическое равновесие осуществлялась на протяжении десятилетий. Совершенно очевидно, что в условиях несопоставимости разных экономических комплексов одной из сторон это давалось со все большим трудом. Тяжким бременем для Советского Союза было предоставление разных видов военной, военно-технической и экономической помощи как странам-сателлитам, так и государствам так называемой социалистической ориентации, разного рода национально-освободительным и коммунистическим движениям. Даже сегодня очевидно, что миллиарды долларов уже никогда не вернутся ни в Россию, ни в другие страны СНГ. Они безвозвратно потеряны.

Гонка вооружений была одной из первопричин развала Советского Союза. По расчетам специалистов, общемировые военные расходы за 40 лет с 1950 по 1990

годы, а это годы активного противостояния двух блоков, составили более 20 триллионов долларов. В конце 80-х годов в военном производстве и в производстве, в значительной мере связанном с военно-промышленным комплексом, было задействовано от 60 до 80 миллионов человек на планете. Не менее 20 процентов всех ученых и инженеров в мире также были включены в военные исследования и разработки. Расчеты специалистов показывают, что на военные цели направлялось не менее 5 процентов основных видов сырья.

Конечно, столь колоссальные траты не могли не привести к очень серьезным экономическим последствиям. Структура экономического комплекса бывшего Советского Союза, кстати, во многом доставшаяся в наследство и нам в Казахстане, была крайне деформирована и нацелена на удовлетворение запросов добывающих отраслей и ВПК. Естественно, что она никоим образом не могла способствовать повышению уровня конкурентности экономики. Более того, наша экономическая система, которая была вполне конкурентоспособной, в сфере производства вооружений в условиях смены технологий в конце 70-х — начале 80-х годов оказалась в проигрыше по отношению к Западу. Военные технологии, на которые были потрачены огромные средства, разрабатывались в засекреченных учреждениях и не передавались в гражданские отрасли экономики. В свою очередь общее отставание экономики резко снизило научно-технический потенциал оборонных учреждений.

В СССР непосредственно на ВПК работали девять министерств, которые обеспечивались всем необходимым в первую очередь и без ограничений. Минмаш, Минсредмаш, Минтяжмаш, Минатомпром, Минавиапром, Минэлектропром, Минсвязи и т.д. создавали огромную часть валового национального продукта, которая учитывалась в статистических показателях как

продукция народного хозяйства, на самом же деле тяжелым бременем лежала на его плечах. На производство военной техники шла и лучшая продукция Минчермета, Минцветмета и других ведомств, которая относилась к оборонным расходам и скрывалась от официальной статистики.

В целом, если исключить несколько направлений военно-космической техники, а также составные элементы стратегической ядерной триады, наш ВПК, эта своего рода экономика в экономике, все-таки проиграл технологическую войну с Западом. Любому непредвзятому человеку станет совершенно ясна эта ситуация в сфере военной технологии, потому что советское оружие было неоднократно бито — и на Ближнем Востоке, и в Афганистане, и в ряде африканских стран. Военно-промышленный комплекс, поглощавший огромные средства государства и человеческие ресурсы, то и дело демонстрировал свою отсталость, и наши военные неудачи на международной арене вынуждали совершать «трудовые подвиги» в мирное время. В ходе израильско-сирийской войны, в которой участвовала наша военная техника, выяснилось, что советские танки, находящиеся на вооружении у сирийцев, не имели зенитного вооружения и оказались беззащитными перед израильскими вертолетами. Для спасения дружественных сирийцев и престижа советского оружия срочно было дано задание нашим заводам в г. Уральске освоить выпуск систем ПВО для танков. И тогда я с горечью подумал — если бы так заботились о мирных народнохозяйственных программах, для которых финансирования приходилось добиваться десятилетиями.

Дело заключалось не только в техническом аспекте. Довольно серьезной была проблема военно-психологического плана. Поражение в афганской кампании, которая обошлась стране в миллиарды долларов, унесла и искалечила десятки тысяч жизней и в конеч-

ном счете завершилась выводом советских войск, стало тяжелейшей психологической драмой народа. Это поражение отразилось и на мышлении части высшего военного командования, которое, наконец, начало достаточно трезво оценивать реальную ситуацию.

Я помню, каким ударом для нас было сообщение о том, что немецкий пилот-любитель посадил свой легкомоторный самолет в районе Красной площади. А ведь все мы были уверены в надежности системы ПВО не только Москвы, но и всей страны. В связи с этим вспоминается эпизод, о котором рассказывал мне Д. А. Кунаев. На одном из Пленумов ЦК КПСС при Л. Брежневем секретарь Московского горкома КПСС поставил вопрос о необходимости совершенствования системы ПВО столицы. Он привел данные, согласно которым уязвимость Москвы для потенциального противника была очевидной. Тогда его подняли на смех и вскоре сняли с должности.

Беспрепятственный перелет через территорию страны спортивного самолета, когда пилот-любитель обвел вокруг пальца всю систему противовоздушной обороны, конечно же, свидетельствовал о многом. Помню споры военных о причинах катастроф на атомных подводных лодках. Сегодня и без споров ясно, что даже если ВПК и производил супертехнику, ее нельзя было обслуживать при столь слабой выучке личного состава. Не так давно военные рассказывали мне, что современные ракетные комплексы на кораблях флота в конце 80-х годов часто выходили из строя через несколько месяцев после спуска судна на воду. И за месяц до зачетных стрельб на корабль прибывали инженеры завода-изготовителя, которые отлаживали и настраивали технику. В большинстве случаев, особенно на новейших комплексах, они же и проводили стрельбы.

Скажем откровенно — советское военное присутствие часто обеспечивали нестреляющие корабли и

танки, которые практически не имели обустроенной ремонтно-технической базы.

Я остановился на военных проблемах не случайно. Именно в военно-технической и военно-стратегической сферах особенно наглядно проявляется состояние общества, государства, экономики, а в недавнем прошлом — той или иной общественно-политической системы.

В начале второй мировой войны в Англии шутили, что военное министерство всегда готовится к прошлой войне. Я думаю, эта шутка была актуальна и для нашей страны.

Пусть не подумает читатель, что я навожу тень на людей в военной форме. Многих руководителей Минобороны СССР, генералов, офицеров знал лично. Они преданно служили стране. Дело не в них, и разговор не о них. На их плечи пытались возложить всю вину за бездарную военную политику.

Долгое время на Западе царил миф о том, что Советский Союз имел глубоко проработанную наступательную военную доктрину. Может быть, военные специалисты опровергнут меня, но я глубоко убежден — военно-политическая доктрина нашей страны в силу все более явственно ощущающейся недостаточности материальных и технологических ресурсов просто не могла иметь ярко выраженного общенаступательного характера. Советская военно-оборонительная доктрина и основанная на ней система комплектования, обучения кадров, система вооружений одержали блестящую победу во Вьетнаме, но потерпели сокрушительное поражение при первой же наступательной операции в Афганистане.

За этим чисто военным аспектом скрывается другой — более фундаментальный. Сегодня, по прошествии нескольких лет, приходит понимание того, что стратегия расширения социализма, которая была принята в первые

десятилетия существования СССР, была эффективна в период до развертывания научно-технической революции, когда происходило соревнование двух преимущественно экстенсивных по своему характеру систем. Тот тип научно-технологического развития, который начался с конца 60-х годов, в период реального совмещения науки и технологии, на мой взгляд, имел качественно разные темпы в СССР и в странах, являвшихся его основными геополитическими конкурентами. Поэтому, говоря о причинах крушения Советского Союза как государства и как определенного общественно-политического режима, я думаю, было бы некорректно датировать его 1991 годом и объяснять только субъективными ошибками руководства. Это — стратегическое, научно-технологическое поражение, которое носило не одномоментный характер, а происходило на протяжении 70-х — 80-х годов.

Не случайно и то обстоятельство, что начиная с конца 60-х годов представители нашей науки практически перестали входить в круг наиболее выдающихся ученых мира. После войны у нас резко сократилось количество нобелевских лауреатов, а те, кому была присуждена эта премия, были людьми преклонного возраста. Н.Н. Семенов, Н.Г. Басов и П.Л. Капица сделали основные свои открытия еще в первой половине столетия. Во-вторых, та редкостная концентрация интеллекта в сфере науки и технологии была достигнута в годы сталинизма за счет содержания в закрытых научно-исследовательских коллективах выдающихся ученых. Ведь тогда еще можно было опираться на фундаментальную научную школу, сложившуюся в России в дореволюционное время или в первые десятилетия существования Союза. Но в 80-е и в начале 90-х годов наши научные бюрократизированные структуры не могли конкурировать с научными коллективами, работавшими в ведущих западных странах. Конечно же, одна из характерных черт нашего времени в сфере

науки и технологии — это необходимость работать в открытых научных и информационных системах.

Безусловно, можно найти огромное количество разных причин, но все же не надо забывать о причине фундаментальной — растущем технологическом отставании нашей экономики да и общества в целом и о том огромном бремени, которое наложила гонка вооружений на развитие нашей страны.

К 80-м годам все явственнее проявлялись признаки перенапряжения экономики из-за необходимости поддержания военного и военно-экономического паритета. Вспомним вторую мировую войну. В результате огромной работы перед войной и в ходе военных действий масштабы советской и немецкой экономических систем стали сопоставимы, а экономический потенциал всей антигитлеровской коалиции превзошел германский в несколько раз. За период же с 1950 по 1990 годы стремление идти наравне с противником, примерно в два раза более мощным экономически, оказалось непосильным. Перенапряжение экономики стало следствием ее военной ориентации и одновременно вело к кризису всей экономической системы. Я полагаю, что этот очевидный, ясный и трудно оспоримый фактор, конечно же, более значим, чем причины субъективного порядка.

Все мы почему-то серьезно подзабыли энергетический и нефтяной кризисы 1973 года, когда страны ОПЕК реально показали свои возможности проведения согласованной политики, и цены на нефть драматически росли едва ли не еженедельно. В этих условиях примерно в середине 70-х годов все ведущие в технологическом плане страны мира активно переориентировались на развитие энергосберегающих и ресурсосберегающих технологий. Это было отнюдь не альтруистическое желание помочь ученым во внедрении их разработок, это было жесткое требование складывающейся мировой экономической конъюнктуры.

В тот же период в Советском Союзе началась интенсивная разработка новых нефтяных месторождений, особенно в Сибири. Казалось бы, экономическая конъюнктура предельно благоприятствовала нашему развитию. Миллиарды нефтедолларов были заработаны в те годы благодаря открытию мощных месторождений нефти, устойчивой и удачной конъюнктуре цен на мировом рынке энергоресурсов. Тот уровень жизни, который был достигнут в конце 70-х годов, — во многом результат особенностей мирового энергетического рынка и структуры народного хозяйства, складывающейся на тот момент. Безусловно, и военно-политическая, военно-техническая конкуренция с Западом также была детерминирована колоссальными энергетическими возможностями СССР того периода. Однако они не были использованы ни в стратегическом плане, ни в плане создания ресурсной резервной базы на будущее, в том числе и финансовых, золотовалютных накоплений. Они были потрачены не для технологического прорыва, а для нужд того же военно-промышленного комплекса и предоставления дотаций убыточным отраслям экономики, таким, как угольная промышленность, металлургическая и сельское хозяйство. Легче было бы перечислить, какие же отрасли, кроме нефтегазовой, давали прибыль. Кроме того, энергетическая обеспеченность во многом снимала потребность развития новых технологий сберегающего цикла. Внутренняя мотивация на технологический прогресс, по крайней мере в гражданских отраслях экономики, никак не проявлялась. В те годы я был секретарем ЦК Компартии Казахстана, ведающим вопросами экономики, и Председателем Совета Министров одной из крупнейших республик Советского Союза, и могу с сожалением, но совершенно ответственно говорить об этом. Хотел бы напомнить несколько характерных цифр.

Прежде всего, сошлюсь на данные, прозвучавшие в 1988 году в докладе о концепции развития страны тогдашнего Предсовмина СССР Н.И. Рыжкова. Активная часть основных фондов страны составляла 40 процентов, а пассивная — 60 процентов. В развитых странах — наоборот. В 70-е и 80-е годы бюджет страны оставался дефицитным. Несбалансированный и неудовлетворенный спрос населения на товары составлял 70 миллиардов рублей, а это пятая часть годового товарооборота. Убытки предприятий достигали 12 миллиардов рублей, что составляло третью часть дефицита госбюджета или третью часть стоимости жилищного строительства страны. После 1965 года в сельское хозяйство было направлено около 1 триллиона рублей. Эти деньги были использованы крайне неэффективно.

Средний душевой доход составлял 75 рублей, однако его имели около 40 миллионов человек; для 10 миллионов человек этот показатель не достигал и 50 рублей. 15 процентов населения страны имели средний душевой доход еще ниже этого уровня и по всем общепризнанным в мире показателям жили за чертой бедности.

В начале перестроечных лет было опубликовано много материалов с непредвзятым анализом экономического положения СССР. Мне запомнились выводы Н. Шмелева и В. Попова, опубликованные в журнале «Знамя» в мае 1988 года. Они писали, что в Советском Союзе строились предприятия, на которых некому было работать, а уже имеющиеся — не использовали на заданную мощность или выпускали ненужную продукцию. Закупались никому не нужные станки. За 25 лет фондоотдача в СССР снизилась почти вдвое: в промышленности — в полтора, в сельском хозяйстве — в три раза. Парк бездействующего сельскохозяйственного оборудования превышал все разумные пределы. Средний срок службы комбайнов за 30 лет сократился вдвое. В СССР комбайны служили в полтора раза меньше вре-

мени, чем в США. При потребности в 650 тысяч машин мы имели 1 миллион комбайнов. При этом затраты на их ремонт в 5-6 раз превышали первоначальную стоимость. Для такой техники требовалась целая армия ремонтных служб, численность которой гипертрофированно росла. В США на ремонте сельскохозяйственной техники в январе — феврале занято 1.8 — 2.9 миллиона человек, в июле — августе до 4 миллионов. У нас круглый год в этих целях содержалось около 30 миллионов специалистов. Один американский рабочий за одну смену производил столько продукции, сколько двое наших; один американский фермер — столько же, сколько пятеро наших колхозников.

В начале 80-х годов примерно 40 миллионов человек в СССР были заняты ручным трудом, во второй половине 80-х годов — уже около 50 миллионов, а в сельском хозяйстве — вообще более 80 процентов. Та чрезвычайно удачная конъюнктура, которая складывалась в 70-е годы, в 80-х существенно изменилась. Уже в середине 80-х годов основная отрасль, которая давала валютные поступления — нефтедобыча, — практически прекратила прирост производства, а между тем четыре пятых нашего экспорта составляли энергоносители, что еще раз подтверждает уровень нашего технологического и стратегического отставания.

Думаю, комментарии здесь излишни. Эти данные приведены, повторяю, в 1988 году. И до сегодняшнего дня мы несем бремя принятых тогда неправильных решений.

Внимательно изучая еще со времен работы на Карагандинском металлургическом комбинате технологии производства стали, я сопоставлял технологические новации в этой сфере у нас и за рубежом. В частности, в мартеновском производстве длительность процесса плавки стали составляла примерно от 8 до 12 часов. В то же время при кислородно-конверторном производстве,

родиной которого была наша страна, он укладывался в несколько десятков минут. Однако, бывая на металлургических комбинатах Соединенных Штатов и Японии, я убедился в том, насколько отстал от современного уровня даже наш, тогда самый передовой, карагандинский конвертор, построенный без машины непрерывной разливки стали. Этот способ дает огромные качественные преимущества и экономию энергоресурсов. Например, американцы уже в конце 70-х годов практически вывели из эксплуатации примерно 90 процентов всех мартеновских мощностей, а Япония к этому периоду вообще прекратила выплавку мартеновской стали. Мы же увеличили к началу 80-х годов производство мартеновской стали еще на 38 миллионов тонн и докладывали об очередных успехах в нашем валовом производстве. Все приведенные мною цифры и аргументы лишь частично отражают степень того огромного отставания нашей экономики от западных стран.

Я помню также об одной цифре, которая произвела на меня удручающее впечатление. Академик Р. Сагдеев привел данные о том, что на одно рабочее место в нашей стране приходилось примерно около 1 процента компьютерной оснащенности рабочего места в передовых странах. Эти факты, против которых трудно что-либо возразить, необходимо объяснять, не исходя из каких-то субъективных симпатий или антипатий, а корректно.

Почему не состоялся новый Вавилон?

Другой фундаментальной причиной распада страны, наряду с фактором технологического стратегического отставания или снижения уровня конкурентности, стал национальный вопрос. По мнению многих политиков, это даже самая главная, определяющая причина. В последние годы существования СССР положе-

ние усугублялось и тем, что на фоне кризиса власть не просто дала крен, но и продемонстрировала свою неспособность контролировать ситуацию. В стране тогда начались волнения, каких не знали предыдущие десятилетия. Особенно опасным в них было приобретение национальной окраски. События в Сумгаите, Нагорном Карабахе, Вильнюсе, Фергане показали отсутствие какой-либо программы решения национального вопроса, да и вообще стратегии перестройки в этом очень важном ее аспекте, что послужило поводом для острой критики власти. Именно с этих процессов, с процессов нерегулируемых межнациональных столкновений, практически началось понимание того, что власть уже парализована, а значит, обречена.

Я бы выделил два аспекта проблемы межнациональных отношений в бывшем Союзе. Как это ни парадоксально, одной из главных причин кризиса национальных отношений была теоретическая слабость руководства страны. Практически никто в верхних эшелонах власти и академических кругах, даже в последние годы существования СССР, не хотел серьезно заняться национальным вопросом. Объяснение межнациональных противоречий, а порой и прямых конфликтов фактически строилось на двух основаниях. К первому относились просчеты в осуществлении национальной политики марксистско-ленинского толка в годы сталинизма. Вторая группа причин — это якобы действие внешних сил, криминальных групп и эгоистически настроенной национальной интеллигенции. Постепенно становилось ясно, что такие объяснения неудовлетворительны не только в плане оперативного реагирования на межнациональные конфликты, но потому, что на таком фундаменте нельзя строить национальную политику вообще.

Сегодня многие забыли, что опубликованная в те поздние советские годы платформа КПСС по национальной политике была очередной банальной деклара-

цией, которая носила сугубо поверхностный характер. Я не занимался вплотную национальным вопросом до середины 80-х годов, поскольку был погружен в экономическую проблематику, приходилось решать задачи отнюдь не идеологического плана. Но уже на протяжении десяти лет я активно занимаюсь изучением этих вопросов, штудирую новую литературу, внимательно изучаю практический опыт. Помню целый шквал статей и монографий, обвиняющих И. Сталина в обострении национального вопроса. Во всем оказывался виноватым И. Сталин, который якобы исказил национальную политику, закладывая в первые годы существования советской власти. Да, конечно, были последствия сталинских депортаций. Но ведь нельзя обвинять во всех сегодняшних бедах человека, который скончался почти полстолетия назад. Причины трагедии, конечно, более глубоки, и, изучая опыт многих многонациональных государств, я пришел к пониманию того простого факта, что без основательной теоретической платформы, без глубокого теоретического осмысления ситуации национальную политику выстроить нельзя.

Бросаются в глаза провинциальность, наивность и архаичность в оценке межнациональных отношений, которые давались и в 1991 году, которые порой даются и сегодня разными историками и политиками, по-прежнему опирающимися на разработки первых марксистов. Нельзя рассматривать систему национальных противоречий и конфликтов в Советском Союзе в отрыве от общемировой ситуации. Ведь пробуждение этничности в конце XX века произошло далеко не случайно в глобальном масштабе, а не только в пределах СССР. Национальные, этнические взаимоотношения, а также внутриэтнические процессы стали вызовом второй половины XX века. Национальный фактор сыграл свою роль не только в разрушении колониальных империй, не только в становлении новых государств

мира. Он проявился в таких крупномасштабных по своим последствиям явлениях, как послевоенное восстановление Германии и Японии, экономическом рывке стран азиатско-тихоокеанского региона, в объединении Европы. По существу все процессы, происходящие в мире в самых разных областях: экономике, политике, идеологии, — связаны с национальным фактором.

Конечно же, у нас была своя специфика, но я уверен, что одна из наиболее фундаментальных причин того глубоко трагического опыта, который характеризует историю национального вопроса в Советском Союзе, — это совокупность явлений глобального порядка.

Наше столетие убедительно показало ошибочность одного из фундаментальных постулатов марксизма о превосходстве классового над национальным. Я напомним, что в марксизме в целом национальные движения рассматривались как явления, связанные со становлением капиталистического способа производства. Становление капитализма в свою очередь порождало различные классы и новую систему отношений между ними. В условиях развитого рынка, свободной рабочей силы, когда формируются институты гражданского общества, контроль, в том числе классовый, над политическими институтами, государством в значительно большей степени зависит от поддержки населения или, как мы сегодня говорим, от легитимности того или иного решения. Марксизм же, как известно, исходил из того, что государство является выразителем интересов не всего населения, а только определенного класса.

Эффективность контроля над государством во многом зависела от создания идеологии, которая могла бы поднять, мобилизовать и воодушевить все население. И национальные течения, национальные доктрины являются именно такого рода идеологиями. Поэтому, по мнению марксистов, возможны несколько вариантов взаимоотношений между национальным и классовым.

Национальное прежде всего может быть рассмотрено как определенная идеологическая и политическая доктрина одного класса, который навязывает эту доктрину другим социальным группам в обществе. Другой вариант — та или иная национальная идеология есть результат договоренности нескольких политических элит данного общества, которые вслед за этим заставляют принять данную идеологию все другие группы. Надо сказать, что сегодняшние расхожие объяснения национального вопроса и национальных проблем в бывшем СССР в общем-то исходят из той же самой концепции, в частности, когда говорится о том, что национальные бюрократии, подчиняя своим интересам развитие общества, взяли курс на установление собственного государственного контроля внутри своих республик, что и привело к развалу Советского Союза.

Очевидно, что такой подход, развиваемый в рамках весьма традиционных представлений, несмотря на новомодные термины, ошибочен хотя бы по той причине, что именно национальные бюрократии в значительной степени были вовлечены в процесс государственного регулирования еще в едином союзном государстве. И данные бюрократические структуры, и группы управленцев в наибольшей степени понимают необходимость интеграционных процессов. Видеть в этих группах орудие или инструмент развала СССР, по крайней мере его первопричину, не корректно не только фактически, но и теоретически.

Трактуя национальные процессы, национальные отношения исходя из отношений классовых, марксисты как ранние, так и поздние практически не приняли во внимание исключительную эффективность и жизненность процессов национальной мобилизации. Между тем ход Истории показал, что роль национального, этнического фактора не только не уменьшалась с дальнейшим развитием общества, в том числе того же ка-

питализма, а в значительной степени возрастала. Объясняется это прежде всего факторами культурного характера, а не социального порядка.

К тому же одна из теоретических слабостей марксизма заключалась в том, что он не смог выработать теории национального вопроса в странах третьего мира. Практически национальный вопрос трактовался в рамках теории освободительного национализма слаборазвитых регионов, а антиколониальное движение рассматривалось как часть борьбы за социализм. Сегодня стало очевидным, что процесс деколонизации имел совершенно иную природу и привел к иным результатам, нежели теоретически предполагалось в рамках марксистской доктрины.

Наконец необходимо отметить известную европоцентричность природы марксизма, несмотря на попытки объяснить и процессы за пределами небольшой группы развитых капиталистических стран мира. Ведь европоцентризм прежде всего сказался в непонимании как теоретическом, так и практическом тонких механизмов и институтов, которые накладываются на собственно социальные процессы.

Я бы сказал даже, что этнокультурная проблематика стран Центральной Азии практически так и не была осмыслена в рамках традиционной советской доктрины национального вопроса. В частности, не были поняты ни влияние институтов семьи, ни влияние религиозных, конфессиональных институтов, ни влияние традиционных структур власти на развитие как национальных, так и социальных процессов в этой огромной части бывшего Союза. В бывшем Советском Союзе мы имели дело с самыми разными типами национальных отношений. Способ регулирования ситуации в Прибалтике, Центральной Азии, на Кавказе должен был иметь совершенно различную по своим базовым характеристикам природу именно в силу существующей разнонаправленности процессов.

Сегодня многие трактуют распад СССР как результат деятельности радикальной части национальной интеллигенции. Конечно, в известном смысле это верно, поскольку интеллигенция является именно той группой, которая наиболее отчетливо выражает национальный интерес. Однако мне представляется, что еще одной из шаблонных ошибок в трактовке и способе регулирования национальных проблем в бывшем Советском Союзе было смешение нескольких разных типов национальных движений. Дело в том, что, на мой взгляд, национальные движения могут иметь совершенно различную природу.

В истории XX века одним из наиболее ярких примеров эффективного национального движения была теоретическая и практическая деятельность Кемала Ататюрка, который сумел создать современное турецкое государство и нацию. Суть его подхода заключалась в очень эффективной модернизации ментальности турецкого народа в рамках единого национального движения в отличие от архаического имперского сознания, идущего еще со времен Османской империи.

В то же время могут развиваться и движения несколько иного типа. Этот антимодернистский по своему духу и по средствам избираемых действий тип национального движения основан на консервации некоторых традиционных форм как культурной, так и социальной жизни. Поэтому я полагаю, что шаблонная оценка национальных движений и их анализ только с точки зрения оппозиции Центру были сами по себе ошибочны.

Как показало недолгое развитие постсоветских республик, разная направленность национальных движений сказывается и сегодня. Кстати, такую же ошибку допускают и многие зарубежные аналитики, которые рассматривают национальные выступления в разных регионах СССР как некий единый по своей природе ряд явлений, хотя в некоторых случаях эти явления

носили религиозную окраску, в других — просто проявления криминального порядка. Были и движения, носящие совершенно рациональную национальную природу, имеющую модернистский потенциал.

Сегодня многие говорят о том, что этническое нивелирование разных народов в годы существования СССР стало одной из главных причин национального взрыва. Я же думаю иначе. Тоталитарный режим в целях самосохранения должен был нивелировать национальное многообразие народов и культур. Такая политика была направлена на преодоление непреодолимого — цивилизационного разрыва народов страны. Советский Союз был конгломератом разнотипных и по своей цивилизационной принадлежности, и по своим культурным ориентирам наций.

Речь идет не о том, что одни народы были более развитыми или менее развитыми. Просто сегодня приходит понимание: миф об образовании на территории СССР нации под названием «советский народ» так и остался мифом, которым забавлялись только теоретики из пропагандистских и идеологических отделов ЦК КПСС. По сути же бывший СССР — это территория глубокого цивилизационного разлома. Сегодня явно проявляются подспудно существовавшие и подавлявшиеся прежним режимом этническая, культурная, цивилизационная близость балтийских стран к Северной Европе; историко-культурное взаимопритяжение тюркских государств, сложнейшая этнокультурная природа кавказских государств наверняка не позволяют рассматривать и их в качестве единого цивилизационного образования.

Конечно, в те годы понимание многовековой, а в ряде случаев и тысячелетней цивилизационной разнородности территорий мало кому приходило в голову.

Национальная проблематика характерна своим обострением не только в таких странах, как распавшийся

Советский Союз или Югославия. В развитых западных странах имеются этнические проблемы не менее сложного порядка. Совершенно очевидно, что проблема квебекского сепаратизма в Канаде связана не столько с факторами социального, сколько этнического характера. Исторически разные культурные корни разных групп населения в стране, которая прошла благополучное и мирное развитие на протяжении многих лет, сегодня приводят к постепенному расколу. В разряде этих же проблем — курдский вопрос. Практически нет радикальных сдвигов в решении целого клубка противоречий в Северной Ирландии. Одна из наиболее острых проблем Испании — проблема Страны Басков. Иначе говоря, решить раз и навсегда национальный вопрос невозможно. Этого не смогли сделать даже самые благополучные демократические страны мира. Нам необходимо отказаться от попыток разрешить национальный вопрос окончательно и бесповоротно и перейти к другой, принципиально иной стратегии. Не надо пытаться стереть объективно возникающие противоречия. Наша стратегия должна заключаться в том, чтобы проводить политику, упреждающую перерастание противоречий в кровопролитные конфликты.

К сожалению, несмотря на все заявления, платформы, программы, ни в один из периодов советской истории не было сделано серьезного анализа межнациональных отношений и путей их разрешения. Когда межнациональные противоречия переросли в конфликты, а конфликты — в кровавые столкновения, высшее руководство страны, не имея теоретической базы и практически не понимая ситуацию, в конце 80-х годов избрало силовой путь решения национальных проблем и окончательно завело страну в тупик. Тогда были введены войска в Баку, произошли трагические события в Вильнюсе, Тбилиси. Напомню, что элементы такого силового подхода проявились в Алматы еще в де-

кабре 1986 года, когда было жестко подавлено демократическое волеизъявление молодежи против диктата Центра. Тогда вся страна понимала лживость заявлений высшего руководства страны о том, что оно не знает обстановки, а силовые решения принимаются без его участия. В этих условиях национальный вопрос стал одним из главных факторов развала СССР.

В суете насыщенного событиями времени мы еще не оценили в полной мере исторической важности событий декабря 1986 года. Это было первое выступление людей, искренне поверивших в демократические перемены, поверивших слову М.С. Горбачева. На устах у них был один простой вопрос: «Почему, даже не поинтересовавшись мнением людей, привезли руководить республикой человека, который не знал ни Казахстана, ни населяющего его народа, ни его традиций и культуры?»

И ответом на этот простой и правомерный вопрос было жестокое подавление митинга с беспощадным избиванием и кровью девушек и юношей...

Это было началом агонии системы. Вильнюс, Тбилиси, Баку — все это было потом.

Декабрьские события 1986 года показали, насколько выросло самосознание казахской молодежи. Она первой преодолела страх перед тоталитарной системой, которая почти столетие заставляла жить народы в казарменном режиме. Молодежь от имени своего народа открыто заявила, что больше не допустит попрания чувства национальной гордости, присущего любой нации.

В казахской истории было немало драматических и высоких минут, часов и дней. Одна из таких драматически высоких минут в новейшей национальной истории — три декабрьских дня 1986 года.

И этот первый росток нового демократического сознания был выдан системой за проявление махрового национализма. Впоследствии мне неоднократно при-

шлось убеждать многих, в том числе и М.С. Горбачева, о снятии обвинения в национализме со всего казахского народа. Политбюро ЦК КПСС вынуждено было отменить свое собственное решение.

Вне такого, нормального, без всяких идеологизированных и политизированных наслоений, национального чувства не может быть уважения и к иной национальной культуре.

Именно по этому поводу один остроумный мыслитель еще в XIX веке сказал: «Прежде чем стать интернационалистом, нужно иметь национальное чувство».

Я глубоко убежден, что лишь при достойном отношении к другой национальной культуре возможен настоящий гражданский мир. Казахи глубоко освоили русскую культуру, но и богатейшая казахская культура не должна оставаться тайной за семью печатями для всех национальностей, проживающих в Казахстане. Казахская литература, язык, фольклор, музыка — все это неизмеримо обогащает потенциал каждого. Приобщение к одной из наиболее своеобразных и богатых культур Евразии — казахской культуре — это и знак уважения к народу, давшему на своей земле приют другим в самые тяжелые годы. Именно такое уважительное, эволюционное движение навстречу друг другу есть путь к гармонии в межнациональных отношениях. Альтернатива — это хаос и взаимная ненависть.

Скажу еще об одном очень важном и редко рассматриваемом факторе, приведшем к развалу советской государственности. Занимаясь экономикой, я достаточно отчетливо видел одну из фундаментальных проблем, которая носила не столько национальный характер, сколько характер взаимодействия центральных и периферийных регионов нашей страны.

На протяжении длительного периода Центр использовал три разных способа контроля над территориями. Еще раз повторю, что этот контроль во многом но-

сил не национальный характер, а заключался во взаимодействии разных ступеней иерархии управления. Контроль Центра над периферийными регионами обеспечивался прежде всего путем сложного административного деления страны. Сложившаяся административно-территориальная структура СССР, независимо от того, понимали ее значение бывшие политические руководители страны или нет, имела свою четкую логику. Она заключалась в том, что система, несмотря на свою сложность и многоступенчатость, позволяла быстро и эффективно проводить те или иные управленческие решения. Контроль проходил по военной, политической, административной, судебной и, главное, — по партийной линии. Созданная в годы сталинизма административная система являлась одним из опорных, базовых, цементирующих элементов страны.

И не случайно в период заявленной М. Горбачевым демократизации одним из главных стал вопрос о перераспределении власти между различными административными органами в системе территориального деления страны.

Второй способ контроля Центра над регионами состоял в экономической политике, которая базировалась на единых форме собственности, финансовой системе, транспортно-экономической структуре и экономическом механизме. А централизованная система планирования задавала ту или иную специализацию регионов. Благодаря разной экономической специализации, когда один регион просто не мог выжить без другого, создавалась дополнительная структура прочности, структура устойчивости системы в целом. Во многом это была экономически бессмысленная интеграция, которая на самом деле имела глубокий политический смысл. Речь шла не об экономической эффективности, а о сохранении устойчивости системы. Поэтому и сегодня нам очень тяжело преодолеть эконо-

мический кризис при разрыве связей, а наша зависимость от создававшегося на протяжении почти столетия экономического комплекса достаточно очевидна.

Наконец, третий способ контроля Центра над периферией. Это культурная интеграция, которая обеспечивалась двумя мощными инструментами: прежде всего, идеологической обработкой сознания, во-вторых, языковой политикой. Мне хотелось бы подчеркнуть, что речь идет не о позитивной или негативной оценке русского языка как такового или его роли и даже не о том, что русский язык доминировал над национальными языками народов СССР. Я убежден, что знание русского языка, в частности казахами, есть безусловно позитивный факт. Но дело в том, что путем определенной языковой политики также задавалась дополнительная устойчивость государственной системы в целом.

Что же произошло в годы перестройки? Прежде всего началось изменение административно-территориальной иерархии. Вы помните о том, что в этот период начался поиск новых систем административно-территориального деления страны. Возник вполне закономерный вопрос со стороны автономных республик — Татарстана, Башкортостана — относительно их статуса в рамках союзного государства. В те годы возник и вопрос, который является одним из самых сложных в России, — о самостоятельности Чечни. Все это отголоски того периода, когда «пошел процесс» изменения административного, а соответственно и политического статуса разных территориальных единиц.

1990 и 1991 годы шли под знаком дискуссий о том, каковы уровни административной иерархии тех или иных территориальных единиц. Затем этот разговор вышел на другой уровень — заключения нового Союзного договора с участием всех национальных образований, в который практически закладывалась идея конфедеративного союза независимых государств.

Споры о политической иерархии тесно переплелись с вопросами экономической самостоятельности регионов. Началось активное обсуждение межрегиональных экономических отношений, проблем формирования региональных рынков и выхода на международные экономические связи. Происходили довольно значительные передвижки в плане ориентации республиканских экономик на внутренние потребности, определенная либерализация режима внешней торговли. Все это заложило фундамент значительного изменения отношений Центра и регионов, отхода от жесткого иерархического диктата, который доминировал на протяжении многих десятилетий. Трудно даже представить себе, чтобы в 60 — 70-е годы вопросы, связанные с собственным выбором межрегиональных и зарубежных экономических партнеров, могли быть допущены в рамках системы. Поэтому мы имеем дело не только с административной, но и сопровождающей ее экономической трансформацией, которая в значительной степени уже изменила систему отношений между центральными и периферийными регионами.

Сегодня, когда я слышу, что необходимо возродить централизованную плановую систему в масштабах всего СНГ или в масштабах всего бывшего СССР, я думаю, что люди, выдвигающие подобные «проекты», конечно же, не имели опыта практической работы в реальной экономике последних лет существования СССР. Идеальной плановой экономики никогда не было, а тем более в 1989 — 1991 годах. Из последних 18 лет существования СССР планы не выполнялись 13 раз. Я сочувствую, но не понимаю тех, кто мечтает о прошлом, которого не было.

Наконец вопросы, связанные с культурным взаимодействием Центра и регионов, в большей степени имеют национальную природу. И в этом плане конец

80-х — начало 90-х годов явно демонстрировали поиск альтернативных моделей образования новых интерпретаций своей собственной истории. Это был период роста национальных движений во всех республиках бывшего Союза. И, конечно, не случайно он был связан с вопросами культурного, идеологического и языкового характера. Надо сказать, что в конце 80-х — начале 90-х годов отнюдь не было того идеологического однообразия и единства, о котором сегодня говорят сторонники восстановления СССР во что бы то ни стало. Уже тогда общественно-политический климат, общественное мнение во многих сегодня независимых странах СНГ были уже совершенно иными.

Отмечу очень важное обстоятельство: система отношений Центр — периферия в рамках бывшего СССР претерпела радикальные изменения еще до юридического, правового распада СССР. И, конечно, при всей драматичности происшедшего считать это совсем уж неожиданным было бы верхом наивности.

Что же было и оставалось цельной организационной структурой, стабильной, несмотря на все трансформации, чистки, экономические эксперименты, идеологические кульбиты, оплевывание предшественников, сомнительные и недостойные перезахоронения у мавзолея, блестящие победы и сокрушительные поражения, постепенную деградацию стареющих вождей, серость пропаганды? Только КПСС. Кризис компартии — это кризис общества и страны, которая занимала одну шестую часть суши.

Сколько бы сегодня, пять — шесть лет спустя, не отрещивались некоторые политики, серьезнейший психологический, организационный, прежде всего политический удар системе нанесли они образованием Российской компартии. Разумеется, свою роль сыграла и отмена шестой статьи Конституции, утверждавшей партийный монополизм. Судите сами. Прошло

шесть лет. Сегодня, после бурных 90-х годов, все мы понимаем, что ни в одной стране бывшего Советского Союза ни одна партия не может составить конкуренцию бывшей Коммунистической партии Советского Союза. И сколь бы не были крепки задним умом критики, невозможно опровергнуть тот простой и эмпирически подтверждаемый факт, что ни одна из партий ни в одной, даже самой крупной стране СНГ близко не приближается ни по численности, ни по аппаратной выучке, ни по реальным организационным возможностям к даже уже ослабленной после 1989 года КПСС.

Так что разрушение КПСС — это прежде всего внутренний процесс. Ведь нельзя же серьезно предположить, что И. Полозкову и его соратникам мысли о создании Российской коммунистической партии навевали некие сценаристы из-за рубежа. Развал СССР приобрел необратимый характер именно после объявления первой среди союзных республик Российской Федерацией своего суверенитета. У всех тогда на устах был вопрос: а от кого, от чего суверенна Россия? Она же ядро страны. Совершенно очевидно, что не объявление Россией своего суверенитета послужило первопричиной и главным фактором развала СССР. Как мы видим, причины носили более серьезный характер. Однако в формальном плане провозглашение Россией своего суверенитета 12 июня 1990 года, конечно же, означало невозможность дальнейшего существования СССР в прежнем качестве.

Когда сегодня в эмоциональном запале кое-кто призывает к суду истории над своими бывшими коллегами, мне кажется, во всем этом есть элемент по-человечески объяснимого, но исторически неоправданного поведения. Обвинять можно и ортодоксальных коммунистов, и демократов. Но я противник навешивания субъективных ярлыков. Здесь, наверное, работает старая и хорошо известная нам по штудированию марк-

систских первоисточников аналогия Ф. Энгельса, который сравнивал историю с параллелограммом индивидуальной воли и сил. Часто все складывается в конечном счете против воли участвующих в политическом процессе людей.

Наблюдая изнутри события драматического 1991 года, могу определенно сказать, что большинство действующих лиц драмы не ставило сознательной целью столь радикальный и скоротечный разрыв связей союзного государства. До Вильнюса, Баку, Тбилиси и ГКЧП все сводилось к формированию цивилизованной конфедерации государств с эволюционным развитием к независимости. Конечно, после августа 1991 года это стало практически невозможно.

Лику времени

Я уже говорил о том, что в данной книге мне не хотелось бы заниматься политической мемуаристикой. Поэтому здесь нет жесткой хронологической последовательности, но хотелось бы соблюсти последовательность логическую.

Вспоминаю людей, с которыми мне пришлось встречаться. С некоторыми контакт был достаточно формальным, с другими довелось поработать вместе довольно долгое время. Период позднего СССР для меня имеет отчетливый привкус геронтократии. Это выразилось даже в языке поздней брежневской эпохи. Наверное, читатели среднего и старшего возраста помнят интересные неологизмы того времени, когда писатель за сорок лет был подающим надежды литератором, а шестидесятилетний член Политбюро — способным, перспективным политиком нового поколения. Тогда только время и шаблонное поведение давали гарантию на продвижение. Сегодня можно улыбаться, но именно в ту сонную эпоху был заведен часовой ме-

ханизм, взорвавший через десятилетие огромную страну. Пресловутая стабильность в кадровой политике, которая, наверное, в нашей стране являлась любимым занятием коллективно стареющей бюрократии, превратилась в постепенную деградацию кадров.

Наверное, многим молодым политикам того времени так же, как и мне, приходил на ум один и тот же вопрос. Ведь и Косыгин, и Суслов, и Устинов, и Громыко, и Байбаков, лидеры республик того времени, да и сам Брежнев вместе со многими десятками других, пришли к власти в 30 — 35 лет. Это парадоксально: безусловная незаурядность подняла этих молодых людей на высшие позиции, а через 25 — 30 лет они окончательно забыли о необходимости смены элит, о своем возрасте, когда они пришли к власти.

Я категорический противник того, чтобы представлять властвующую элиту того времени безмозглыми стариками, как это иногда сегодня делают. Это неверно абсолютно, их управленческий класс был высоким. Но пик свой они прошли уже в начале 70-х годов и не дали возможности новым поколениям проявить себя. А затем началось недостойное, повторяю, этих отнюдь незаурядных людей, отстаивание своего кресла. Насколько мне известно, лишь А. Косыгин и уже совершенно больной Л. Брежнев просили коллег о своей добровольной отставке. Поэтому мне кажется, не надо забывать и о таком факторе, как отсутствие традиции смены политических элит. Качество политического материала было испорчено годами селекции наоборот, когда чрезвычайно рискованно было проявлять политическую самостоятельность.

На рубеже 70-х — 80-х годов назрела необходимость кардинальной смены высшей управленческой элиты, и здесь для внимательного наблюдателя становилось ясно — на этот типично внутренний вызов времени система не смогла ответить. С другой стороны,

еще одним показателем внутренней слабости системы становится сугубо декоративная роль формального лидера. 18 лет человек руководил страной, в общем-то не тиран и не злодей, а во всей стране, кроме узкого круга близких, никто не только не плачет, но и просто не жалеет покойного. Это страшно.

Мне приходилось в тот период в составе государственных делегаций неоднократно выезжать за рубеж, и самое оскорбительное было в том, что насмешки над Л. Брежневым превращались в насмешки над страной, над народом, облик которого связывался с физическим обликом его лидера. Я помню последний приезд Л.И. Брежнева в 1980 году в Казахстан. Тогда на 60-летие республики прибыли почти все члены Политбюро. Физическое состояние Генерального секретаря было угрожающим. Я сам наблюдал, как охрана помогала ему передвигаться, потому что самостоятельно ходить он не мог. Во Дворце им. В.И. Ленина проходило торжественное собрание. В перерыве мы отдыхали в гостевой комнате. Я обратился к Л. Брежневу с несколькими вопросами. Запомнил его глаза... Глаза безнадежно больного человека.

А время было беспокойным. Л. Брежнев несколько раз по специальной связи говорил с польским руководством. Ситуация там была чрезвычайно сложной. Именно в Польше в те годы обозначилось начало краха социалистической системы. И сейчас, постфактум, задумываешься, как же можно было справиться с такой сложнейшей и совершенно неординарной ситуацией, складывающейся не только в СССР, но и в странах восточного блока в целом, человеку, которому было трудно физически справиться с самим собой.

22 марта 1984 года меня назначили Председателем Совета Министров Казахстана. Я оказался самым молодым премьером в СССР. Близкое вхождение во власть в тот период вызвало двойственное ощущение.

С одной стороны — желание использовать практический опыт, а школу перед тем я прошел неплохую, для улучшения экономической ситуации в Казахстане. С другой стороны, должен откровенно сказать, именно тогда мне открылись новые стороны управленческой жизни, жизни властвующих элит.

Когда-то остроумный Жан де Лабрюйер говорил: «Если смотреть на королевский двор с точки зрения жителей провинции, он представляет собой изумительное зрелище. Стоит познакомиться с ним — и он теряет свое очарование, как картина, когда к ней подходишь совсем близко. Двор похож на мраморное здание: он состоит из людей отнюдь не мягких, но отлично отшлифованных».

Я должен сказать, что психологически мне было достаточно сложно адаптироваться к «дворцовым» нравам. А ведь по существу двор французских королей, и «двор» генеральных секретарей или республиканских партийных лидеров мало чем отличается друг от друга в силу некоторых особенностей нравов любой властвующей элиты. Мой производственный, человеческий опыт был несколько иным. Работа в коллективах металлургов, близкое знакомство с шахтерским трудом сформировали во мне иные жизненные установки. Демократизм и прямота рабочего коллектива отторгают любое доктринерство. И для меня в общем-то не было проблемы выбора между делом и приспособлением ко нравам «двора». Я выбрал дело, и, как оказалось впоследствии, это привело к очень сложным коллизиям.

Думаю, нет необходимости вспоминать все детали того времени. Было у нас немало серьезных, а часто и «громких» дел в Совете Министров. Но это вызвало несколько неожиданные и непредсказуемые последствия.

Динмухамед Ахмедович Кунаев... Всегда относился к нему с искренним уважением, даже в самые труд-

ные периоды наших отношений. Максимализм, с которым мне хотелось изменить ситуацию к лучшему и в экономике, и в кадрах, и в политике, не встретил понимания. Тогда я искренне считал, что выступаю на стороне Д. Кунаева, подвергая жесткой критике и пресекая безобразия, творимые некоторыми первыми секретарями обкомов партии и руководителями министерств. Я искренне надеялся, что Первый, убедившись в моей правоте, разгонит всех негодяев, и мы сможем действительно провести серьезные реформы в жизни Казахстана. Ведь этого требовали решения уже прошедшего Апрельского (1985 г.) пленума ЦК КПСС. Тем более необходимо иметь в виду и тот энергетический настрой, который оставил после себя Ю. Андропов. Но я не учел другого — того, что Динмухамед Ахмедович Кунаев, действительно крупный политик своего времени, почти треть века занимавший разные высшие государственные посты в Казахстане, психологически, да и, наверное, физически (к тому времени ему уже было за 70 лет), по-видимому, не смог адаптироваться к новой ситуации. К тому же в Центре к власти только что пришел К. Черненко...

Я думаю, что позиция Д. Кунаева объяснялась не столько инерцией мышления, не столько стремлением сохранить так называемую стабильность, сколько простой усталостью много испытывавшего в своей жизни человека. Ведь за плечами у Д. Кунаева стояли очень сложные и напряженные годы работы в той системе. Приходилось слышать, как он сам говорил: «... устал, надоело все, доработаю до 75 лет и уйду...»

Любой управленец согласится со мной, что находиться тогда на высших постах в системе государственной власти человеку, не обладавшему административными, управленческими способностями, навыками, искусством, практически было невозможно. Жизнь показывает, что эти качества необходимы и сейчас для

управления страной. Я думаю, в известном смысле это была и личностная драма, когда руководители в старческом возрасте, прекрасно осознавая свою, мягко скажем, функциональную беспомощность, сидели десятилетиями на своих постах. Помню и такой, очень интересный штрих. К. Черненко, став Генеральным секретарем, принял решение, по которому члены Политбюро старше 70 лет могли работать пять дней в неделю, к тому же с десяти до пяти часов. Не раз приходилось слышать: «Мы можем не работать, партия все сделает». Вот так...

Момент психологического несовпадения и, наверное, большая возрастная разница тоже сыграли свою роль в этих непростых отношениях. Я сделал свое замечание о нравах «двора», вспомнил фразу Лабрюйера не случайно. Свою роль в обострении моих отношений с Д. Кунаевым в то время сыграли, конечно, некоторые первые секретари обкомов, аппаратчики, достаточно близкие и вхожие к Д. Кунаеву. Прошло много времени. Конечно, прежние нашептывания обо мне, совершенно невероятные истории о моих замыслах и проектах уже не имеют никакого значения. Зла я на этих людей, настраивавших против меня Д. Кунаева, не держу. Более того, многим из них впоследствии помог.

После того как я стал руководителем республики, мы не раз встречались. Зашел к нему, когда умерла его жена. Он сам заглаживал по разным житейским вопросам и никогда не знал отказа. Не в пример отдельным «бывшим» Д.А. Кунаев полностью отошел от политики, вел себя солидно, мудро, поддерживал проводимую сложную работу в республике, делился своим мнением об отдельных руководителях. Вспоминается такой случай в начале 80-х годов. Однажды летели мы в его самолете из Алма-Аты в Петропавловск, с юга на север республики. Вдруг он меня подозвал и шепотом говорит: «Какая у нас республика. Вот бы стать само-

стоятельным государством». И приложил палец к губам. Такие вещи он всегда говорил шепотом, даже в самолете. Думается, знал, что и члены Политбюро «ходят под колпаком». В год его смерти в мае звоню домой и приглашаю его полететь со мной на праздник в Ордабасы. «Зачем, — говорит, — ты хочешь меня, старика, таскать в жару. Умру еще в дороге». Посмеялись...

Много воды утекло с тех пор. Примерно за месяц до кончины Д. Кунаева я с ним доверительно беседовал. Действительно, много проблем было в наших отношениях, расходились наши взгляды на происходящие события, оценки разных людей. Но я запомнил в нашей последней беседе такие слова Динмухамеда Ахмедовича. Он сказал: «То, что ты говорил и делал, Нурсултан, оказалось правильным. Я поддерживаю твой курс...» И мне стало грустно от того, что тогда, десять лет назад, мы не пошли вместе.

Сегодня во многих республиках СНГ продолжают клеймить недавних руководителей, возбуждать дела и принимать постановления, которые оскорбляют достоинство многих бывших крупных государственных деятелей. Не понимаю некоторых политиков и журналистов, которые с восторгом чернят наше совсем недавнее прошлое. К счастью, нам удалось избежать этого. Я помню, как вся столица провожала его в последний путь. Сегодня в Алматы есть улица Д. Кунаева. Указом Президента его имя присвоено предприятию, институту, где он трудился. Сегодня работает фонд Д. Кунаева, издана и переиздана книга его воспоминаний. Мы сохранили его памятник в центре города...

Кстати говоря, мало кто знает, чего мне это стоило, особенно когда сносили памятники бывшим руководителям в других республиках. Для того чтобы читатель понял, о чем я веду речь, достаточно вспомнить конец 80-х годов в Казахстане, особенно период с 1986 по 1989 годы.

Пытаться забыть свое прошлое, каким бы сложным и трудным оно ни было, постоянно кивать во всем на предшественников — недостойно уважающего себя человека, особенно недостойно уважающего себя политика. Это не ностальгия по старым временам, это уважение к своей, пусть непростой, но родной истории. Д. Кунаев в истории Казахстана, безусловно, останется как крупная политическая фигура. Разговор о нем — это отдельная тема. Здесь же ограничусь сказанным...

Я бы не стал сводить причины распада СССР только к личностным факторам. Дело в том, что, на мой взгляд, — и об этом свидетельствует мой личный опыт, — в высшем эшелоне прежней системы было немало убежденных людей. Но индивидуальности при всем их идеологическом пуризме, конечно, не смогли спасти идею. К тому же старое поколение постепенно уходило в прошлое. На вершине власти оказывались другие люди, которые уже целиком замкнулись на аппаратных играх, почувствовали вседозволенность. Это были люди явно не аскетического характера. Брежневское поколение погрузило страну в стагнацию. Меня покорила циничная прямота, с которой Р. Рейган писал в своих мемуарах после смерти К. Черненко: «И снова в Кремле новый человек. Как я могу о чем-нибудь договориться с русскими, — спросил я Нэнси, — если они мрут прямо на глазах».

Как это ни печально было признавать, но все мы понимали, что система умирала со своими лидерами, которые уже никуда не вели.

Михаил Горбачев... С этим именем связаны события тех шести лет, когда осуществлялась самая радикальная в истории СССР попытка реформировать советскую систему. Чем она закончилась — вы знаете. Конечно, его приход объективен — время требовало перемен. Но если говорить о персоналиях, для многих непонятно: как могло случиться, что М. Горбачев, который по характеру сложился как автократ, вся жизнь которого прошла в

комсомольско-партийной системе, стал инициатором губительной для этой системы перестройки?

Мне кажется, М. Горбачев как политик и коммунист не планировал таких глубоких перемен. Многие полагают, что его цели ограничивались лишь частичной корректировкой внутривластной системы, ослаблением «холодной войны» и удовлетворением амбиций «исторической личности». Если исходить из такой программы-минимум, то М. Горбачев переоценил искренность западных политиков, в первую очередь своих коллег — руководителей государств. В этом смысле по-новому видятся многочисленные зарубежные контакты М. Горбачева и его окружения, его невероятно быстрое сближение с М. Тэтчер, Р. Рейганом, Дж. Бушем и другими политиками Запада. Как мне кажется, свою роль сыграл характер самого М. Горбачева, который хотел войти в историю не только как реформатор, но и политик мирового масштаба. И это проявлялось даже в мелочах. Я несколько раз присутствовал при его телефонных разговорах с лидерами Запада. Ему нравилось показывать своему окружению, что он накоротке с М. Тэтчер и запанибрата с Дж. Бушем. Как-то раз я оказался в его кабинете, когда он говорил по телефону: «Сейчас увидите, буду называть Буша Джорджем, а он меня — Михаилом». Ему это очень нравилось, а мы этого, откровенно говоря, не понимали. Интересно, что после того, как в результате Беловежского соглашения М. Горбачев лишился президентского кресла, Джордж Буш, которого Михаил Сергеевич считал своим другом, даже не позвонил ему. Вместо этого он провел продолжительную беседу с Борисом Ельциным, в очередной раз доказав, что у государства вечных друзей нет, а есть лишь долговременные политические интересы.

Мы встречались с М. Горбачевым с 1979 года на различных совещаниях, но тесного общения не было.

М. Горбачев тогда особенно не был известен. Первая длительная беседа между нами состоялась в 1984 году, когда я был уже Председателем Совета Министров Казахстана. Я встретился с Горбачевым, когда «пробивал» в Москве чехословацкое оборудование для пошива дубленок в Семипалатинске.

За шесть лет пребывания на посту Генерального секретаря этот человек успел измениться до неузнаваемости. Горбачев ранний и Горбачев последнего периода — это небо и земля. Когда он стал Генсеком, к нему уже нельзя было подступиться, невозможно попасть на прием. Он уже полностью «усвоил», что такое Генеральный секретарь ЦК КПСС. Был постоянно занят, общался лишь с узким кругом приближенных, а остальных просто не замечал.

Мне хорошо запомнился один эпизод из общения с М. Горбачевым ранним. Три раза я ездил в Москву на согласование по вопросу назначения на должность Председателя Совета Министров Казахстана — никак меня К. Черненко не мог принять, был болен. В то время М. Горбачев был на «вторых ролях». Все три раза мы подолгу беседовали. Он как бы извинялся за К. Черненко. Говорили о республике, о стране, о необходимости перемен в экономике, политике. С тех пор у нас сложились рабочие взаимоотношения.

Через год К. Черненко скончался. После его смерти многие в аппарате ЦК КПСС, особенно его нижнее звено, хотели, чтобы Генеральным секретарем стал М. Горбачев, потому что уже тогда он располагал к себе, был проще, энергичней, заметно выделялся среди старой, застывшей, привыкшей к субординации «гвардии».

Как раз в этот период обострились мои противоречия с руководством республики. Дело доходило до жесткой конфронтации. К прежним проблемам добавились новые — началась «перестройка». М. Горбачев тогда меня поддержал. Он понимал, что ему необходи-

мы союзники для борьбы со старым поколением членов Политбюро. В то время еще на своих постах оставались Щербицкий, Тихонов, Гришин, Громыко и другие. Эта старая плеяда мешала молодому генсеку. Д. Кунаев также принадлежал к среде сторонников «стабильности». Как они ее понимали? Есть одно образное выражение Ф.Д. Рузвельта: «Страна вымирала дюйм за дюймом». Именно медленное умирание системы составляло основу той стабильности. Именно нежелание руководства страны, старческого ареопага, менять хоть что-то было основой ложно понимаемой стабильности.

На М. Горбачева значительно влияло окружение. Он постоянно метался из крайности в крайность. На Западе ему советовали одно, у себя в стране — другое. Советчиков было много, поскольку проявить мудрость в чужих делах куда легче, нежели в своих собственных. Но даже новая обойма политиков, которых Михаил Сергеевич вывел на Олимп советской власти, не смогла стать проводником нового; часть из них сегодня растворилась, другие дошли, как известно, до организации переворота...

Есть разница между решительностью в борьбе за власть и решительностью в использовании ее. М. Горбачеву не хватало последнего. Перед ним стояло несколько возможностей. Первая — сохранение ситуации, доставшейся ему в наследство. Вторая — восстановление жесткой тоталитарной системы, продолжение андроповского курса. Третья — реформирование страны на базе социал-демократической модели. Вспомним популярные тогда разговоры о шведской модели социализма и т.п. По мере развития событий возникла и еще одна альтернатива — полный отказ от политической и экономической системы социализма. Конечно, он мог сохранить КПСС, которой в то время всецело командовал аппарат, вести глубокие экономические реформы по китайскому образцу. Послушная

партия сделала бы все, тем более что тогда М. Горбачев пользовался огромной популярностью в народе. Но он не сделал окончательного выбора.

Помню, как в 1988 году на XIX Всесоюзной партийной конференции директор Института экономики АН СССР академик Л.И. Абалкин привел, казалось бы, неоспоримые доказательства того, что экономика разваливается. Это было смелое выступление. Л. Абалкин говорил, что за два года объем национального дохода снизился по сравнению с XI пятилеткой, состояние потребительского рынка резко ухудшилось. Тот, кто управляет страной, должен знать основы экономики. Причина начинающегося кризиса была не в бюрократии, на которую вину за все беды возлагал М.С. Горбачев, а находилась гораздо глубже. Надо было выбирать — или качество, или количество; или социалистический строй с однопартийной системой, или реформы. Директив было много, но дело стояло на месте. Ученые предложили свое видение реформ, но никто не хотел принять во внимание непредвзятые выводы экономистов. В конце концов необходимо было определить — социализм мы строим или нет, без решения этого коренного вопроса не могло быть и речи о дальнейшей реформе. В своем заключительном слове М.С. Горбачев раскритиковал Л.И. Абалкина, но не дал ни одного вразумительного ответа на поставленные вопросы. У руководства государства не было четкой цели, стратегии и реального понимания ситуации.

Мне кажется, «социализм с человеческим лицом», приверженцем которого М. Горбачев так и остался, для него самого был скорее лозунгом, за которым не было конкретной концепции, а следовательно, и стратегии развития. Приведу показательный пример. На одном заседании Съезда народных депутатов в июле 1990 года от него требовали выступить с планом выхода из кризиса. Он очень часто выступал и, видимо, уже вы-

дохся. Окончательно запутавшись и не определившись с выбором, М. Горбачев уже не знал, что говорить. Я тоже готовился к выступлению на этом съезде. Набрал краткие рабочие тезисы. Во время перерыва М. Горбачев пригласил нас в комнату президиума и стал советоваться: о чем же говорить. Никто не мог сказать ничего вразумительного. Я изложил свои тезисы. Они понравились, и М. Горбачев забрал мою рукопись. На другой день утром на заседании съезда я услышал из его уст изложение моих тезисов. Самым странным было то, что над ними никто не поработал, не развил эти наброски, не раскрыл содержания. Для меня это был еще один показатель кризиса М. Горбачева, который не смог мобилизовать своих многочисленных помощников для концептуальной работы над важнейшим для страны вопросом. Он метался между различными лагерями, пытался совместить несовместимое, привлечь на свою сторону даже непримиримых противников. В конце концов он остался без поддержки и справа, и слева и был предан теми, кого приблизил. Это был классический пример человеческой раздвоенности. Руководитель любого уровня должен быть самостоятельным и решительным, а главе супердержавы это качество необходимо, как воздух. Наполеон считал, что его преимущество перед всем человечеством в том, что он никогда не сомневался в своих действиях. Это тоже крайность. Но М. Горбачев со временем стал совершеннейшим маятником. Одного послушает — говорит одно, другого примет — говорит противоположное. Кризис обострялся, а тот, от которого все зависело, медлил с выбором. При этом искренне считал, что совершает грандиозные преобразования. М. Горбачев постоянно приглашал к диалогу, но говорил всегда сам. Мы же на заседаниях были вынуждены слушать его длительные монологи. Окончательно он стал себя считать носителем истины в последней инстанции, когда полу-

чил Нобелевскую премию. Разве мог уважающий себя и свой народ руководитель заявить: «Я не буду президентом, если развалится Советский Союз»? Тогда каждый мысленно ответил Михаилу Сергеевичу: «Если уж ты президент, то не допусти развала страны! Или уйди, если чувствуешь, что не справляешься». Такая нерешительность во многом стала источником бессилия и преступной безответственности власти в кризисных ситуациях. Мне неоднократно приходилось говорить с М.С. Горбачевым на эти темы наедине и критиковать его с трибуны публично. Он обижался...

Но нельзя забывать другого. При всех ошибках и недостатках именно Михаил Горбачев привел страну в движение, начал процесс реформирования общества, именно он позволил раскрыть глаза миллионам на жизнь без партийной монополии. Он разбудил людей, взбудоражил все это брежневско-черненкоское «болото». Да, было много шумихи и метаний. Но в этот период произошло пробуждение народа, подключение его к политике, закончилась эпоха всеобщего «одобрямса». Нужно было быть достаточно умным человеком, чтобы признать неработающей сложившуюся тогда систему, обладать смелостью, чтобы бороться против большинства в ЦК КПСС за изменения. Имея необъятную власть, он предпочел перемены. В этом его политическая и историческая заслуга. В истории нет идеально положительных и идеально отрицательных героев, как в произведениях раннего классицизма и пролеткульта. И высоко оценивая исключительный вклад этого человека в демократизацию нашего общества, построение новых отношений в экономике, политике и на международной арене, я также глубоко убежден, что на нерешительности М. Горбачева лежит своя доля ответственности за хаос, межнациональные столкновения и кровь, которая обильно окрасила последние месяцы перестройки.

Это был период, когда страна задышалась в атмосфере невыносимой путаницы, замешательства, вызванной противоречивыми и лживыми заявлениями и обещаниями своих лидеров. И никто из них уже не мог обещать ничего определенного. Чувство безнадежности охватывало широкие круги общественности. Всеобщая апатия становилась все более опасным феноменом. На начальном этапе перестройки ее главными бойцами были группы реформаторов в высших эшелонах власти. В первый круг сторонников демократизации, безусловно, входили многие представители средств массовой информации, диссиденты, широкие слои интеллигенции и демократическая часть национальных движений. Этим сил было недостаточно. Одновременно происходила и консолидация консервативных сил. Но разрушение старой системы управления шло быстро, а новые политические и экономические структуры не создавались вообще. Продолжение реформ в виде революции «сверху» на определенном этапе исчерпало себя. Когда по всей стране прокатилась волна забастовок, национальные движения стали приходить к власти, ясно наметились тенденции выхода из состава СССР ряда республик, я впервые почувствовал реальную близость краха Советского Союза. Опасность была не в том, что набирают силу данные явления, а в том, что власти не реагировали на них или предпочитали испытанный арсенал средств — прежде всего насилие и грубый окрик. Позором власти, объявившей себя демократической, стал ввод войск в Баку, Тбилиси, Вильнюс, где женщины и дети пали жертвами военной машины. В этом я убедился лично, будучи избранным в состав комиссии Съезда народных депутатов по событиям в Тбилиси. Полное бездействие, за редким исключением, всей административной иерархии, занятой сохранением самой себя, поставило передо мной проблему выбора. Нужно было или сохранять себя в

системе, которая уходила в Историю, или начать формирование своей «зоны ответственности» за Казахстан. Перестройка превратилась в бездарную терминологическую кампанию, перекочевавшую в анекдоты, и закончилась тем, что уже никто не думал о совместных действиях по спасению ситуации. После путча и вовсе как будто прозвучала команда: «Спасайся кто может», а М. Горбачев не понял, что эти августовские дни так изменили ситуацию, что он оказался в другой стране. И тут уже я должен был действовать во имя тех, перед кем отвечал, — казахстанцев, избравших меня своим президентом.

От блоковой психологии — к взаимному доверию

Если говорить о глобальных последствиях распада Советского Союза, то нельзя забывать о том, что рухнула и вся социалистическая система. Как только СССР отказался от брежневского «зонтика» и от насильственного восстановления коммунистических режимов, как это было раньше в Венгрии и Чехословакии, они посыпались один за другим.

Поэтому считать, что виноваты лишь некие «сценаристы», по меньшей мере наивно. Более того, по моему глубокому убеждению, такой быстрый крах социализма был достаточно неожиданным для Запада. Западные теоретики, долгое время разрабатывавшие сценарии крушения Советского Союза, столкнувшись с реальным распадом социалистической системы, оказались в глубокой растерянности. На смену противоборству двух систем, в ходе которого происходили не только конфронтация, не только гигантский рост гонки вооружений, но и в определенной мере сдерживание подспудно разрастающихся конфликтов, не пришла новая система

международных отношений. Как мне кажется, мы до сих пор не осознали того, что с распадом Советского Союза мир оказался более предсказуемым, но и более конфликтным. В это время в историческом плане одновременно прокатились кровавые события в Румынии, война в Югославии, Таджикистане, армяно-азербайджанский конфликт, трагедии Приднестровья, Абхазии, Северного Кавказа, кровопролитная смена власти и неоднократные попытки государственных переворотов в Грузии, Азербайджане, на Гаити, в Афганистане. Напомню о конфликтах в Шри Ланке, Пенджабе и Кашмире, Ольстере, Алжире, турецком Курдистане, арабо-израильском конфликте, этнических войнах в странах Тропической Африки, Судане, Эфиопии. Вновь обнажились застарелые раны Латинской Америки — вооруженное движение мексиканских индейцев, гражданские войны в Гватемале, Никарагуа, Сальвадоре, эквадорско-перуанский конфликт. Угроза войны, которая сдерживалась жесткими, порой даже военными методами, была готова прорваться во всех потенциально опасных точках планеты. На смену противоборству двух полюсов тогда уже начали приходиться внутрирегиональные, межрегиональные, двусторонние экономические, политические, этнические, гражданские конфликты, перераставшие в отдельных точках в открытые вооруженные столкновения. Я отчасти согласен с точкой зрения политолога Д. Саймса о том, что «... пришло несколько зол: проявление межнациональной ненависти, столкновение амбиций различных политических элит. Миллионы людей внезапно лишились общности. В подобной обстановке столкнулись с нетерпимостью и экстремизмом. Кровавые войны, сопровождающиеся тысячами жертв, бушуют в различных частях бывшего Советского Союза».

Но является ли разрушение системы сдерживания, основанной на балансировании мира на грани ядерной

войны, шагом назад? Должен с огромной уверенностью сказать — нет. Современные конфликты порождены целым рядом противоречий, которые имеют различные глубинные корни, в том числе лежащие за плоскостью противоборства двух систем. Кроме того, можно прогнозировать, что по мере укрепления нового миропорядка, развития новой системы безопасности данные конфликты будут разрешаться. И здесь большая роль будет принадлежать всем государствам, всем региональным и глобальным межгосударственным объединениям. Отдавая должное ведущей мировой державе, хочу сказать, что надежда на ее всеисилие в миротворческом процессе — это большая ошибка. В последующем будет возрастать именно фактор совместного поиска выходов из кризисных ситуаций. Достаточно вспомнить историю. В период между мировыми войнами едва была создана Лига Наций, как ей был нанесен смертельный удар. Кто при создании Версальской системы безопасности предполагал, что уже через два десятка лет будет самое крупное в истории человечества кровопролитие, в результате чего и рухнула первая мировая структура сотрудничества.

И сегодня мы видим, что с каждым годом снижается эффективность миротворческих операций ООН. Мир уже несколько лет наблюдает лишь за драматическими поворотами в операциях ООН в бывшей Югославии и в Африке.

Я ни в коем случае не собираюсь подвергать сомнению значение международных организаций, но магистральный путь укрепления международной безопасности в современных условиях видится мне в развертывании региональных и межрегиональных связей. Безопасный мир, разнообразный по своим экономическим, политическим, ментальным, культурным характеристикам, представляет собой многокрасочную мозаику. Многообразие и единство этого мира должно строиться не на ядерном сдерживании, а на тесных

связях между различными его частями. Поэтому все государства независимо от своих количественных и качественных характеристик должны вносить свой вклад в укрепление безопасности и развития.

В этом отношении показательным может стать пример Казахстана. Сразу же после развала Союза встал вопрос о ядерном наследстве, в том числе и размещенных в Казахстане 104 ракет СС-18 стационарного базирования с 1400 ядерными боеголовками. Кроме них на территории Казахстана было размещено 40 стратегических бомбардировщиков ТУ-95 МС с 240 крылатыми ядерными ракетами. Аналогичное положение сложилось в Белоруссии и на Украине. От этих государств зависело — сохранится ли контроль за ядерным оружием, не будут ли торпедированы ранее достигнутые договоренности.

В это время предлагались разные варианты, в том числе и сохранение данных ракет на нашей территории как гарантия безопасности. Но такой подход мог разрушить всю систему международных договоров по нераспространению ядерного оружия, подтолкнуть так называемые «пороговые» государства к ядерному вооружению. Кратковременный выигрыш оборачивался стратегическим проигрышем не только для нас, но и для всего международного сообщества. Не скрою, в это время на нас оказывали серьезное давление в отношении вывода ядерного оружия.

«Проработка» началась еще во время существования Советского Союза. 16 марта 1991 года госсекретарь Джеймс Бейкер пригласил меня в посольство США в Москве. Далеко за полночь состоялась наша встреча. Дж. Бейкер интересовался общей ситуацией в стране, но сейчас мне кажется, что уже тогда на Западе искали подходы к решению проблемы ядерного оружия. Этот вопрос был напрямую поставлен во время нашей встречи в Алма-Ате 16 сентября 1991 года.

Джеймс Бейкер сказал, что приехал ко мне как к одному из прогрессивных руководителей, что он ценит мою компетентность и понимает — от позиции Казахстана во многом зависит будущее Советского Союза. Но тогда он связал поддержку Запада с решением вопроса о ядерном оружии и соблюдением нами пяти принципов Хельсинкского заключительного акта.

На Западе уже тогда понимали, что Советский Союз может распасться на ряд независимых государств. Дж. Бейкер прямо заявил, что если это случится, США будут работать с каждым государством в отдельности. Но для этого нужны гарантии стабильности в этих странах. Дж. Бейкер прозрачно дал понять, что США предпочтут работать с сильным руководством, реально контролирующим ситуацию и осуществляющим конкретный план экономической реформы, развития рыночной экономики.

Но как политик он просчитывал и другой вариант — сохранение Советского Союза. Дж. Бейкер говорил тогда: «Я всегда расценивал Вас, господин Президент, как одного из самых прогрессивных руководителей. И еще раз Вы это продемонстрировали, занимая конструктивную позицию в политических и экономических трансформациях, которые проходят в вашей стране.

... Но прежде чем говорить о воплощении этих программ у вас в Казахстане, в первую очередь мы хотели бы иметь ясность по некоторым вопросам. Мы хотим знать, в чьих руках находится экономическая власть в стране и как она распределяется между республиками. Именно поэтому мы выступаем за экономический договор, который Вы предлагаете. Если же получится так, что 15 республик решат избрать собственный путь и не подпишут экономический договор, будет очень жаль. Это повлечет за собой политическую дезинтеграцию, приведет к ужасным последствиям».

Он давал понять, что для Запада очень важно иметь

отношения с единым государством, которое будет осуществлять переход к рынку. С этой целью Запад предоставит экономическую, техническую и гуманитарную помощь.

В свою очередь я рассказал об изменении обстановки в стране. Я должен был объяснить, что возврата к прежнему Советскому Союзу уже не будет. Я дал понять, что теперь нельзя подходить к нашей стране персонифицированно — это уже не государство Сталина, Хрущева, Брежнева и, наконец, Горбачева... Той страны нет. Но наше единство может спасти только настоящая демократия, признание равенства всех республик, всех народов. Только тогда будут экономический союз и добровольное объединение.

Я показал ему Казахстан не только как перспективное государство с богатейшими природными ресурсами и человеческим потенциалом, но и откровенно говорил о наметившихся серьезных проблемах. Наша республика и наш народ прошли трудную и трагическую историю. В годы сталинизма в Казахстане размещались концентрационные лагеря, ссылались народы, проводились атомные испытания. Здесь размещались различные полигоны, космодром. Наше государство многонационально и потому, что в Казахстан были депортированы 2 миллиона человек и почти столько же приехало осваивать целину. Это был демографический шок.

А в дни после путча, когда раздавались голоса о территориальных изменениях, нависла угроза межнационального конфликта. Я прямо сказал Дж. Бейкеру, что демократия не должна начинаться с угроз. Сейчас обстановка в бывшем Советском Союзе довольно непростая, и я прилагаю все силы для того, чтобы сложные процессы обновления не вылились в кровопролитные конфликты. Это возможно, если возобладают деструктивные тенденции. А землю предков мы никому не отдадим. Я не воздержался от критики в адрес рос-

сийских коллег. Да, демократия победила путч. Но почему тогда закрываются неудобные газеты? Запрещаются политические партии? Почему процесс национализации собственности Советского Союза проводится лишь одним государством?

В итоге я сказал Дж. Бейкеру, что в такой обстановке ракеты стратегического назначения останутся в Казахстане. Я просто не имею никакого права отдавать их без получения твердых гарантий безопасности моего государства.

Моей целью было убедить Дж. Бейкера в том, что мы сохраняем ядерное оружие, потому что нам это сегодня нужно для нашей защиты, для нашей безопасности. Иной альтернативы тогда у нас не было. Когда мы будем знать, что мы в безопасности, когда мы будем знать, что имеем твердые гарантии, тогда мы будем решать ядерный вопрос. Это было для меня главное.

Кстати говоря, о Джеймсе Бейкере у меня осталось еще с тех времен впечатление как о крупном государственном деятеле, для которого на первом плане национальные интересы его родного государства. Что ж, настоящий политик тем и отличается, что государственные приоритеты — это и его личные приоритеты. Вспоминая те напряженные дни, Дж. Бейкер написал в своих мемуарах «Политика дипломатии» о нашей декабрьской встрече 1991 года: «Когда я добрался до своей комнаты в три часа утра, я чувствовал, что мои три часа, проведенные с Назарбаевым, были среди лучших встреч, которые я имел до этого. Он был впечатляющим лидером, одним из тех, кого нельзя переоценить... Назарбаев имеет и видение того, что необходимо, и точное понимание того, как поставить дело на твердую почву». По-видимому, наше уважение носит взаимный характер.

Что же касается стремления Казахстана к безъядерному статусу, то с нашей стороны были не только

слова. Казахстан стал единственным государством мира, которое закрыло ядерный полигон.

Когда мы встретились с госсекретарем в декабре 1991 года, он вручил мне официальное приглашение президента Дж. Буша посетить США с официальным визитом.

К тому времени прошла Алма-Атинская встреча, на которой было создано Содружество Независимых Государств. В Алма-Ате было подписано Соглашение о стратегических вооружениях. Казахстан согласился поддержать СНВ-1 и ряд других договоров, но не признал себя безъядерным государством.

Мы начали готовиться к визиту, понимая, что вопрос номер один для Дж. Буша — наше ядерное оружие.

Я вылетел в Москву для встречи с Б. Ельциным. У нас состоялся большой разговор. Ракеты СС-18, размещенные на территории Казахстана, по единодушной оценке многих военных специалистов Генерального штаба Вооруженных сил России и Объединенных Вооруженных сил СНГ, с которыми я советовался, представляли очень серьезную опасность для Запада не только по высочайшей точности, уникальным техническим параметрам и количеству боезапаса, но и по месту своей дислокации.

Я проинформировал Б. Ельцина, что в Вашингтоне речь будет идти о том, чтобы Казахстан согласился на вывод ракет со своей территории. Какие условия поставит Казахстан — это мой вопрос. Но прежде чем работать в этом направлении, Казахстан хочет узнать мнение своего стратегического партнера — России.

И вот начался мой первый официальный визит в Соединенные Штаты Америки в мае 1992 года. Как я и предполагал, добиться успеха было нелегко. Первоначальные документы, которые нам предложили подписать, сильно изменились. Я спорил по каждому вопросу, по каждому пункту. Это была тяжелая работа. Я

думаю, немало трудных часов пережили и американцы. Только в одно утро Джеймс Бейкер встречался со мной четырежды, каждый раз уходил от меня, озадаченный, к своему президенту.

В конце концов они пошли на прессинг и заявили, что если мы сегодня не подпишем документ по ядерному оружию, завтра не будут подписаны все остальные межгосударственные документы. А там — важнейшие вопросы экономического сотрудничества, но никаких гарантий безопасности Казахстана.

Я решил стоять до конца и объявил, что в таком случае будем собираться обратно. И тогда американцы вынуждены были уступить, и мы подписали документ о том, что США предоставят нам такие гарантии.

В 1992 году Соединенные Штаты снова хотели добиться от нас просто безъядерного статуса, но моя позиция была однозначной — сначала гарантии безопасности великих держав, а затем мы отказываемся от всех ядерных вооружений, которые находятся на территории республики. Газета «Вашингтон пост» в связи с этим решила, что я «выразил раздражение последними попытками США заставить Казахстан дать категорические гарантии того, что он станет безъядерным государством». Официальные лица США хотели, чтобы Казахстан подписал ДНЯО (Договор о нераспространении ядерного оружия) в качестве безъядерной страны. Мы же тогда отказались от такого статуса.

Я понимал, что альтернативы безъядерному статусу нашего государства быть не может. Но передо мной стояла задача — обеспечить безопасность Казахстана в очень трудных условиях системной нестабильности, охватившей весь мир. В связи с этим мне пришлось сделать несколько резких заявлений, которые, по моему мнению, впоследствии, как оказалось, правильному, должны были подтолкнуть ядерные государства к предоставлению гарантий территориальной целостности и

суверенитета Казахстана. В интервью американскому телевидению в 1991 году я заявил: «Казахстан получил в наследство ядерное оружие и должен будет его сохранить в будущем. Мы не можем позволять другим республикам, даже самым сильным, брать под контроль ядерное оружие, находящееся на нашей территории». В другом интервью, газете «Вашингтон пост», моя позиция была более конкретизирована: «Мы не знаем, что произойдет с Содружеством, что произойдет с российским руководством. Почему США не требуют того же (безоговорочного присоединения к ДНЯО), что они требуют от нас, от Индии и Пакистана? Почему ни Англия, ни Франция в течение 30 лет не участвовали в режиме нераспространения? Почему вы оказываете такой нажим на Казахстан? Это некорректно...» И тут началась серия публикаций-фальшивок в средствах массовой информации о продаже Казахстаном ядерного оружия исламским государствам. Это тоже была своеобразная форма давления на нас. Мы его выдержали.

Моя позиция серьезно взволновала Запад. В Казахстан зачастили зарубежные визитеры. Приведу фрагмент стенограммы моих переговоров в Алма-Ате 22 января 1992 года с государственным секретарем, министром иностранных дел Франции Р. Дюма:

«Н. Назарбаев: ...Когда встал вопрос о вступлении Казахстана в ООН, в средствах массовой информации появились разные «утки».

Поэтому официально заявляю. Казахстан за то, чтобы в государствах СНГ была объединенная армия с единым командованием. Что касается стратегических вооружений, то четыре республики, на территории которых расположены стратегические ракеты, подписали между собой договор и в Алма-Ате, и в Минске. Мы, государства, на территории которых имеется стратегическое ядерное вооружение, приняли обязательство никоим образом его не распространять, ни-

кому не передавать ядерные технологии, компоненты, топливо. Россия, Украина, Казахстан, Белоруссия будут совместно осуществлять управление ядерным оружием из единого центра. У президентов четырех государств установлена специальная связь: вопрос применения оружия будет решаться только по согласованию со всеми. Все ядерные установки тактического назначения, которые попали под договор о сокращении ракет средней дальности, мы полностью уничтожим...

Что касается инсинуаций о нарушении Казахстаном ДНЯО, тайных операций по продаже ядерных компонентов Ирану и другим околоядерным государствам, я ответственно заявляю, что это самая настоящая провокация...

50 процентов ракет за 7 лет уничтожим. Сто процентов будет уничтожено, если Франция включится в этот процесс.

Р. Дюма: Мы еще до этого не дошли.

Н. Назарбаев: Все-таки Франция поддерживает или нет?

Р. Дюма: Франция присоединится к Договору о нераспространении. А вы присоединитесь к Договору о нераспространении в качестве ядерной державы или безъядерной?

Н. Назарбаев: Конечно, ядерной. Первое испытание ядерного оружия в Казахстане произошло в 1949 году. И с тех пор здесь есть ядерное оружие.

Р. Дюма: И, наверное, у вас еще будут испытания?

Н. Назарбаев: Нет, я запретил... Пока...

Р. Дюма: Нет, я не имею в виду испытания. Я имею в виду наличие вооружений... С этой точки зрения Казахстан остается ядерной державой?

Н. Назарбаев: А как по-другому? Украина заявила, что к 1994 году передаст все ракеты России. Я не представляю, как это сделать практически. В какую сумму это обойдется. Можно ли это сделать за два года?

Кроме того, у нас совсем другая структура ядерного оружия. Его невозможно перебазировать в короткие сроки, и оно будет размещаться на нашей территории еще не менее десяти лет. Мы не хотим быть ядерным государством, хотя это оружие у нас есть. Но разве может быть так, чтобы ядерное оружие размещалось на территории одного государства, а кнопка была в другом? Это нонсенс.

Р. Дюма: Да, конечно, в течение всего этого периода, даже допуская, что мы достигнем стопроцентного сокращения, вы остаетесь ядерной державой. Это фактическое положение.

Н. Назарбаев: Казахстан — ядерное государство, но против своей воли.

Р. Дюма: Я понимаю Вас».

Но на миссиях Дж. Бейкера и наших переговорах с Дж. Бушем история не закончилась. В 1993 году в должность президента США вступил У. Клинтон. В Алматы приехал госсекретарь У. Кристоффер. Новая администрация поначалу не захотела отвечать за долги старой, и У. Кристоффер сделал тщетную попытку склонить нас к подписанию Договора о нераспространении ядерного оружия, ничего не получив взамен. Я заявил, что к договору мы не присоединимся, уничтожать ядерные ракеты не будем. В соответствии с договором СНВ-1 мы будем постепенно, пропорционально остальным странам сокращать ракеты.

У. Кристоффер был сильно удивлен и даже раздражен. Но я думаю, что добрые личные отношения не должны мешать делу. В ходе переговоров о судьбе ядерного оружия на территории Казахстана и по вопросам его демонтажа я явно ощутил игру. Команду «неопытного» политика пытаются ослепить блестящим приемом и яркими впечатлениями, чтобы отвлечь от внимательного изучения предложенных для подписания документов. Однако в Вашингтоне недооценили

нашей компетентности и уверенности в благоприятном исходе дела, которое опиралось на стратегический интерес самих американцев.

Газета «Нью-Йорк таймс» 24 октября 1993 года в связи с такими «неувязками» опубликовала пространный материал Элейн Сиолино под броской шапкой «Казах использует Америку для повышения своей репутации». Приведу один фрагмент: «Президент Казахстана сыграл в политику сегодня с Соединенными Штатами и победил. Было запланировано, что президент Назарбаев и госсекретарь Уоррен Кристоффер подпишут и отпразднуют техническое соглашение, которое в деталях расписывает то, как Казахстан потратит 85 миллионов долларов американской помощи для демонтирования ядерного оружия.

Но когда г-н Кристоффер сегодня утром прибыл в кабинет Назарбаева, казахский лидер предложил ему отложить свою ручку. «Конечно, Казахстан желает подписать соглашение, — сказал он, — но только ... лицом к лицу с Клинтоном».

В декабре 1993 года прибыл вице-президент США А. Гор. В ходе длительного разговора с глазу на глаз я разъяснил ему, почему занял именно такую позицию по ядерному вооружению.

В конце концов во время моего следующего визита в США и встречи с У. Клинтоном были выполнены все наши условия.

Только после всего этого мучительного марафона начались реальные переговоры о подлинных гарантиях со стороны международного сообщества. И тогда мы приняли решение о принятии статуса безъядерного государства, о поэтапном выводе и ликвидации этого страшного оружия. Такая разумная политика позволила перейти к новому этапу развития Договора о нераспространении ядерного оружия. В момент распада СССР в декабре 1991 года Казахстан подписал с

руководством России, Украины и Белоруссии соглашение о совместных мерах в отношении ядерного оружия, в котором подтвердил свою приверженность его нераспространению. В мае 1992 года был подписан Лиссабонский протокол о нераспространении и постепенном демонтаже и вывозе ракетно-ядерного оружия в Россию с возмещением Казахстану стоимости урана в ядерных боеголовках. В целях упорядочения данного процесса и контроля за деятельностью предприятий, задействованных в добыче и переработке урана, разработке и осуществлении государственной политики в области использования атомной энергии, моим указом было организовано Агентство по атомной энергии Республики Казахстан. Таким образом, ратификация Договора о нераспространении ядерного оружия была подготовлена целым комплексом документов. Кроме того, Казахстан первым в СНГ ратифицировал Договор о сокращении стратегических наступательных вооружений. Была создана правовая основа для безопасной транспортировки, хранения и уничтожения ядерного оружия. На эти цели нашей республике было выделено 84 миллиона долларов. Наше стремление к безъядерному статусу поддерживали многие страны мира. Япония обязалась внести свой вклад в решение этой проблемы. Был создан совместный Комитет по сотрудничеству в уничтожении ядерного оружия на территории Казахстана.

Интересен эпизод, связанный с продажей урана Соединенным Штатам Америки. На складах Ульбинского металлургического завода почти 20 лет хранилось около 600 килограммов высокообогащенного урана. В связи с тем, что мы присоединились к ДНЯО и нам невыгодно было нести затраты по его охране, более того, это становилось опасным и для Казахстана, и для всего мира, было принято решение продать этот уран. Некоторые заинтересованные страны проявили инте-

рес и предложили закупить сырье. По понятным причинам мы им отказали. Начались переговоры с Соединенными Штатами, которые заверили нас, что уран будет находиться в надежных руках и не станет служить военным целям. Была проведена операция «Сапфир» по вывозу смертоносного груза в США. Президент США У. Клинтон дал такую оценку успешно завершившейся операции: «Мир избавлен от еще одной угрозы ядерного терроризма и распространения ядерного оружия. Я ценю лидерство в этом Президента Н. Назарбаева». Уильям Перри, министр обороны США, сказал: «Мы сделали эти ядерные материалы недоступными для потенциальных шантажистов, террористов и новых ядерных режимов... теперь они в безопасности». По оценкам Пентагона, этого урана было достаточно для производства 20 ядерных бомб. Для подготовки материалов к транспортировке на территории Ульбинского завода была сооружена мини-лаборатория. Около 30 американских специалистов в течение месяца перегружали обогатенный уран из 7000 контейнеров в 1400 канистр из нержавеющей стали. Три самолета С-5 вывезли это сырье из Усть-Каменогорска и доставили его на базу ВВС США в Довере (штат Делавер). Оттуда под усиленной охраной уран перевезли на завод ядерного объекта «Оук-Ридж» в штате Теннесси. С американской стороны ход операции «Сапфир» курировал вице-президент А. Гор. Первой об этом сообщила газета «Нью-Йорк таймс». Утечка информации произошла не с нашей стороны.

26 мая 1995 года была поставлена точка в проблеме ядерного оружия на территории Казахстана. В этот день я обратился ко всем гражданам страны и заявил, что последние смертоносные боеголовки вывезены с территории республики.

Последний заряд, оставшийся под землей Семипалатинского полигона, который невозможно было вывез-

ти, мы уничтожили с помощью обычного взрывного устройства с сохранением всех мер безопасности.

Во время Будапештского совещания СБСЕ 5 декабря 1994 года состоялось событие поистине исторического значения. Был подписан Меморандум о гарантиях безопасности Казахстану со стороны депозитариев Договора о нераспространении ядерного оружия — Российской Федерации, США и Великобритании, которые в соответствии с принципами СБСЕ подтвердили свое уважение к независимости, суверенитету и неизменности существующих границ Казахстана. В Меморандуме содержатся важные обязательства о неприменении силы против территориальной целостности и политической независимости Казахстана, об отказе от экономического принуждения. Мы считаем эти гарантии адекватным ответом на ответственную политику Казахстана в области разоружения. Впоследствии прислали свои гарантии правительства КНР и Франции.

Что такое ядерное оружие, каково его влияние на все живое, мы знаем по своему опыту, и к такому курсу нас, конечно, подталкивали проблема Семипалатинского полигона и широкомасштабные антиядерные настроения. Думаю, мы правильно поступили, объявив безъядерный статус Казахстана. И дело не в том, что для содержания ядерного оружия необходимы громадные средства и специалисты высочайшей квалификации, чего у нас нет. Дело в том, что иметь ядерное оружие — это значит сидеть на двух пороховых бочках. Во-первых, средства массового уничтожения представляли реальную угрозу нашей безопасности в условиях нестабильного постсоветского пространства. Во-вторых, ядерные государства держали Казахстан под своим прицелом из-за ракет, размещенных на нашей территории. И мне становилось не по себе, когда некоторые люди вели агитацию за сохранение смертоносного оружия на казахстанской земле. Эти политиканы не видели

истерзанной земли Семей, не знали о многих калеках и рано умерших от раковых заболеваний. Кое-кто подвергает сомнению наше решение и поныне, в основном, в поисках дешевых политических дивидендов.

Наша земля постепенно выздоравливает от совершенного над ней насилия. В свое время под ядерный полигон было отчуждено 18 тысяч квадратных километров плодородной земли. 88 процентов этого массива сегодня признаны радиационно безопасными. 8 процентов угодий нуждаются в специальном обследовании. Но 720 квадратных километров территории загрязнены настолько, что считаются непригодными для сельского хозяйства. Особую тревогу вызывает район так называемого «атомного озера», где на поверхности земли имеются участки с излучением в 3 — 5 тысяч микрорентген в час. На полигоне было произведено 459 ядерных взрывов, в том числе 113 в атмосфере. Они не повторятся никогда.

Другой аспект нашей работы — обеспечение региональной безопасности. На 47-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в октябре 1992 года я выдвинул инициативу по подготовке Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА). В своем выступлении в ООН я выразил обеспокоенность тем, что «хрупкая конструкция нашего Содружества... пока не в полной мере учитывает вековые традиции взаимодействия стран и народов этой части Евразии. В результате процессы перехода к экономике свободных рынков и демократии в СНГ сопровождаются нарастанием социально-экономической и политической нестабильности, обострением существующих конфликтов и порождением новых».

После первоначальной подготовительной работы в 1995 году в Алматы были проведены заседания рабо-

чих групп. В них участвовали представители 14 азиатских государств. Нашей задачей является формирование системы азиатской безопасности по аналогии с СБСЕ. Хотя нашими усилиями и усилиями соседних государств в регионе достигнуты мир и стабильность, Центральная Азия — один из потенциально конфликтных регионов. Достаточно обратиться к ближайшим пограничным территориям: война в Таджикистане, Афганистане, всерьез и надолго «забурливший» Кавказ. Конфликты в перспективе могут проявиться и внутри региона, и вокруг него, в том числе из-за территорий, водных и богатейших природных ресурсов. Казахстанская инициатива по установлению взаимодействия и мер доверия в Азии родилась из опыта европейского процесса безопасности и имеет немало схожего также с опытом СБСЕ по сотрудничеству с не участвующими в нем государствами Средиземноморья. Очевидно, что для укрепления стабильности на евразийском континенте имеет важное значение ситуация не только в самой Центральной Азии, но и в соседних государствах — Китае, Афганистане, Иране, Пакистане, Индии, также не участвующих в деятельности Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе.

Эта и другие наши инициативы в области внешней политики исходили не только из необходимости укрепления безопасности, но и из осознания другой не менее важной долгосрочной перспективы. Это проблема формирования нового миропорядка и нового типа отношений государств после окончания холодной войны и крушения двухполюсного мира. Прежняя система позволяла сверхдержавам доминировать внутри своих лагерей. С распадом биполярного мира резко возросла автономность других стран. Те, кто надеялся, что с крушением СССР автоматически установится новый демократический миропорядок, основанный на лидерстве США, сильно ошиблись. Прежняя система

международных отношений выстраивалась десятилетиями, прошла через серию локальных войн и вторую мировую войну, через берлинский и карибский кризисы, поставившие человечество перед возможностью самоуничтожения. Имея такой опыт, Соединенные Штаты и Советский Союз жестко контролировали пределы конфликтов и деятельность своих стратегических союзников. Но и в прежние годы это не всегда удавалось. Вспомним Фолклендский кризис, когда в битве за острова столкнулись два стратегических партнера США — Аргентина и Великобритания. Уже тогда появилась определенная трещина в привычном понимании мира как борьбы двух систем. Почти без натяжки к этому примеру можно добавить столкновение Вьетнама и Китая, стычки между арабскими государствами, вооруженные пограничные столкновения в Южной Америке, ирано-иракский конфликт. В привычные рамки не укладывались и события вокруг аннексии Кувейта, когда арабские государства практически единодушно осудили Ирак и готовили совместные меры воздействия, но в то же время единым лагерем были готовы защитить агрессора от Израиля. Тогда же они разделились в отношении к американской операции «Буря в пустыне».

Оставшись без покровителя — Советского Союза, с одной стороны, а с другой — без мотивации подчинения Соединенным Штатам при отсутствии стратегического противника, «вассальные» государства и режимы получили небывалую степень свободы, которой нужно было умело распорядиться. Но в целом ряде случаев этого не произошло. Кроме того, Афганистан показал, что избавление от советского военного присутствия и политического давления не является гарантией прекращения внутренней войны. К этому добавляется и прорыв тех конфликтов и противоречий, которые гасились, подавлялись десятилетиями жесткого

регулирования, и они стали благодатной почвой для всеобщей нестабильности и затяжных войн.

Если обратимся к спокойной и благополучной Европе, которая вот уже несколько лет не может урегулировать конфликт в Югославии, мы увидим нарастание противоречий и здесь. Дисциплина союзников, которая держалась на понимании общей опасности, стала немотивированной. Сегодня европейские государства проводят более самостоятельную по отношению к Соединенным Штатам политику. Поэтому не удивительно и то, что происходит сегодня. В спокойной Европе нет-нет да и выясняют двусторонние отношения пока на дипломатическом уровне, хотя язык турецко-греческих отношений зашел гораздо дальше дипломатического.

Соединенные Штаты Америки в условиях конфронтации с СССР могли распространять на весь остальной мир систему своих ценностей. Мир стоял перед альтернативой: либо войти в систему «рах американа», либо войти в орбиту советского влияния. После крушения биполярной системы американские ценности резко теряют мобилизационную способность. Отделение своих интересов от интересов США является основой для возрождения европейской общности. Возрастают роль и значение неевропейских типов цивилизации, неевропейских ценностей, а в самой Европе происходят возврат к национальным ценностям, традициям и интересам и освобождение от американизации культуры.

С крушением одного полюса — Советского Союза — наступил достаточно длительный исторический период, когда сверхдержавность как способ регулирования международных отношений уступила место диверсификации институтов поддержания стабильности. И это еще раз доказывает существенное возрастание роли региональных систем безопасности. Конечно, это потребует и изменения характера деятельности Организации Объединенных Наций с целью приспособить ее к но-

вым реалиям и распределению власти между государствами в мире. Такую мысль впервые высказал генеральный секретарь ООН Б.Б. Гали во время празднования 50-й годовщины создания этой организации. К этому подталкивают возрастание роли негосударственных образований в международных отношениях, несовершенство системы взаимодействия между Советом Безопасности и Генеральной Ассамблеей ООН, изменение природы конфликтов и другие факторы.

Выступая 22 октября 1995 года на 50-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, я обратился к мировому сообществу с конкретными предложениями по улучшению взаимодействия глобальных и региональных систем безопасности. Мы в Центральной Азии ощущаем необходимость усиления регионального начала, чем и продиктованы инициативы Казахстана о созыве совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии и о Евразийском союзе. По моему мнению, в будущем ООН построит свое взаимодействие с региональными и континентальными системами безопасности, выполняя две роли. Одна из них — это роль единого центра мировой безопасности, решения которого будут обязательными для всех региональных систем. Недостаток такого центра в том, что он может незаметно для себя занять позицию одной из конфликтующих сторон и затормозить естественное развитие других растущих мировых центров силы. Другая — это всемирный координирующий орган, который возьмет на себя роль высшего независимого арбитра в решении споров и коллизий между региональными структурами. Здесь недостаток в том, что такой орган может не суметь вовремя принять эффективное решение и остановить конфликт. Подобные проблемы будут возникать не только в военно-стратегической области, но и во всех сферах человеческой жизнедеятельности: культурной, информационной, научно-технической и финансово-экономической. Я предложил создать

фонд миротворческих усилий, на который бы каждая страна выделяла ресурсы путем ежегодного сокращения своих оборонных расходов на один процент.

В прежние годы над нами довлела формула классового подхода к оценке мировых процессов — борьба между социализмом и капитализмом как движущий фактор прогресса человечества. В конце концов такой подход привел к изоляции СССР на международной арене. Образом советской дипломатии стал А. Громыко — «Мистер Нет» по западному определению. Зеркальным отражением такой доктрины стала западная политика «сдерживания и отбрасывания» социализма. Сегодняшняя попытка построить одномерный мир по-американски также не удастся. Мир вступил в сложную фазу становления новых отношений. Мне кажется, пора прекратить рассматривать мир с точки зрения противостояния: Запад — Восток, Север — Юг, сверхдержавы — третий мир, ядерный клуб — остальной мир. Такой подход был порожден всей предшествующей историей дипломатии, историей борьбы между великими державами за передел мира и сфер влияния, столкновений блоков, социальных систем. Все это постепенно уходит в прошлое. На смену концепциям столкновений должна прийти концепция мира миров, концепция сотрудничества народов, цивилизаций, стран, регионов.

В мире всерьез и надолго устанавливается полицентричность. Появилось множество центров развития. Постепенное осознание данных проблем привело к пониманию необходимости формирования новых принципов внешней политики Казахстана. Естественно, что в первую очередь речь шла о предотвращении «югославизации» постсоветского пространства, окончательного экономического краха новых государств, вызванного разрушением экономических связей. Для

решения этой проблемы мною были предприняты многочисленные контакты не только с лидерами СНГ, но и дальнего зарубежья. В начале 90-х годов некоторые средства массовой информации критиковали меня за активную работу за рубежом. А как было не вести такую работу, если становление независимости Казахстана проходило в драматический период завершения целой эпохи холодной войны, противостояния двух систем. Осознать масштабы и последствия такого глобального явления сегодня вряд ли возможно. Мир стал другим. Происходит становление принципиально иной системы международных отношений. И в нем появился новый комплекс угроз и новых возможностей. Казахстан находится в окружении целой цепи региональных конфликтов — Афганистан, Таджикистан, Кавказ. На нас не может не влиять ситуация в других горячих точках СНГ. И это в немалой степени усложняет наши реформы.

В этих условиях нашей первоочередной задачей было обеспечение территориальной целостности и независимости республики, наполнение суверенитета реальным содержанием. Если кому-то сейчас пройденный этап представляется как триумфальное и победное шествие, то могу сказать, что сегодняшнее признание республики на международной арене, вступление в ведущие международные организации были результатом кропотливого и нелегкого труда.

Можно подвести некоторые итоги. Сегодня нас признали более 120 государств мира, с 92 из них установлены дипломатические отношения. Наша страна присоединилась к Хельсинкскому процессу, Договору о нераспространении ядерного оружия, мы подписали с США «Хартию демократического партнерства», получили режим благоприятствования в торговле. Все ядерные государства предоставили гарантии территориальной целостности Казахстана.

За пять бурных лет мы прошли путь от безвестности к статусу полноправного члена международного сообщества.

Когда процесс дошел...

Последствия ошеломляющего по своей стремительности распада Советского Союза еще ждут своего не только политического, но и клинического анализа, ибо область политических патологий здесь, в этой стране, в это время столь же невероятна, сколь и появление в V веке до нашей эры в одном и том же городе — древних Афинах — такого количества философов, какого не породили за тысячелетия своего существования некоторые цивилизации.

Наверное, можно объяснить и разложить по полочкам объективные и субъективные факторы. И все же остается ощущение некоей исторической мистерии в этом отрезке времени. Видимо, есть некоторое сгущение факторов, они вызывают причудливые aberrации, часто неуправляемые и сознательно не задаваемые политическими актерами.

На мой взгляд, среди политиков чрезвычайно распространена одна болезнь. Большинство из них в силу ежечасной насыщенности графика видит больше, чем понимает. Это некая разновидность профессионального недуга. Действительно, в чередке пышных церемониалов, порой комических, порой трагических событий, трудно подняться над потоком. Трудно остановиться и пойти против течения. К сожалению, постсоветское время дало немало образчиков политиканствующих декадентов, основным занятием которых стали поиск подходящей волны, соответствующей ниши в массовом сознании и последующее барахтание в этой быстро высыхающей луже. Сколько подобных фигур

с громким и неприятным звуком лопнуло на моих глазах всего за пять лет — от президентов до их яростных оппонентов.

Сегодня так много написано и дано столько самых невероятных интерпретаций августа 1991 года, что добавлять какие-то новые краски в эту весьма и весьма своеобразную картину было бы не совсем верно. Поэтому мне хотелось осмыслить события тех лет, исходя из наших сегодняшних представлений и тех кардинальных изменений, что произошли за эти недолгие годы.

С начала 1990 года я всерьез начал думать о том, что Казахстану придется самостоятельно выбираться из кризиса, из позднеперестроечного тупика. В силу Центра никто уже не верил. Мне кажется, что практически все первые руководители республик понимали это. К этому периоду единого экономического комплекса на территории страны уже не существовало. Для Казахстана эта ситуация имела особенно драматический оттенок. По моим подсчетам, более 95 процентов наших предприятий управлялось из Центра. Между тем в условиях обрыва управленческих, финансовых, административных связей, в условиях бессильного Центра все это самым непосредственным образом сказывалось на состоянии экономики республики. Я понял тогда, что рано или поздно, а скорее всего, достаточно скоро нам придется пускаться в самостоятельное экономическое плавание.

Для того чтобы не допустить полного краха, смягчить последствия развала, начать готовиться к совершенно иной экономической и государственной ситуации, я принял решение о создании Высшего экономического совета. Его возглавил опытный госплановец Д. Сембаев, знающий экономику республики и приверженный реформам. Он собрал молодых интеллектуалов: экономистов, финансистов, юристов в возрасте от 25 до 30 лет. Согласились стать моими советниками

американский экономист доктор Ч. Бэнг, Г. Явлинский, юрист доктор Хасан из Египта. Мы начинали первые шаги в разработке рыночной экономической политики Казахстана. Многие сегодняшние руководители министерств и банков вышли из этого совета.

Конечно, мне было непросто осваивать совершенно новые экономические подходы. Однако я, хорошо знавший, что творится с экономикой СССР и Казахстана, стал усиленно изучать опыт перехода к рынку других стран. Я понимал, что мы уже заплатили огромную цену за попытку реформировать экономику в рамках той схемы, которая задавалась М. Горбачевым, схемы «демократического социализма», но при этом мы очень мало продвинулись на деле, более того, почти разрушили имевшийся потенциал. Удержался бы режим в политическом плане или нет, экономическую политику необходимо было менять.

Я не хочу представить себя оракулом. Те же сомнения, противоречия, те же ошибки, характерные для всех других стран сегодняшнего СНГ, были и в Казахстане. Для меня было ясно одно: необходимо на деле переходить к рыночной экономике, а не заниматься бесконечными декларациями и призывами. Медлить становилось опасным даже не по политическим, а по экономическим причинам.

Тогда всерьез говорили о некоем подобии плана Маршалла для бывших республик Союза. У многих было наивное убеждение, что кто-то за нас проведет реформы, насытит рынок, организует современный менеджмент. При этом шли бесконечные ссылки на опыт послевоенной Японии и Германии, где был практически полностью разрушен старый аппарат. Некоторые горячие головы советовали мне сделать то же. Но все же опыт пребывания в рамках управленческой системы заставлял меня быть более осторожным. Я понимал, что быстрый слом десятилетиями отлаженной

машины может повлечь за собой самые неожиданные последствия. Об этом говорил уже имеющийся опыт многих государств бывшего Союза. При полной смене аппарата, насыщении его людьми, не имевшими опыта государственного администрирования, в ряде государств СНГ начались полный хаос, окончательное разрушение экономики и политическая дестабилизация.

Ранние концепции самостоятельного экономического процветания молодых стран СНГ строились в основном на двух китах. Во-первых, все преувеличивали заинтересованность Запада в интеграции своей республики в мирохозяйственные связи через перестройку экономики за счет обещанных западных кредитов. Во-вторых, буквально каждая республика считала себя «мостом между Европой и Азией, между Западом и Востоком», «уникальным в геополитическом плане государством», в общем единственным на планете интересным объектом инвестиций. Тогда я изучал публикации во всех республиках, посвященные их будущему. Эти материалы были похожи, как близнецы-братья. Надо признаться, и мы не были исключением в их ряду. Печатались в основном сторонники одной идеи. Каждый доказывал, что именно его республика представляет самый большой интерес для стран Запада по сравнению с другими, именно его республика будет жить хорошо, а остальные плохо. При этом многие ссылались на опыт таких государств, как Польша, Чехословакия, Венгрия. Но авторы забывали несколько немаловажных вещей, которые делали невозможной нашу быструю интеграцию в мировую экономику.

Во-первых, даже в условиях пребывания в социалистическом лагере, страны Восточной Европы имели отличающуюся от нас политическую и главное — экономическую структуру. И в Польше, и в Венгрии, и в Чехословакии сохранялся достаточно большой слой частных собственников. Там не были утрачены осно-

вы рыночных психологии и поведения. В этих государствах уже в условиях коммунистических режимов начался переход к рыночным отношениям. Были реформы Тито в Югославии, Ярузельского в Польше, Кадара в Венгрии.

Кроме того, эти государства имели многопартийную систему. Естественно, что доминировали коммунистические партии, но все-таки в странах Восточной Европы была более высокая степень либерализации политики, а в последние годы, особенно в 80-е, широко действовали оппозиционные силы, которые получали существенную поддержку Запада.

Во-вторых, благодаря этим факторам Запад мог более интенсивно проводить работу по выводу государств из восточного блока, а пришедшие к власти реформаторы имели серьезную социальную, экономическую базу преобразований внутри страны, опирались на внешнюю поддержку. Да и опыт преобразований в экономике уже имелся.

В-третьих, для этих стран был возможен и некий план Маршалла. Дальнейшая история показала, что и для них он не состоялся. Даже Восточная Германия оказалась перед огромными трудностями. Промышленная продукция ГДР, как известно, самого высокого качества в системе СЭВ, не нашла спроса на новом рынке, а это вызвало волну социальной напряженности. Переход этих стран в новое качество осуществлялся в разные сроки, причем на фоне еще существовавшего Союза ССР. А с его распадом появилось сразу 15 государств, ожидающих поддержки Запада.

И, наконец, немаловажен и фактор психологический, даже ментальный. Страны Восточной Европы отошли от рыночной экономики лишь после второй мировой войны. В течение всех почти 40 лет эти страны испытывали кризис, вызванный неприятием народом авторитарных режимов. Достаточно вспомнить собы-

тия 1956 года в Венгрии, 1968 года в Чехословакии, 80-е годы в Польше.

Надо сказать и о других факторах, которые отличали экономику государств СНГ от Восточной Европы. Это наследство единого народнохозяйственного комплекса, в первую очередь уродливая диспропорция между добывающей и обрабатывающей, тяжелой и легкой промышленностью. В Советском Союзе существовала и так называемая «шестая продукция», возможная только в условиях жесткой плановой экономики. Эта продукция не находит спроса в условиях рынка, но производится во имя вала, покупается во имя выполнения плана по приказу Центра. В Восточной Европе эти проблемы были решены уже на начальной стадии реформ.

Еще тогда пришло понимание, что нашим странам не удастся быстро интегрироваться в мирохозяйственные связи, где все места уже заняты и роли распределены...

Последний акт драмы

Если касаться всех деталей августовского путча, то не могу пройти мимо нескольких фактов. Они имеют ключевой характер для понимания той ситуации, которая складывалась непосредственно перед путчем и после него. Б. Ельцин накануне тревожного августовского периода был в столице Казахстана, мы выработывали общие подходы к формированию обновленного Союза. Результатом нашей встречи стало подписание 17 августа 1991 года совместных заявлений «О гарантиях стабильности Союза суверенных государств» и «О едином экономическом пространстве». Тогда мы выступили с инициативой, которая сводилась к следующему:

«1. Обратиться к руководителям всех республик с предложением согласовать время и место проведения

рабочей встречи глав пятнадцати суверенных государств с целью обсуждения всего комплекса экономических и социальных проблем, связанных с формированием единого рыночного пространства.

2. Предложить следующую повестку дня встречи:

— выработка концепции экономического соглашения всех республик;

— согласование этапов, сроков подготовки и условий подписания экономического соглашения;

— обсуждение принципов создания межреспубликанского экономического совета и его деятельности незамедлительно после подписания Договора о Союзе суверенных государств».

17 августа мы приняли Обращение к Президенту СССР М. Горбачеву, в котором говорилось следующее:

«Четвертый год продолжается жестокий конфликт между Азербайджаном и Арменией. Можно по-разному оценивать его причины, ответственность сторон, по-разному представлять модель окончательного урегулирования. Однако не подлежит сомнению, что этой кровавой расправе, позорной в сообществе цивилизованных народов, должен быть положен конец. Иначе нас ждет новая эскалация конфликта, который грозит перекинуться в другие регионы страны.

Существующие проблемы не могут быть решены силовыми методами. Попытки такого рода всегда и всюду приводят лишь к ужесточению и расширению противостояния, новым жертвам и массовым нарушениям прав человека. Отсутствие последовательной линии союзного руководства повлекло за собой грубые политические ошибки. Шансы урегулирования конфликта были в свое время упущены. Сейчас крайне необходимы подлинно миротворческие действия. Свою долю ответственности должны взять на себя и руководители суверенных республик.

Наши предложения сводятся к следующему:

1. Президенту СССР необходимо предпринять энергичные шаги к незамедлительной организации прямых переговоров между руководителями противоборствующих сторон, включая авторитетных лидеров армянского населения Азербайджана и азербайджанского, проживающего в Армении, всех сил, реально влияющих на ситуацию в регионе. При этом следует отказаться от выдвижения каких-либо предварительных условий. Логика таких действий диктуется нетерпимостью эскалации братоубийственной войны. Президент СССР должен принять в переговорах личное участие, всем своим авторитетом и влиянием обеспечить их безусловный успех.

2. Если это будет приемлемо для противоборствующих сторон, мы готовы выступить посредниками в организации и проведении переговоров, стать вместе с Вами гарантами выполнения принятых решений. Разумеется, состав посредников может быть расширен.

3. Содержанием переговоров должен стать весь комплекс спорных вопросов, включая прекращение огня, разъединение противоборствующих сторон и обеспечение безопасности мирного населения. Незамедлительного решения требуют проблемы беженцев из Армении и Азербайджана и определение статуса тех районов, которые они покинули. Конструктивные предложения по начальным этапам урегулирования были недавно направлены руководителям обеих республик.

4. Мы рассчитываем, что Вы как Президент СССР пойдете на принятие правовых актов, которые будут согласованы в ходе переговоров, а также на отмену указа, приостанавливающего деятельность конституционных органов власти ИКАО. Особым решением следует незамедлительно прекратить выполнение Советской Армией каких-либо иных функций, кроме временного разделения сторон в зоне конфликта. Недопустимо использовать Вооруженные Силы СССР для

проверки паспортного режима, изъятия оружия, установления контроля той или иной стороны над населенными пунктами. Передача армейского оружия (особенно тяжелого вооружения) силами МВД обеих республик должна быть категорически запрещена.

Таковы наши предложения. Могут быть выдвинуты, конечно, и другие идеи. Главное — возможно скорее прекратить необъявленную войну, в которую вовлечены не только республики, но и союзная армия. Иначе совершенно обесценится значение Договора о Союзе суверенных государств, который мы готовы подписать».

Эти документы были оглашены и на пресс-конференции. Напомню, что сохранение территориальной целостности Российской Федерации и Казахстана, по нашему общему мнению, являлось важнейшей гарантией предотвращения катастрофической дезинтеграции страны и образующих ее государств.

В то время все находились под впечатлением разных планов «обустройства России». Открыто звучали и опасные призывы к перекраиванию границ. Мы совершенно определенно высказались, что не может быть и речи об отторжении территории одной страны в пользу другой.

Надо сказать, что 17 — 18 августа были очень напряженными днями. Мое субъективное ощущение в тот момент: несмотря на обострение политической ситуации в верхах, драматического исхода все же никто не ожидал.

20 августа планировалось подписание союзного договора. В своем выступлении на церемонии подписания протокола между Казахстаном и Россией 16—17 августа 1991 года я сказал журналистам: «...Буквально завтра мы с Борисом Николаевичем вылетаем в Москву, чтобы 20 августа по поручению парламентов республик поставить свои подписи под договором». Но судьба распорядилась иначе...

Б. Ельцин писал в своей книге, что его встревожили теплая встреча в Казахстане и задержка самолета в аэропорту.

Действительно, Б. Ельцину был оказан в Казахстане теплый прием. Я как хозяин считал своим долгом сделать все от меня зависящее, чтобы Борис Николаевич чувствовал себя как дома.

Гостеприимство у казахов — глубокая многовековая традиция. Удивительно, что оно показалось странным, с каким-то «перебором и пережимом», и даже вызвало «неясную, безотчетную тревогу». Повторяю еще раз: ощущения драматического поворота событий вплоть до утра 19 августа у меня не возникало. Уверен, то же самое испытывал и Б. Ельцин в тот момент.

Обстановка тех дней была крайне напряженной, а информации о реальных событиях не было. Наша память весьма избирательна, и мне вспоминается один очень характерный эпизод. Утром 19 августа я вышел из дому и... не увидел своей машины. Честно говоря, тогда был готов ко всему, в том числе и к аресту. Но оказалось, что водитель просто поставил автомобиль в тень и не заметил, как я вышел из здания.

Я попытался связаться с М. Горбачевым, но мне это не удалось. Собрал руководителей республиканских органов. Но во время встречи с ними увидел, что они погружены в оцепенение. Большинство тогдашних руководителей республики сочло необходимым выразить поддержку ГКЧП. Секретари ЦК Компартии Казахстана и обкомов, некоторые руководители парламента уговаривали меня не выступать с осуждением ГКЧП. Отдельные чиновники начали выносить портреты М. Горбачева из кабинетов. Как бы ни хотелось сегодня кое-кому это отрицать, но так в действительности было.

Ситуация была очень сложной. Я был уверен в том, что речь идет о незаконных действиях, тем более возникла масса вопросов относительно М. Горбачева, его

поведения в этой ситуации. Напомню также, что буквально накануне я обсуждал с Б. Ельциным целый ряд вопросов дальнейшего существования Союза, и наши подходы носили достаточно согласованный характер.

Мы наотрез отказались вводить чрезвычайное положение в Казахстане и в принятом заявлении осудили ГКЧП. В нем говорилось: «... Созданный тремя лицами комитет, без участия Верховного Совета СССР и республик, порождает заведомо незаконные документы, которые, кроме всего прочего, попирают республиканские декларации о суверенитете...»

Мне было ясно — в Москве происходит антиконституционный государственный переворот. Но одно дело оценить ситуацию, а другое — выбрать правильный путь решения проблемы. Первой задачей для меня было поддержание стабильности в республике и предотвращение возможных конфликтов. К счастью, это удалось. По мере прояснения ситуации и ее анализа становилось понятно — путчисты потерпят поражение. Впрочем я, знавший персональный состав ГКЧП, был в этом уверен с самого начала, но боялся одного — в судорожных попытках остаться у власти они могли натворить столько всего...

Смутные времена — серьезная проверка личности на прочность. В Казахстане не было политических процессов и судов по событиям августа — это наше принципиальное решение. Вряд ли кто имеет право судить и оценивать людей, которые жили в жесткой системе и, оказавшись в такой перипетии, не смогли преодолеть психологический и морально-нравственный барьер.

Когда сегодня меня спрашивают о тех едва ли не самых загадочных в 74-летней истории СССР событиях и видят во всем происки внешних врагов, я исходя из своего практического опыта, из знания конкретной ситуации отвечаю: из-за неразберихи, которая воцарилась в стране в последние годы, М. Горбачев и его

ближайшее окружение просто утратили бразды правления. Власть в Москве, фигурально выражаясь, просто лежала на земле, и Б. Ельцин, благодаря своей политической воле, взял ее в свои руки. Конечно, было бы упрощением не видеть глубинных первопричин, приведших к подобной ситуации, но в тот момент конкретная обстановка сложилась именно таким образом.

Поэтому, обращаясь к последующим событиям, особенно связанным с ядерным оружием, помня ту колоссальную озабоченность в мире, особенно характерную для лидеров крупных западных держав, могу определенно сказать, что в августе 1991 года ключевым стал названный мною фактор развала власти. Даже сам путч, если его можно назвать путчем, был организован по всем правилам плохого сценария. Для меня, например, до сегодняшнего дня удивительно, каким образом система, имевшая столь мощные рычаги силового воздействия, не смогла их использовать. Объяснять это какого бы то ни было рода внешними факторами — это значит исказить реальную историческую картину.

После августа 1991 года «процесс пошел» стремительным темпом. Началась подготовка к внеочередному Съезду народных депутатов. Мне тогда пришлось провести большую работу. Я делал все возможное, чтобы найти общие подходы, приемлемые для всех лидеров, тянувших телегу в разные стороны. Было подготовлено заявление Президента СССР М. Горбачева и высших руководителей союзных республик. Мне было поручено огласить его на съезде. Тогда же при поддержке руководителей республик удалось внести в текст заявления формулировку о необходимости подготовки подписания договора о Союзе суверенных государств и заключении экономического союза.

Казахстан в этих условиях делал все, чтобы не допустить хаоса. Я предложил заключить добровольный экономический союз. М. Горбачев поддержал эту

идею. К подготовке документов приступили представители республик. Работу возглавил заместитель председателя Межгосударственного экономического комитета (МЭК) Г. Явлинский. Он доказывал пагубность одномоментного разрыва единой взаимосвязанной экономики, приводил неоспоримые доводы в пользу заключения экономического союза. Я поддерживал его. В начале октября удалось собрать всех глав правительств в Алма-Ате для парафирования экономического соглашения. Вновь Г. Явлинскому пришлось выступать по каждой статье соглашения.

Дезинтеграцию уже невозможно было остановить. Разрушение организационной структуры коммунистической партии, ликвидация этого самого мощного орудия жесткой централизованной политической системы сделали процесс распада СССР необратимым.

1991 год — действительно год громких и эпохальных событий. Много давалось оценок Беловежскому заявлению лидеров России, Украины и Белоруссии. Я уже говорил о том, что события 1991 года нельзя рассматривать в отрыве от предшествующей истории. Беловежье, конечно же, не было в чисто стратегическом плане чем-то совершенно неожиданным. Все понимали, что распад СССР становится все более неизбежным, однако этот распад мог пойти по непредсказуемому руслу и вылиться в резкую конфронтацию политических сил.

8 декабря 1991 года я прилетел в Москву. Неожиданно во Внуково представитель Б. Ельцина пригласил меня срочно вылететь для подписания документов в Белоруссию. Естественно, от такого экспромта я отказался.

На следующий день состоялась совместная встреча, в которой приняли участие М. Горбачев, Б. Ельцин и я. Б. Ельцин подробно рассказал о принятых в Беловежье решениях. Более двух часов шел довольно на-

пряженный и нервный разговор между М. Горбачевым и Б. Ельциным о сути Беловежского соглашения. Я сидел между ними и слушал. Было обидно за страну и за обоих лидеров, которые могли быть вместе. Однако диалога не получилось.

В этих условиях я должен был думать об интересах своей страны, поскольку ситуация, складывающаяся после Беловежья, была принципиально иной в правовом и политическом планах. Я срочно вылетел домой.

Одна из главных проблем того периода состояла в том, что уже остро встал вопрос о пересмотре границ, о необходимости формирования славянской федерации.

На 9 декабря была назначена встреча с М. Горбачевым глав четырех республик (России, Украины, Казахстана и Белоруссии) для окончательного согласования срока подписания фактически конфедеративного союза. Все главы республик Центральной Азии ждали моей информации. Президент Узбекистана И. Каримов прямо сказал: «Выступай и от моего имени. Уговори их до Нового года решить что-нибудь. Все мы слышали, что Россия 16 декабря собирается отпустить все цены. Знают ли они, какие будут последствия?»

По возвращении сразу же позвонил Исламу Абдуганиевичу, затем всем остальным главам среднеазиатских республик. Решили встретиться немедленно, чтобы договориться о едином подходе. И. Каримов предложил мне взять инициативу на себя. Другие с ним согласились. Я позвонил С. Ниязову, и он пригласил в Ашгабад всех руководителей республик Центральной Азии.

Сегодня многие забыли ситуацию тех лет, но мы действительно стояли на пороге создания двух союзов — славянского и тюркского с подключением Таджикистана.

Я приложил максимум усилий для того, чтобы предотвратить сценарий формирования тюркского и славянского союзов на территории бывшего СССР. К чему бы мы пришли сегодня, через несколько лет, если бы такие союзы оформились, просто трудно себе представить.

Тем временем 13 декабря в столице Туркменистана собрались руководители центральноазиатских государств — С. Ниязов, И. Каримов, А. Акаев, Р. Набиев и я. Как только мы сели за стол переговоров, туркменская сторона предложила рассмотреть подготовленный проект создания конфедерации центральноазиатских государств в ответ на решения в Беловежье. Предлагалось осудить действия славянских лидеров, поскольку уже прошло пять дней после 8 декабря, но ни М. Горбачев, ни Верховный Совет ничего не принимали. Это воспринималось как поддержка произошедшего. Можно себе представить, какая атмосфера царил на Ашгабадской встрече. Но «славяне» тоже волновались. Каждый час мне звонили в Ашгабад Б. Ельцин, Л. Кравчук, представители М. Горбачева. Они понимали, что наш отказ поддержать проект СНГ чреват совсем непростым поворотом событий. Эксперты работали с нами до пяти часов утра, готовя вариант за вариантом решения.

В ходе длительных переговоров решающей стала поддержка моей позиции И. Каримовым, который также очень трезво оценил ситуацию. Мы настояли на начале диалога со славянскими республиками, чтобы не допустить развала СССР по оси Европа — Азия, поставили условие, что войдем в состав СНГ только на правах учредителей, а не в роли присоединившихся. Нам же предложили каждому отдельно приехать в Минск и подписать беловежский документ. Чтобы предотвратить растущую дезинтеграцию и полный правовой хаос в отношениях между республиками, решить судьбу будущего объединения, я настоял на проведении следующей встречи с участием всех заинтересованных государств в Казахстане. Это тоже было нашим условием. Мы вздохнули с облегчением, когда 21 декабря 1991 года Алма-Атинскую декларацию подписали 9 республик. Впоследствии присоединились и другие государства.

Так что республики Центральной Азии в тех условиях сделали все, чтобы оградить наши народы от тюркско-славянского политического противостояния.

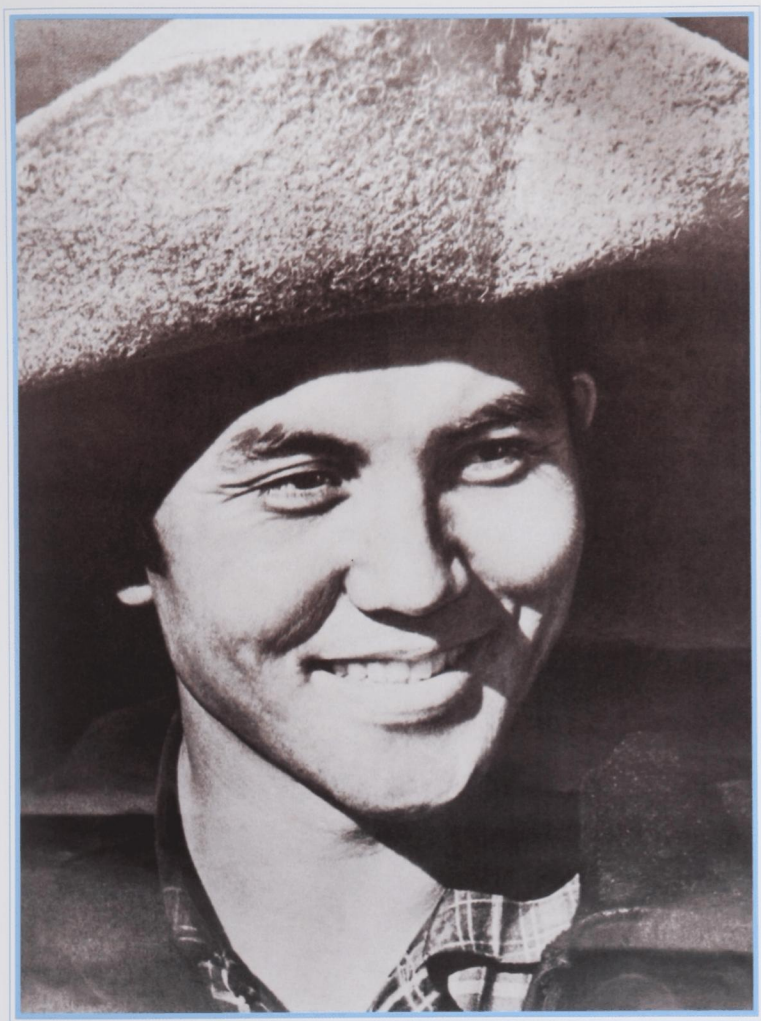
Евразия: интеграция и дезинтеграция

Ранняя весна 1994 года ... Страны бывшего Союза находятся в глубоком социально-экономическом кризисе.

По мере развития ситуации я все больше понимал, что Содружество Независимых Государств превращается в орган «цивилизованного развода» государств-участников. Все попытки направить процесс в иное, интегративное направление не давали результатов. И этому было много причин, в том числе и болезненное отношение к самому понятию интеграции, когда любая интеграционная инициатива воспринималась как угроза суверенитету. Между тем политическая динамика стала принимать характер разрушения не только отживших и экономически бессмысленных форм, но и вполне рациональных, взаимопользительных связей.

Кроме того, политические коллизии в некоторых государствах Содружества, стремление к быстрой интеграции с Западом или Востоком, надежда на зарубежную помощь заслоняли необходимость сохранения наработанного десятилетиями совместного потенциала.

В этих условиях началась работа над концепцией Евразийского союза. Однако непростой оказалась проблема восприятия данной идеи политиками, руководителями государств, народами. Всем нам необходимо было преодолеть одномерный, черно-белый взгляд на мир. Дискуссии тех лет поражали меня именно таким подходом. Исходя из ложной посылки «или интеграция, или суверенитет» происходило противопоставление двух взаимосвязанных, не исключających, а дополняющих друг друга понятий.

Начало трудовой биографии.

Вручение Президентской премии
мира и духовного согласия 1993 года
Ч. Т. Айтматову.
Алматы, декабрь 1993 г.

Присвоение звания «Человек года»
Международной ассоциацией
содействия возрождению духовности
«Руханият». Бишкек, 3 декабря 1993 г.

Снова там, где начиналась трудовая биография.
Встреча с металлургами Темиртау.

Перед стартом международного экипажа «Союз ТМ-13».
Байконур, октябрь 1991 г.

Литературный отдел ЦСР
© 1991 журнал «Взгляд»

Первый саммит глав государств СНГ в Казахстане.
Алматы, декабрь 1991 г.

Командир корабля А.А. Волков, космонавты-исследователи
Т.О. Аубакиров и Франц Фибек.

В кабине космического корабля. Звездный городок, 1991 г.

Со Святейшим Патриархом Московским и Всея Руси Алексием II.
Алматы, июнь 1995 г.

С руководителями конфессий – главой духовного управления мусульман Казахстана Ратбеком-кажы Нысанбайулы и Архиепископом Алматинским и Семипалатинским Алексием.

В Кремле с президентом России Б. Ельциным.

С президентом Украины Л. Кучмой.

С президентом Азербайджана Г. Алиевым.

В Московском университете, март 1994 г.

Конференция глав государств центральноазиатского региона.
Нукус, январь 1994 г.

Единство трех народов. Ордабасы, май 1993 г.

Родная степь.

Посещение Самарканда, январь 1994 г.

На праздновании Наурыза.

Среди жезказганских шахтеров.

Вручение Золотой Звезды Героя Советского Союза
семье Б. Момышулы.
30 декабря 1990 г.

Приезд Л. И. Брежнева на 60-летие образования
Казахской ССР. Алма-Ата, август 1980 г.

В родном ауле.

С М. Горбачевым в Кокшетау,
май 1991 г.

На I Съезде народных депутатов СССР.

С Н. Рыжковым в Карачаганаке, декабрь 1986 г.

СНГ и его органы, которые сложились к 1994 году, явно не справлялись с имеющимися проблемами, не позволяли в полном объеме реализовать имеющийся интеграционный потенциал. Конечно, Содружество переживало этап становления. Но он затянулся, несмотря на то, что мы имели существенные преимущества перед другими интеграционными зонами — высокую степень интегрированности экономики, сходные социально-политические структуры и ментальность населения, а также многонациональный состав большинства стран, общие исторические традиции.

Все это говорило о необходимости сочетания процесса национально-государственного строительства с сохранением и развитием на этой основе межгосударственных интеграционных процессов. Логика истории такова, что оптимальное вхождение в мировое сообщество возможно лишь при совместных усилиях всех стран Содружества, использующих сформированную на протяжении XX века мощную интеграционную базу.

В ходе длительного изучения опыта международных объединений, анализа ситуации в странах СНГ, консультаций со специалистами я пришел к выводу о необходимости активизации интеграционных процессов. Но любая инициатива должна быть подготовлена к восприятию общественным мнением.

Тезис о необходимости формирования нового интеграционного объединения был впервые заявлен во время моего визита ранней весной 1994 года в Великобританию. Выступая в Королевском институте международных проблем, я отметил, что «развитие постсоветского пространства определяется сейчас двумя тенденциями: с одной стороны, происходит становление национальной государственности, а с другой — стремление к интеграции стран СНГ. Назрела необходимость реформирования самого Содружества Независимых Государств, которое обеспечило бы создание в этом регионе

пояса стабильности и безопасности, повысило степень предсказуемости политической эволюции».

Более подробно идея формирования Евразийского союза была изложена мной в марте 1994 года в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова. Я рассчитывал на позитивную реакцию научной элиты старейшего в России университета и не ошибся. С самого начала большинство ученых поддержало данную инициативу. Именно ученые начали широкое обсуждение идеи в средствах массовой информации. Естественно, были и замечания, новые предложения, критика проекта. Но я был этому рад — дело сдвинулось с мертвой точки.

В сентябре 1994 года в Алматы прошла научно-практическая конференция «Евразийское пространство: интеграционный потенциал и его реализация». В ней приняли участие государственные, политические, общественные деятели, ученые, представители средств массовой информации почти всех стран Содружества. Участники конференции в своем итоговом документе предложили «предпринять шаги по укреплению интеграционного потенциала СНГ, используя идею Евразийского союза государств и других интеграционных проектов».

С обращением к Московскому совещанию глав государств — участников СНГ «Евразийскому союзу быть» выступило Международное движение демократических реформ. В нем от имени более 60 коллективных участников, действующих в независимых государствах, говорится о необходимости поддержки инициативы Президента Казахстана Н. Назарбаева: «Сегодня уже ясно: СНГ в том виде, в каком оно существует, недееспособно. Нужны новые формы консолидации, заключение экономического, оборонного, дипломатического, экологического договоров. Необходимо создание совместных структур, обеспечивающих их деятельность. Это нужно народам, веками жившим бок о бок и поддерживающим друг друга».

Форум «К новому согласию», организованный по

инициативе Международного движения демократических реформ, полностью поддержал инициативу о создании Евразийского союза. Форум провел 18 июня 1994 года конференцию «Евразийское сообщество: общее в разнообразии», в которой приняли участие представители 30 партий и 60 общественных движений постсоветских государств. Участники конференции приняли обращение к народам, парламентариям и главам государств — «Мы поддерживаем проект Евразийского союза, разработанный Президентом Казахстана Н.А. Назарбаевым и призываем глав государств относиться к нему с позиций интересов своих народов».

А между тем шла интенсивная работа над самим проектом «О формировании Евразийского союза государств» и он был опубликован в июне 1994 года.

Без преувеличения можно сказать, что этот проект занимал центральное место в дискуссиях, прошедших в средствах массовой информации СНГ в течение всего 1994 года. Большинство наблюдателей оценивало его как «сенсационный», «вызвавший сильный резонанс». Можно сказать, что идея попала на благодатную почву и получила мощную поддержку в самых разных кругах.

Впоследствии, после анализа первых откликов, был подготовлен окончательный вариант проекта формирования Евразийского союза, который был разослан руководителям государств Содружества, распространен в ООН, внесен в повестку дня октябрьского (1994 г.) саммита глав государств СНГ в Москве.

Что же предлагалось мной в то время? В проекте ЕАС говорилось, что наряду с совершенствованием интеграции стран СНГ не следует рассматривать его как единственную форму объединения. Как показала практика, дальнейшее развитие стран СНГ сдерживается недостаточностью внутреннего потенциала каждой из них, который возможен только при экономической интеграции стран постсоветского пространства на новой, рыночной основе.

Доставшиеся нам в наследство структуры единого народнохозяйственного комплекса продолжают деградировать. По объективным причинам отмирают отжившие формы экономических связей. Вместе с тем нарушаются отработанные технологические связи, отвечающие экономическим интересам наших стран в ближней и дальней перспективе.

Поскольку все страны СНГ декларировали переход к рыночной экономике, я считал необходимым объединить усилия по реформированию экономики стран бывшего Союза.

Важным элементом обеспечения успешного проведения рыночной реформы является совершенствование национальных законодательств стран СНГ. В связи с этим мной было выдвинуто предложение о сближении законодательных основ хозяйственной деятельности, поскольку существующие различия между ними становятся серьезным препятствием интеграционных процессов в экономике.

Естественно, что много внимания было уделено в проекте и проблемам безопасности СНГ. Учитывая общую ситуацию в государствах Содружества, а также по периметру наших внешних границ в тот период, я счел необходимым прямо сказать, что постсоветское пространство является зоной нестабильности, возникновения конфликтов различного типа, а также испытывает воздействие очагов напряженности вне СНГ. Охрана внешних границ и стабилизация ситуации в конфликтных регионах может осуществляться только совместными усилиями всех заинтересованных государств, требует согласованного подхода участников к кругу вопросов оборонного характера.

Проблема экологической безопасности также была, да и сейчас остается одной из наиболее острых в странах СНГ. И эту острейшую проблему нельзя разрешить в одиночку. Были предложены новые, и на мой взгляд, эффективные механизмы гуманитарного сотрудничества.

В тот момент проект Евразийского союза не был адекватно воспринят, хотя и не был категорически отвергнут. Такое отношение преобладало на протяжении двух лет со времени публикации этого проекта. Вообще позиция многих политиков напомнила мне тогда старую бюрократическую мудрость: «С одной стороны вроде хорошо, да как бы чего не вышло...»

Я по-прежнему остаюсь сторонником интеграции постсоветского пространства. Формулируя свое видение интеграции почти два года назад, я вовсе не претендовал на реализацию всех положений проекта, прекрасно понимая все политические коннотации того периода. Мною двигали два соображения. Первое — обобщить в единое целое наиболее реалистические предложения по дальнейшему развитию интеграции, одновременно появившиеся в странах постсоветского пространства. Второе — прервать уже неприлично затянувшуюся паузу в деятельности институтов СНГ.

В течение последних двух лет страны Содружества сдвинули с мертвой точки многие проблемы, в числе которых формирование Межгосударственного экономического комитета, заключение Таможенного союза. Подтвердился ряд тенденций, отмеченных в проекте, как негативных, так и конструктивных.

Например, в проекте говорилось о том, что СНГ не может быть единственной формой интеграции на постсоветском пространстве и необходимо формирование региональных и отраслевых объединений. Время подтвердило правильность такого подхода, и мы становимся свидетелями становления таких интеграционных форм. Упомяну хотя бы Таможенный союз трех государств, Центрально-азиатский союз и т.д. Думаю, что в ближайшие годы возникнут и другие формы.

Проект ЕАС составлялся с учетом того, что в ближайшее время страны СНГ не войдут в развитые экономические блоки как равноправные партнеры. Так и случилось. Идеализация таких невероятных прорывов в эконо-

мические зоны с иной технологией и инфраструктурой сегодня более чем очевидна. Тем не менее наши государства все более активно сотрудничают с крупными международными организациями на Западе и Востоке. Например, Казахстан участвует в работе ОБСЕ, Организации экономического сотрудничества и других.

Но это не мешает нам быть сторонниками интеграции постсоветского пространства и рассматривать ее в качестве приоритетной задачи. Я по-прежнему считаю, что любая конструктивная, а не декларативная интеграция будет опираться на ту платформу, которая модельно очерчена в проекте ЕАС.

Почему я уверен в этом? Импульс, заданный уже два года назад, дает свои плоды сегодня. К Таможенному союзу в скором времени присоединятся еще три страны. Россия в начале 1996 года сняла полностью таможенные барьеры на границе с Казахстаном. Мы, кстати, сделали это на полгода раньше. Я должен отметить увеличение казахстанско-российского товарооборота, равно как и казахстанско-белорусского, за этот период. Функционирование Межгосударственного экономического комитета становится более предметным. Идет и процесс формирования интеграционных «ядер» на региональной основе, в частности, в Центральной Азии. Нельзя недооценивать подписание девятью странами Договора о коллективной безопасности и множества двусторонних соглашений. К примеру, российско-казахстанское соглашение по вопросу упрощенного гражданства также из того практического потенциала, что несет «евразийский проект».

Но неумолимо текущее время имеет свою особенность — оно создает новые политические и экономические реальности.

К их числу относятся снижающаяся структурная взаимозависимость национальных экономик, возникновение автономных и часто диаметрально противоположных экономических интересов, разный тип эко-

номических реформаций, значительно различающийся политический ландшафт, нарастающее расхождение в оценке культурных ценностей и шире — в цивилизационных ориентациях.

Вспомним события трехлетней давности. Республики СНГ до последнего надеялись на сохранение рублевой зоны. Мы тогда попали в очень сложную экономическую ситуацию. Стремительная инфляция молодых национальных валют, слабое владение методами макроэкономической стабилизации, лежащая «на боку» промышленность, неясность приватизационных программ, небывалое социальное напряжение, разрыв связей. Эта картина была характерна для всех государств Содружества.

Но тогда мы предпочли идти порознь. С огромными дополнительными сложностями, путем проб и ошибок, часто изолированно, но большинство стран СНГ все же прошли нижнюю точку экономического спада, овладели рычагами финансовой стабилизации. Оживилась промышленная политика, товарное обеспечение рынка качественно улучшилось. В этом сложном процессе не могли не появиться новые партнеры, новые экономические интересы. Целостность экономической структуры постсоветского пространства сегодня на порядок ниже.

Специфика реформации в разных странах во многом далеко развела законодательство, особенно в хозяйственной сфере. Правовая интеграция существенно усложнилась. Политическая динамика в странах СНГ также носит разнонаправленный характер.

Не видеть этих процессов — значит снова занимать страусиную позицию. Еще большим политическим безумием была бы попытка волевым усилием «преодолеть» эти объективные тенденции.

Но исключает ли это актуальность и возможность нового импульса в интеграции? Уверен, что нет.

Однако прежде чем говорить о новой стратегии ин-

теграции, хотел бы сказать о некоторых интеграционных мифологемах последнего времени.

Несмотря на некоторые драматические и часто объективно заданные изменения в общественном сознании, интеграционные стереотипы политических элит по-прежнему остаются все в том же узком спектре. Условно их можно выделить в национально-традиционалистский, реставрационный и либеральный. Что касается романтически-либеральной благостной картины ускоренного вхождения в большую Европу или большую Азию, то ответ ясен до лапидарной формулы: «Нас там не ждали». Процесс длительный и не лишенный перспективы, но форсаж и идеализация партнеров в развитом мире неуместны. К сожалению, эти наивные подходы свою отрицательную роль сыграли, задав часто неадекватные приоритеты.

Национально-традиционалистские пути решения проблем вырастают из эмоционально понятных, но политически слабо просчитанных идей. То, что является, как это ни парадоксально, источником вдохновения для части интеллигенции, с одной стороны, и наиболее маргинальной части населения, с другой, базируется на двух ошибочных основаниях.

Во-первых, на постулировании того стратегического баланса, который был разрушен уже в конце 80-х годов. Всякого рода «силовые размышления» опоздали минимум на пятилетие.

Во-вторых, реальный национальный интерес, в том числе политический, должен базироваться на трезвом учете геополитической реальности новой иерархии сил в мире, и пора это понять. На мой взгляд, всем нам важнее определиться со стратегическими проблемами национальной безопасности, нежели выискивать мелкие потенциальные конфликты в отношениях между нашими дружественными странами. Эмоции, в том числе национальные, — не лучший проводник интеграции.

Социально-реставрационная модель интеграции

при внешней эффективности основана на подмене одного тезиса другим. Определенный крен в сторону «социализации экономической политики» неизбежен. Но его нельзя смешивать с восстановлением прежней государственности. Кстати говоря, «левый Ренессанс» в Восточной Европе весьма гармонично сочетается с сохранением внешнеполитического курса более либеральных предшественников. Так что необходимо анализировать ситуацию, а не подменять выбор социально-экономической модели геополитическим. Такое понимание присутствует у наиболее солидных политиков левого спектра в странах СНГ.

На мой взгляд, именно реалистического понимания интеграционных перспектив и сложностей не хватает сегодня не только политической, но и интеллектуальной элите. Между тем реалистическая оценка происходящего позволяет сделать ряд принципиальных выводов.

Первое. Интеграция всего постсоветского пространства в более конструктивное образование, нежели СНГ, в ближайшей исторической перспективе проблематична. В настоящее время стала очевидной актуальность заложенной еще два года назад в проекте ЕАС идеи двухскоростной и многоярусной интеграции, формирования своеобразных «интеграционных центров». Речь идет о том, чтобы принять иную стратегию — вместо фронтальной, стандартизированной и обреченной поэтому на неуспех интеграции двигаться по пути более локальной в географическом смысле и более акцентированной в смысле выбора сфер координации политики. Тем более, что недавний опыт перестройки, проводимой Центром по единым стандартам, без учета региональной, национальной, экономической, социальной и политической специфики республик, показал бесперспективность унифицированного подхода.

Унифицированный подход не позволяет учитывать интересы наших государств, тем более, что мы уже про-

шли определенный этап развития собственной государственности, формирования новых экономических отношений и векторов внешней политики. К тому же за эти годы страны бывшего союзного государства еще больше разделились и по основным показателям экономического развития. И в этих условиях говорить о каких-либо универсальных схемах объединения — это значит объективно подорвать то, чего мы уже достигли в экономических реформах. Не нужно бояться, что появится группа государств, которая будет опережать в своем развитии другие страны. Мировая история, напротив, демонстрирует, что в любом интеграционном объединении есть лидеры, ведущие за собой остальные страны. Следовательно, идея двухскоростной и многоярусной интеграции позволяет наиболее адекватно учесть и национальные интересы, и интересы Содружества в целом.

Необходимо четко определить — центр интеграции должны составить страны, достаточно близкие по типу экономических трансформаций и по уровню жизни. Сейчас никто не готов выделять большие средства для преодоления социально-экономического разрыва. Внутренних проблем очень много, и пока значительного финансирования на «подтягивание отстающих» просто нет. Но нам необходимо искать пути решения и этой задачи.

Сегодня интеграционный центр может начать формироваться именно через механизм тройственного таможенного союза. Здесь необходима кропотливая работа, в частности, в плане приближения налоговых законодательств. От политизированных приоритетов нам уже давно пора перейти к прагматическим. Таможенный союз, который может стать основой нового подхода в интеграции, нельзя расширять исходя из политических приоритетов. Он должен строиться на основе экономического интереса всех его участников.

Второе. Самая большая опасность реальной интеграции — это призывы, а тем более попытки силовой реинтеграции.

Нельзя представлять то, что мы называем постсоветским пространством, некоей птицей Феникс, готовой вновь возродиться из пепла. Приведу одну экологическую ассоциацию. Гибель Аральского моря детерминирована не только антропогенными причинами, но и тем, что пик этой хозяйственной деятельности пришелся на нижнюю точку естественного колебания уровня моря. По крайней мере, такова одна из гипотез.

То, что произошло на территории бывшего СССР, — это наложение двух связанных, но в то же время автономных процессов — внутреннего кризиса социальной системы и фундаментальных геоэкономических, геокультурных, геотехнологических и, наконец, геополитических сдвигов. Если бы проблема заключалась, например, только во внутреннем кризисе системы, то отношение к постсоветскому пространству как временно законсервированному колоссу было бы верным. Но это не так: фрагментация этого пространства уже слишком глубока.

Поэтому силовые варианты реинтеграции — постальгическая модель, ведущая к реальной крови ради создания временной утопии, но никак не стабильной конструкции.

Опыт эффективной интеграции на пороге XXI века — это прежде всего рычаги экономического и культурного влияния. Чрезвычайно рискованно заменять их внешне эффективными, но архаичными средствами.

Третье. Необходима ясная стратегия и реальные цели. Максимальные цели должны быть видны предельно четко, и если они отклоняются по принципиальным соображениям, то не нужно пустых лозунгов об интеграции. Для меня существует такая определенная цель реального интеграционного объединения на данном этапе. Это единый рынок, единый в смысле отсутствия любых технических и налоговых границ, ставящих барьер свободному движению товаров, капитала, рабочей силы. Готовы мы на такую предельно

ясную цель или нет? Здесь нужно определиться, а не блуждать в красивых лозунгах о нашем славном прошлом. В какой степени отдельные государства готовы к общему рынку? Как он отразится на конкурентоспособности национальных экономик, как отразится на уровне жизни, сопрягается ли с безопасностью государства? Вот на это нужно найти ответ.

Четвертое. Необходимое условие реальной интеграции — признание в качестве приоритетного направления во внешней политике взаимодействие государств Содружества. Приоритетность эта должна выражаться не в политических кампаниях для внутреннего пользования, но в практических мерах по выстраиванию системы объединяющих экономических, культурных, политических структур.

В связи с этим возникает принципиальный вопрос выбора критериев или группы критериев, определяющих содержание и направленность постсоветской интеграции в ближайшей исторической перспективе. В этом отношении сегодня единства в понимании пока нет.

На фоне такой ситуации лозунги восстановления СССР, содержащие угрозу национальному суверенитету, еще больше отдаляют наши страны друг от друга. Независимо от воли и желания консервативных сил, суверенитет — это реальность, и ни одно государство не поступится им. Силовая интеграция может резко изменить внешнеполитические ориентиры наших государств и направить вектор интеграционных усилий вне пространства СНГ. Истинные сторонники интеграции, использующие эту идею не в целях политической рекламы, сегодня осознают, что процесс цивилизованной, прогрессивной интеграции должен идти параллельно и способствовать укреплению национального суверенитета государств. Такая интеграция является синонимом стабильности и безопасности. Об этом говорит и опыт Европы, Северной Америки, Юго-Восточной Азии.

Ключевым условием на пути к интеграции является признание сложившихся политических институтов разных государств. Разумеется, есть некие общезивилизационные требования конца XX столетия, предъявляемые даже к самым одиозным политическим режимам. Однако признание специфики политического устройства в каждой стране потенциального интеграционного объединения принципиально важно. Ведь никому не мешает в Европейском союзе то обстоятельство, что интегрируются страны с типично президентской республикой и классические парламентские республики. Между тем раздаются возгласы, что политические режимы настолько разные, что и объединяться нельзя. Это неверно по существу. К тому же нельзя не видеть четко обозначившейся в последние два года общей тенденции на территории бывшего СССР — тенденции к формированию сильных президентских республик. Можно много спорить о том, хорошо это или плохо, но явная синхронность процессов подтверждает сходство общего политического контекста при всех национальных и региональных вариациях.

Другое конструктивное предусловие интеграции — это однозначное признание территориальной целостности и сложившихся границ. Это основной предмет разных политических спекуляций, исторических мифов и часто оскорбительных для разных наций проектов. Между тем сторонникам перекройки границ никак не удается понять простую максиму: разжигая огонь у соседа, посмотри, в какую сторону дует ветер. На сегодня для постсоветских стран существенно важнее внутренняя территориальная целостность, нежели шапкозакидательские призывы к отторжению чужих территорий. Очевидно, что стабильная добрососедская обстановка на внешних границах гармонизирует внутреннюю ситуацию. Полагать наоборот — значит называть черное белым. Территориальная целостность — это не вопрос исторической символики,

это вопрос выживания самих государств, даже самых небольших на постсоветском пространстве. И шутить этим даже ради вполне прозрачной предвыборной риторики — значит закладывать бомбу замедленного действия под собственную государственность.

Я сторонник реалистического подхода к интеграции. Но реализм не означает пессимизма. Да, нельзя идеализировать ситуацию и волевым порядком менять новые реальности. Но нельзя и сидеть на берегу, пассивно созерцая течение истории. Без политической воли никакой интеграции не будет.

История мощнейшего интеграционного союза в Европе также складывалась непросто. Помню, когда очередной раз отмечался день Шумана, один из европейских послов, работавших тогда в Казахстане, сделал интересный подсчет. Между декларацией французского министра иностранных дел Робера Шумана, предложившего создать франко-германское объединение угля и стали 9 мая 1950 года, и Римским договором «шестерки» о создании Европейского экономического союза 25 марта 1957 года прошло 7 лет. А Маастрихтский договор о создании Европейского союза подписан 25 лет спустя — 7 февраля 1992 года. Но в долгой и тщательно готовившейся истории этой интеграции был один из поворотных эпизодов. 4 апреля 1951 года идейный вдохновитель Европейского сообщества Жан Монне, встречаясь с Конрадом Аденауэром, сумел убедить его в необходимости принципа равенства в сообществе.

Учатся не только на чужих ошибках, но и на чужом успехе. Интеграционизм, который не будет базироваться на принципе равенства, будущего не имеет. Интеграционизм, основанный на равенстве, добровольности и прагматическом интересе, — это достойное будущее Евразии, которая только в этом случае может стать глобальным фактором мировой экономики и политики XXI века.

II

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПУТИ

...Мы рассматриваем некоторый период времени прежде всего как скрытое обещание того, что исполнится в будущем... И действительно, во времена, слывшие некогда заостренными, мертвыми, новое повсюду уже пускало побеги, и все словно бы устремлялось к будущему совершенству. Однако в поисках новой, еще только возникающей жизни мы слегка забываем, что в истории, так же, как и в природе, умирание и зарождение извечно следуют друг за другом. Старые формы культуры умирают в то же самое время и на той же почве, где новое находит пищу для роста.

Йохан Хейзинга

О поиске универсальных рецептов

Путешествуя в прошлое, мы убеждаемся, что всегда была группа государств, которая находилась перед болезненным и ответственным этапом изменения самих основ своей жизни. Уже само осознание необходимости перемен, постановка такой проблемы имели глобальные последствия не только для них, но и для всего человечества. В XX веке эта проблема стояла перед миром неоднократно.

XX век — это век ответственности за свой выбор. Перед Европой не раз возникали альтернативы: сохранение колониальных владений викторианского типа или переход к новым формам отношений с остальным миром; фашизм или либеральная демократия; сохранение индустриальной цивилизации или переход к качественно новому состоянию.

Спектр выбора для постколониальных стран был еще шире. Появилась альтернатива между социализмом и капитализмом, авторитаризмом и демократией, светским или конфессиональным характером государства, традиционализмом и модернизацией. Я уже не буду говорить о вариантах этих моделей, разнообразие которых явили миру эти государства.

Из этого спектра наиболее верно отражающим происходящие в разных государствах мира процессы мне представляется понятие «модернизация». Но и в этом понятии есть определенный недостаток — его применяют без разбора ко всем обществам и группам, разительно отличающимся друг от друга.

Термин «модернизация» широко распространился в связи с необходимостью выбора модели развития для постколониальных стран в 60-е годы XX века. Именно тогда в мире появилось около 100 молодых государств, освободившихся от колониальной зависимости. В то время предлагались два сценария модернизации — советский и западный. В принципе это определялось условиями конкуренции двух систем. Освободившимся

государствам в условиях жесткого противоборства различными методами фактически навязывались два типа развития.

Но оба варианта модернизации чрезвычайно схематичны. Обратимся к популярному сегодня, западному. Идея заключалась прежде всего в признании универсальных моделей. Иначе говоря, мировое развитие рассматривалось как некая лестница, и на каждой ступеньке «сидит» группа стран: слаборазвитые, среднеразвитые, высокоразвитые. И страны «третьей и второй ступени» должны пройти тот же путь, что прошли ранее высокоразвитые. Модернизация в буквальном смысле может пониматься как осовременивание, приведение чего-либо в соответствие с современными нормами, стандартами.

Понимаемая таким образом модернизация объявляет современными только страны западноевропейского и североамериканского поясов, а также небольшую группу стран Юго-Восточной Азии, Латинской Америки и стремительно реформировавшиеся единичные государства Центральной Европы. Нетрудно увидеть, что этот подход выводит за пределы цивилизационных различий и возводит в универсальный принцип ту «нормативную пружину», прежде всего в религиозном сознании, которая появилась в протестантских странах Европы еще во времена лютеровской реформации. Конечно, этот колоссальный сдвиг имел фундаментальное значение для всей Новой истории. Но все же и его роль нет необходимости преувеличивать.

Теория модернизации глубоко связана с тем пониманием развития, прогресса, рациональности, что выработала на протяжении двух столетий наиболее развитая в плане капитализации часть планеты — Север и Запад европейского континента. К тому же историки часто проходят мимо одного очевидного, но значительного факта. В самые первые годы после крушения колониальных империй информационная, интел-

лектуальная, кадровая мощь метрополий просто не давала возможностей другой трактовки, другой модели развития для всех новых, независимых государств. Именно эта модель развития — схематично понимаемая модернизация — и стала выдаваться в качестве единственного спасательного круга для государств, многие из которых находились еще на уровне племенного мышления. К тому же учтем и факт наличия альтернативной социалистической модели, проповедовавшейся тогда другой половиной человечества. Не нужно рассматривать модернизацию так, как это порой делают «ура-либералы». Это не божественное откровение, а исторически, культурно, географически обусловленная рабочая модель, не лишенная серьезных практических изъянов.

Что же практически означает «чистая теория модернизации»? Чистота теории здесь понимается не в физическом, естественнонаучном значении, а в смысле практической политики. Такая наивность приличествует юной деве, но никак не ученым мужам, претендующим на объяснение столетних трансформаций, а порой и мутаций общества.

В чистом виде модернизационные установки сводятся к ряду ключевых положений.

Экономически — это прежде всего формирование разветвленной рыночной системы, резкое изменение соотношения занятых в аграрной и индустриальной сферах, массивов урбанизация, функционирование независимой от прямого государственного регулирования финансово-денежной среды, принципиальное изменение технологической базы производства и широкое развитие машинных форм труда, развитие третичного сектора сферы услуг.

В политической сфере модернизация предполагает прежде всего реализацию двух задач: формирование гражданского общества и реальных общенациональных институтов государственной независимости.

Однако очевидно, что есть, во-первых, некоторые

противоречия между ними, а во-вторых, нет абсолютно ни одного универсального рецепта в решении как первой задачи, так и второй. Это существенно подрывает один из главных тезисов «чистой теории модернизации» — ее претензию на универсальность.

Наконец, социокультурные аспекты модернизации в ее классическом виде носили четкую антитрадиционалистскую окраску, хотя, безусловно, есть четко обозначенные положительные направления культурной модернизации. Это и всеобщая грамотность, и светский характер ценностей, и многообразие в идеологии, и свобода слова, и значительное расширение свобод индивида, личности, человека. Однако чистая культурная модернизация тоже оказалась «троянским конем» для осовременивания многих традиционных цивилизаций.

Что же из этого следует в отношении стран, подобных Казахстану, делающему первые шаги в условиях государственной независимости?

Все мы, президенты независимых государств Содружества, много говорим о логике реформ, осознанно или неосознанно подразумевая тот или иной вариант модернизации. Вначале, на пороге 90-х годов, период ученичества и эйфории заставлял нас без всяких сомнений прислушиваться к голосам многочисленных зарубежных экспертов. И сегодня эти советы нередко носят очень дельный характер, особенно в экономической сфере. Поэтому я нисколько не хочу снижать роль зарубежных экспертов, в том числе и тех, кто работал в Казахстане в первые годы независимости и внес действительно неоценимый вклад в создание рыночной инфраструктуры.

Однако со временем приходило понимание того, что стратегия развития должна определяться своими собственными силами, только с учетом национально-государственной специфики, особенностей политической истории, культуры, постсоветских стереотипов, этнических традиций и многого другого, что я бы для

краткости, а отнюдь не для ясности назвал цивилизационно-культурным фоном.

Такая недооценка культурно-цивилизационных факторов очень характерна для многих зарубежных экспертов при анализе происходящих в Казахстане да и в большинстве постсоветских государств событий. Я глубоко убежден, что в чистом виде модернизация, имея в виду ее идеальную экономическую, политическую, культурную модель, в странах СНГ не пройдет. И причин тому много. Чем раньше мы поймем это, тем яснее будут наши перспективы.

Вместо глобального модернизационного проекта, порядком устаревшего и разрабатывавшегося отнюдь не для постсоветских стран, я бы предложил термин «адаптированная модернизация». Адаптированная прежде всего к традиционным институтам, этнокультурным особенностям, политической истории региона, реальному положению государства в геополитической, геоэкономической, геокультурной структурах.

Очевидно, что без модернизации во всех сферах мы обречены пребывать в вечно запаздывающей полосе исторического времени. Поэтому модернизация нужна, но именно адаптированная.

В чем смысл этой адаптированности? Прежде всего в том, что ряд модернизационных преобразований у нас давно произошел. Казахстан — преимущественно урбанизированное общество с достаточно развитым индустриальным комплексом, наличием машинных форм труда в массовых масштабах, стопроцентно грамотным населением, более современной, нежели в большинстве развивающихся стран, системой образования, науки, культуры, здравоохранения. Безусловно, светский характер государства, сложившийся в предыдущие годы, наличие свободы прессы, формирование многопартийности и элементов гражданского общества, появление которых связано уже с современной историей, — все это радикально отличает нас от классических постколониальных стран.

Если говорить о терминах, то я убежден, что использование понятия «колониализм» в советском контексте не соответствует характеру отношений тех лет, хотя жесткая субординированность Центра и регионов присутствовала. На территории бывшего СССР был осуществлен своеобразный модернизационный проект. Поэтому многие элементы чистой модернизации давно уже достигнуты.

Качественно отличительной чертой такого типа модернизации является отсутствие рыночной инфраструктуры, институциональных сдвигов на уровне экономического поведения миллионов людей, интенсивного развития финансовой сферы, благоприятного инвестиционного климата. Но уже сегодня Казахстан чрезвычайно активно формирует базу рыночной экономики.

Я глубоко осознаю социальную цену этих модернизационных передвижек. О социальных последствиях сталинского типа модернизации в Казахстане, как и в других республиках бывшего СССР, уже достаточно много сказано. Одно только оседание кочевников-казахов обошлось в миллионы жертв и беженцев за рубеж. Но надо не только искать ошибки в прошлом, но и определить верный выход из сложившейся в результате предшествующей политики ситуации.

И сегодня судьбы модернизации на всем постсоветском пространстве определяются не столько политической волей и экономическими решениями, сколько возможностями социальной адаптации к ней. Казахстан имеет отягощенную социальную структуру населения. Например, в республике проживает почти 3 миллиона пенсионеров. Необходимость рационализации масштабной социальной сферы, находящейся на государственном и местном бюджетах, которая стала характерной чертой общественного сознания и атрибутом нашей жизни и от которой мы не откажемся еще долгие годы, резко сужает адаптационные возможности населения.

С другой стороны, экономически оправданное снижение финансирования социальной сферы резко ограничивает стратегические возможности страны. Сокращение инвестиций в культурный капитал общества неминуемо ведет к деградации интеллектуального и духовного потенциала страны, а значит, и ее модернизационных возможностей. Это еще раз доказывает, что рецептам классической модернизации нельзя следовать буквально.

На мой взгляд, в идеальном виде модернизация должна опираться на принцип эффективности. Но эффективность бывает разного типа. Эффективность вложения в спекулятивную сделку, строительство дома или в создание новой технологии принципиально различна хотя бы по срокам окупаемости. Но дело не просто в разных видах эффективности. Вопрос и в том, что некоторые эффективные решения в принципе неприемлемы, ибо они могут грубо нарушить традиционные и глубоко укоренившиеся национальные идеалы. Нельзя также рассматривать ситуацию только в терминах экономики. Вспомним о печальных итогах шахской модернизации в Иране, натолкнувшейся на мощное сопротивление фундаментальных ценностей традиционного общества.

Я полагаю, что за неполные пять лет независимости многие руководители стран СНГ осознали, что проблема не только в социальной цене реформ. Наверное, большинство моих коллег согласится с тем, что народы серьезно обожглись при попытке реализовать чистую политическую модернизацию. Где-то дошло до танков, где-то до сотен тысяч убитых, раненых и бездомных. Никто не убедит меня, что в конце XX века ради каких бы то ни было идей нужно вспарывать животы беременным женщинам. Нет такой идеи! Никто не убедит меня, что ради чистоты эксперимента нужно калечить судьбы миллионов людей. И когда я читаю высокомерные рассуждения какого-нибудь маститого политика из «комфортного далека» и знаю о том, что одно

неосторожное решение может вызвать кровь, я решительно отдаю предпочтение здравому смыслу вместо самой красивой теории.

Фальстарт в либеральную демократию

Прошедшие десять лет войдут в историю не только как распад Советского Союза, не только как разрушение старого. Осуществляется глобальный поворот целой группы новых государств к современной модели социально-политического и экономического устройства. Несмотря на все трудности, ошибки и просчеты, подчас очень серьезные, образование новых независимых государств стало стимулом огромной созидательной работы.

Я не согласен с теми «революционными романтиками», которые упрощенно понимают процесс созидания нового. Ничто не дает сразу свои плоды. Многие разочарования в том, что преобразования идут не так быстро, они связывают с пассивностью народа. Дело дошло до утверждений, что наш народ не достоин демократии, не понимает ее. Но я хочу спросить у этих пессимистов: для кого мы проводим эти преобразования? Кто их должен осуществлять? И почему народ не становится активным проводником реформ?

Да потому, что простой человек рассматривается ими лишь как инструмент преобразований, а не как активная созидательная сила. Если улучшение уровня жизни охватывает отнюдь не всех, если движение вперед осуществляется не гигантскими шагами, как это обещали популисты, то вина за несбывшиеся ожидания уже заранее возлагается ими на народ. И в этом противоречии кроется объяснение непопулярности многих «радетелей» за демократию. Я считаю, что сегодня нет пассивности масс. Просто они отторгают политиков, большинство из которых застыло в своем развитии на августе 1991 года. А это, как известно, был

период ломки старого строя, период конфронтации и размежевания политических сил. А сейчас — время консолидации и созидания, время конкретных дел, когда даже небольшое улучшение жизни людей гораздо важнее огромной массы призывов.

В ряде государств СНГ широкое распространение получила популистская идеология. Но в реальности популистские режимы за редким и кратковременным исключением — это феномен стран третьего мира. Термин «популизм» изначально появился в конце XIX века в США. По мнению специалистов, он относился к движениям фермеров, мелких предпринимателей, городского и сельского пролетариата против крупного капитала, особенно на Среднем Западе США. Однако после второй мировой войны этот термин стал использоваться для обозначения режимов и лидеров новых независимых государств третьего мира, которые пытались модернизировать традиционное общество, например, снизить влияние родоплеменных структур, не принимая в то же время социалистической идеологии.

Образование новых государств требовало вовлечения широких масс в политическую деятельность. Именно масштаб политического участия масс требует известного плюрализма. Популистские режимы во многом связаны и с оппозицией традиционалистским настроениям, которые подчеркивают лояльность существующим политическим структурам.

Ни один регион бывшего СССР не избежал влияния таких настроений. Полный развал союзных структур стал возможен на базе мощнейшей волны популизма, широко использованного национальными политиками Прибалтики, Закавказья, Центральной Азии, Молдовы, а позже и политиками других республик. Однако нельзя упускать из виду и другой оттенок популизма — его антитрадиционалистскую направленность. Взрывы политической активности в традицион-

но спокойных регионах, наряду с объективными причинами, — результат эффективности популистских движений.

Еще одна специфическая черта популистских режимов — нестабильность. Порождая высокие ожидания в массах первоначальными успехами, популизм наталкивается на проблему дифференциации интересов поддерживающих его групп на более поздних этапах. В принципе популизм может перерасти в либерально-демократический режим, но это возможно при наличии сильных демократических традиций и отсутствии мощных этнических, культурных, религиозных напряжений. Однако в ряде регионов СНГ, охваченных популистскими движениями, крайне обострены культурно-религиозные, национальные, социальные противоречия и отсутствует глубокая демократическая традиция. Это объективно ведет к росту авторитаризма как возможному средству решения этих противоречий.

Практически все популистские движения основаны на особом типе лидерства. Во главе этих движений стоит харизматический лидер. В конечном счете этот тип лидерства перерастает в формальное, узаконенное лидерство, связанное с официальным постом. Другой исход — политическая или даже физическая смерть лидера, которая означает конец движения. Чтобы избежать этого, популистские вожди меняют тип лидерства. Этого требуют необходимость стабилизации политического режима и рост оппозиции. Однако сама по себе смена типа политического лидерства не столь важна, как связанная с ней эволюция политического режима в целом. Популистская идеология не может быть долговечной в обществе, пронизанном столькими коллизиями.

Наш народ постоянно жил в ожидании светлого будущего. Большевики убеждали, что продрозверстка и коллективизация — путь к построению социализма через десяток лет. Н. Хрушев — в том, что в 1980 году мы будем жить при коммунизме. Л. Брежнев — в том, что

мы уже живем в период развитого социализма. М. Горбачев — в том, что к 2000 году каждая семья будет иметь отдельную квартиру, а уже в начале 90-х годов советское машиностроение достигнет американского, японского и германского уровней. Демократы первой волны доказывали, что Советский Союз в случае принятия радикальной экономической программы уже в 2000 году будет среди экономических лидеров мира. Как воплотились все обещания, мы прекрасно знаем.

Для проведения экономической реформы, сопряженной с неизбежным падением жизненного уровня населения страны, необходимо было нести бремя ответственности за ухудшение социального положения. Но Центр не хотел этого. Помню, какую головную боль доставил нам Центр идеей всенародного обсуждения реформы ценообразования (читай — повышения цен) в 1990 году. Естественно, что только ненормальный будет голосовать за повышение цен. Но Центр требовал «всенародной» поддержки. Учитывая всю абсурдность ситуации, я предложил — либо вообще не обсуждать этот вопрос, либо вынести его на всенародный референдум о реформе ценообразования. Но Москва настояла на обсуждении в трудовых коллективах и на районных и областных Советах. Естественно, что итог такого «всенародного обсуждения» был заранее предрешен. Вот цена всем разговорам о демократии...

Я убежден: популизм власти так же опасен, как популизм тех, кто находится в оппозиции. Сегодня уже никто не верит в красивые и легко выполнимые программы. Но все еще находятся те, кто превращает политику в игру, подминая ее истинные цели — заботу о людях, обществе и стране.

В конце концов эпоха коренной ломки еще раз показала недолговечность политических утопий, в какую бы форму они ни рядились — социалистическую, либеральную, национальную. Например, многие тогдашние лидеры СССР просто не представляли, что для того, чтобы машиностроение развивалось хотя бы по

западным темпам, необходимо, чтобы производство оборудования для самого машиностроения развивалось в сравнении с ним еще в два раза быстрее.

В основе концепции «шокотерапии» лежало быстрое введение режима свободных рыночных отношений и цен. Достаточно сказать, что к моменту либерализации цен планировался их рост примерно в три раза. На самом деле цены моментально выросли в 10—12 раз. И несмотря на то, что с первого дня стало ясно — экономисты четырехкратно ошиблись, данная модель продолжала внедряться. Я считаю, что уже тогда были заложены основы нынешнего недоверия к переменам.

Я ни в коей мере не подвергаю сомнению правильность избранного курса на либерализацию экономики. Но каждая реформа должна быть продумана, просчитана. Реформы только тогда будут плодотворны, когда существует разработанная стратегия, а не доводят сиюминутные увлечения модными теориями.

Сегодня в Казахстане мы имеем возможность сами управлять ходом реформ. Это достигнуто благодаря тому, что мы начали создавать свой хозяйственный комплекс. Сами распоряжаемся своими природными ресурсами и финансами. Тогда у нас такой возможности не было. Мы были вынуждены повторять чужие ошибки. И я об этом прямо говорил народу.

Обществу дорого обходятся те, кто во власти ценят лишь ее внешние проявления. Для настоящего политика обязательно сочетание по меньшей мере трех компонентов: теоретической подготовки, опыта практической работы в экономике, ответственности за принимаемые решения. Сегодня уже недостаточно одного лишь знания людей и производственного опыта. Политический деятель обязан владеть современной общественной теорией, знать все тонкости предлагаемых реформаций, а не только слепо идти за своими советниками. Те из политиков новой волны, которые считают для себя обременительным заниматься самообразованием, делают большую ошибку. Время

сегодня настолько динамично, что однажды приобретенного багажа знаний недостаточно. По-моему, в тех государствах СНГ, которые сталкиваются с наибольшими экономическими трудностями, как раз-таки выбрали простейший вариант реформы.

Государство — это мы ...

Основные представления о будущей казахстанской государственности сложились у меня еще до 1991 года. Я думал о месте Казахстана в составе федерации суверенных государств. На это была направлена вся моя деятельность, тем более что велась большая работа по подписанию нового Союзного договора. Но после августа 1991 года история совершила еще один крутой поворот. Необходимо было уже корректировать планы с учетом изменившейся ситуации.

Современные обозреватели склонны судить о политических режимах, отвлекаясь от возложенных на них задач. А задачи, стоящие перед Казахстаном, были велики. Это и формирование государственности, и переход от одной экономической системы к другой, развитие процесса демократизации, сохранение и укрепление социальной и межнациональной стабильности, развертывание внешнеполитического курса, развитие интеграционных процессов и стабилизация в пространстве СНГ.

Процесс строительства реальной государственности бывшими республиками СССР происходил не на пустом месте. Стремление к ней не было утрачено народами даже в советские годы. Можно привести множество примеров из истории советских народов, которые стремились к возрождению государственности, несмотря на обрушившиеся на них репрессии.

В советский период мы еще раз убедились, что создание реальной национальной государственности опиралось на приоритет национального над классо-

вым. Попытки административного насаждения во все сферы жизни морального кодекса «новой исторической общности — советского народа» не смогли подорвать национальные чувства людей, не ликвидировали этническую самоидентификацию. Просто с самого рождения, с первых колыбельных песен человек, где бы он ни жил, начинает ощущать себя казахом, русским, украинцем, грузином, узбеком... И это чувство невозможно выбить, какого бы калибра идеологическими снарядами не атаковать человека. Вряд ли кто может поспорить с этим выводом. Да, мы все ощущали себя гражданами одной великой державы, но каждый по-разному. Все прекрасно понимали, что существуют деление на старших и младших братьев, разрыв между республиками по уровню социально-экономического развития, недоверие республиканским органам и постоянное присутствие второго секретаря — «недремлющего ока» ЦК КПСС в регионе.

Идеологический крах системы, который развивался вместе с горбачевской перестройкой, привел к росту национальных идей. Происходила одновременная идеализация дореволюционного прошлого народов.

Когда М. Горбачев ослабил тиски тоталитарного режима, этнические интересы стали проявляться с небывалой силой. Возникли многочисленные национальные движения. Народы стали интенсивно восстанавливать свое самосознание, свое отличие от других членов сообщества «советский народ». Воссоздавались почти утраченные атрибуты государственности, которые по мере ослабления власти и авторитета Центра наполнялись реальным содержанием.

В свое время, потерпев поражение в попытке развертывания мировой революции, большевики осознали необходимость построения социализма в национально-государственных рамках. Первоначальная идея создания всемирной республики Советов, столкнувшись с национальной идеей, породила необходимость такого перехода. Не случайно еще в годы граж-

данской войны был взят курс на формирование и воссоздание национальной государственности в форме советских республик. И такая тенденция была поддержана народами и позволила в немалой степени сформировать базу поддержки коммунистического режима. Даже постепенная формализация федерального устройства СССР и переход к реальному унитарному устройству не смогли сломить идею национальной государственности. Все попытки в той или иной степени подорвать национально-государственное устройство встречали известное сопротивление. Так было в период ликвидации немецкой автономии в Поволжье, национальных республик Северного Кавказа и депортации этих народов, ликвидации Карело-Финской союзной республики и преобразования ее в автономную. Так было и в Казахстане, когда Н. Хрущев пытался образовать Целинный край, а Л. Брежнев — немецкую автономию. Ликвидация даже формальной государственности была невозможна в тех условиях, так как влекла за собой резкое обострение ситуации. И это прекрасно понимал правящий режим. И не случайно в годы перестройки вопрос о распределении власти между Центром и республиками стал ключевым. Даже в условиях однородного в социальном плане общества национальная идея оказалась гораздо более сильной, чем классовая.

Ликвидация Советского Союза закономерно привела к тому, что размежевание пошло по уже существующим границам.

Естественно, есть определенные притязания республик друг к другу, которые порождены комплексом проблем, доставшимся нам в наследство. Но нужно видеть главное — длительное время пропагандируемая концепция «новая историческая общность людей — советский народ» скрывала под собой более глубокую исторически детерминированную и объективно растущую идею возрождения национальной государственности. По-прежнему жили в массовом сознании

национально-государственная идентификация, языковая, культурная и территориальная общность, к тому же сохранившие хотя бы даже формальные признаки государственности. Идея возрождения государственности претерпела ряд существенных изменений — от экономического суверенитета в рамках Союза к необходимости изменения принципов отношений между Центром и республиками, а затем и к идее реального федерализма, далее — конфедерации. Естественно, логическим продолжением этого процесса на фоне резко ослабленного Центра и ликвидации органического стержня бывшего СССР — Коммунистической партии — стал распад Советского Союза.

В отличие от других регионов планеты распад СССР привел к образованию не принципиально новых государств, не имеющих под собой оснований, а к возрождению утраченной некогда государственности, имевшей глубокие исторические корни. Мы можем сказать, что происходил сложный, всесторонний процесс не только распада СССР, но и восстановления государственности, ее легитимизации.

Я уже писал о том, что национальная идея в XX веке оказалась сильнее классовой. Этому много примеров. Особенно сильный всплеск национального чувства происходит в критические или триумфальные дни. В эссе «Англичане» Дж. Оруэлл писал: «Трудные дни 1940 года ясно показали, что в Британии чувство национальной солидарности сильнее классовых антагонизмов. Будь утверждение, что «пролетариат не имеет родины» правдой, 1940 год был бы самым подходящим моментом доказать его. Однако именно в то время классовые чувства ушли на задний план, проявившись вновь лишь тогда, когда непосредственная угроза миновала».

Эта идея имеет не только созидательную силу, но и обратную сторону — неприятие инационального населения. Превращение национальной идеи в идею национальной исключительности губительно для са-

мого этноса. В странах СНГ восстановление национально-государственной идентичности не всегда сопровождалось мирным процессом. Многочисленные переделы территории бывшего СССР привели к обострению проблем сохранения территориальной целостности, национальной государственности в понимании каждого этноса. Утрата хотя бы небольшой части национальной территории не является просто географическим следствием политических событий. В этом есть более глубокие последствия — деформация национальной самоидентификации. Речь идет не только о нерушимости территории как таковой, но в большей, даже определяющей степени, о сохранении ее как символа национальной принадлежности.

Национальное возрождение, сопровождающее восстановление государственности, не всегда проходит по накатанной колее. Более того, именно на этом этапе многие государства, где не сумели вовремя распознать позитивные и негативные начала подъема этничности в сознании, стали ареной затяжных войн. Примеры этого — Югославия, Алжир, современный Афганистан, многие африканские государства.

Мы встречаемся с новым феноменом — этнопопулизмом. Современные ученые, изучающие этнические проблемы, считают, что он является специфическим порождением двух прошедших столетий. Но, по моему мнению, этнопопулизм сам по себе стар, как мир. И его проявления особо характерны в периоды загнивания империй, смены политических режимов, политического безвременья.

Довольно метко и справедливо по этому поводу высказался Вацлав Гавел: «Еще долгие десятилетия мир будет приходить в состояние равновесия. Взрыв национализма, популизма, терроризма, конституционных кризисов и т.п. — все это имеет связь со всеобщим шоком общества — шоком свободы».

Популисты пытаются сорвать политические дивиденды, не гнушаясь никакими средствами, в том

числе спекулируя на самом святом. Они используют податливость людей на щедрые посулы, яркие лозунги, обещают народу запросто решить сложнейшие проблемы общества. А путь зачастую один — натравливание на другие народы и доказательство собственной исключительности. Однако этнопопулизм — не просто прыщ на теле демократического общества, это скорее вирус, с которым необходимо бороться постоянно. В зависимости от обстоятельств он видоизменяется и будет сопровождать нас в процессе демократизации общества и дальнейшего совершенствования нашей государственности. Самая эффективная борьба с этим злом — даже не в усилении административного и идеологического вмешательства, а в постоянной работе над качеством человеческого материала. Чем ближе мы к правовому государству, чем больше казахстанцы ощущают себя полноправными и активными гражданами нашей страны, тем меньше питательной среды для вируса этнопопулизма.

По существу республики бывшего СССР уже решили вопрос о легитимности создания независимых государств. Такой проблемы не существует и для мирового сообщества. Первоочередными проблемами для всех нас стали наполнение суверенитета реальным содержанием, решение проблемы национальной безопасности. На первом этапе речь шла не о защите какой-либо модели развития, социально-политического устройства, а о государственности вообще.

Решению этой задачи была посвящена деятельность всех органов государственного управления Казахстана в первый период. Но был еще один вопрос — на какие институты власти опираться?

В те годы жестко и справедливо критиковалась командно-административная система. Она, конечно, ограничивает экономические и иные свободы, не воспринимает новации, но очень эффективна в экстремальных ситуациях. В Казахстане не пошли путем революционного разрушения структуры власти. Постепенно,

в соответствии с ходом и характером реформ система управления видоизменялась, переходила в новое качество.

Хочу отметить как большое достижение эволюционный характер обретения государственности. Еще А. Токвиль писал в своей работе «Старый порядок и революция»: «Революция, уничтожив политические учреждения, принимается за разрушение гражданского порядка, вслед за законами переделывает нравы, обычаи и даже язык... Разрушив правительственный механизм, она колеблет основания общества и, по-видимому, готова, наконец, приняться за самого Бога...»

Мы избежали радикального отрицания и разрушения административной системы управления экономикой и обществом до создания ей какой-нибудь замены. Это, пожалуй, одна из главных причин экономической и политической стабильности Казахстана.

Решение задачи сохранения государственной машины согласуется и с развертыванием оснований демократического развития. Ведь демократия — это не только возможность оппозиционной деятельности, но и форма государства, климат общественно-политической жизни. Можно привести примеры, когда ломка старых режимов при параличе государственной машины создает благоприятные условия для обострения сепаратизма, регионализма, религиозной и национальной нетерпимости, роста преступности. Государственный аппарат в этих условиях остается единственным гарантом стабильности.

По мере укрепления суверенитета перед нами встал другой вопрос — определение характера государственности. Было ясно, что существующее устройство недолговечно. Тогда, в 1990—1991 гг., существовал симбиоз, рожденный переходом от одной системы к другой: президентская власть сочеталась с властью компартии и советами. Схожая ситуация была и в экономике страны.

Приведу показательный пример, как нам приходилось буквально на ходу решать ключевые вопросы. При вводе национальной валюты все совершалось отнюдь не так, как мы планировали, исходя из межгосударственных договоренностей.

Я старался сохранить рублевую зону. Этому было две причины. Во-первых, разрыв рублевой зоны означал бы ускорение размежевания со странами СНГ. Еще в 1990 году М. Горбачев отказался подписать президентский указ, приостанавливающий постановление Верховного Совета РСФСР о создании обособленной денежно-финансовой системы. А разрушение денежно-финансовой системы означало конец державы. Во-вторых, по правде говоря, мы не были готовы.

Поскольку нам необходимо было заранее предусмотреть любой исход, мы начали готовиться к введению национальной валюты. В 1992 году в России были отпущены все цены, и тогда мы начали действовать. Я подписал совершенно секретный указ о начале подготовки казахстанской валюты.

От всех участников были получены расписки о неразглашении тайны. Дизайн денег был поручен группе художников во главе с Тимуром Сулейменовым.

Работа по введению национальной валюты принесла не только большое напряжение, но немало веселых минут. Первый курьез — приносят проект купюр с моим портретом. Естественно, этот вариант я забраковал. Решили на лицевой стороне купюр поместить портреты наших великих предков, а на обратной — памятники культуры и природы: западные эксперты подсказали, что такие изображения трудно поддаются подделке. Англичане взялись выполнить наш заказ. Я утвердил дизайн, по которому были изготовлены клише, хранившиеся в сейфе в Англии. Ключи от этого сейфа и первые образцы денег привезли мне. Дело было сделано. И об этом никто не знал.

В Москве начались разговоры о том, что рублевая зона не может сохраниться, что у республик разные уровни развития... Я уже понимал, что это предвещает развал рублевой зоны.

В 1992 году на всякий случай было отпечатано 20 процентов обменной валюты. Никто об этом не узнал. Мы и англичане обеспечили очень высокий уровень секретности всей операции. Но мало отпечатать деньги, нужен сложный математический расчет — сколько купюр нужно и каких? Надо было определиться, как производить обмен, какой установить курс, как строить отношения при вводе валюты с внешними партнерами. Это был очень сложный финансово-экономический и политический вопрос.

Для отработки всех этих расчетов была создана группа из молодых экономистов. Они теперь работают в Нацбанке, Минфине. Помогали нам и международные финансовые органы своими специалистами (МВФ, Международный банк, Евробанк и другие). Эта группа работала на загородной даче, куда я приезжал каждый вечер.

У нас был большой спор по поводу названия денег. Предлагалось назвать их сом, акша. Мне больше нравилось название алтын. Оно понятно всем народам СНГ. Такое слово есть и в тюркских, и в славянских языках. Сейчас я предлагаю по примеру эку на Западе ввести переводную валюту СНГ с таким названием. Остановились на тенге.

В конце 1992 года главой правительства России стал В. Черномырдин. У меня появилась надежда на сохранение рублевой зоны. Когда В. Черномырдин приехал в Казахстан, я у него прямо спросил:

— Виктор Степанович, мы с тобой старые друзья. Ты — глава правительства. Скажи мне честно... Я знаю, что вы собираетесь менять деньги. Может Казахстан рассчитывать при наших отношениях, при нашем искреннем желании быть вместе с Россией ос-

таться в рублевой зоне? Если нет — ты мне открыто скажи, чтобы мы смогли подготовиться.

Виктор Степанович меня заверил, что в любом случае Казахстан обязательно останется в рублевом пространстве.

Другой разговор состоялся в начале 1993 года на Давосском экономическом форуме. Я сидел рядом с В. Черномырдиным. Вышли на улицу подышать. Разговор начал он сам:

— Нурсултан Абишевич. Наверное, мы будем с 1 апреля вводить другие деньги. Хочу, чтобы ты знал. Для Казахстана специально печатается необходимый объем денег. В крайнем случае, на них будет специальный казахстанский знак.

— Виктор Степанович, это точно?

— Точно.

Но А. Шохин оказался «выше» В. Черномырдина. 26 июля 1993 года Россия неожиданно вводит новые деньги. В тот же день я дал команду Нацбанку Казахстана максимально ускорить печатание всего объема национальной валюты.

Звоню в Москву:

— Виктор Степанович, когда мы получим деньги?

— Скоро получите.

Председатель Национального банка В. Геращенко сказал честно:

— Нурсултан Абишевич, у меня все для вас готово. Я жду команду от руководства.

Хочу особо отметить, что Виктор Геращенко открыто был против выталкивания Казахстана из рублевой зоны. И он до конца помогал нам, даже в ходе ввода нашего тенге.

Но денег все нет... Оказывается, теперь необходимо сблизить законодательства. 20 августа я снова в Москве, и мы подписываем с Б.Н. Ельциным второе заявление, о том, что остаемся в единой рублевой зоне. К этому времени мы изменили свои таможен-

ные законы, финансовое законодательство привели в соответствие с российским, изменили закон о Национальном банке.

В республику начался массовый сброс рублей старого образца. Вагонами везли... Во всех аэропортах, железнодорожных вокзалах поставили бригады милиционеров для перехвата этих грузов. До сих пор в Петропавловске есть огромный склад конфискованных старых денег. Предлагали россиянам забрать, но они почему-то не хотят.

Я приехал в Москву в сентябре, чтобы поговорить о рублевой зоне. Подписали, казалось бы, последние договоренности. Осталось их только ратифицировать. Я срочно возвращаюсь в Алматы и веду полемику с нашим Верховным Советом. Убедил. 12 октября Верховный Совет Казахстана ратифицировал все наши соглашения по рублевой зоне. Премьер-министра С. Терещенко я отправил к В. Черномырдину, который был в Астрахани. Встретились и еще раз договорились. Ждем еще неделю.

И началось непонятное... 26 октября приезжает А. Шохин. Сидим вдвоем. Тихим голосом он говорит:

— А зачем, Нурсултан Абишевич, Вам запрыгивать в последний вагон уходящего российского поезда (имея в виду рублевую зону)?

Я вышел из себя:

— Да кто Вы такой? Имеете полномочия от Черномырдина?

— Вы сильный руководитель. У Казахстана большой потенциал...

— Оценок мне давать не надо. Я лучше знаю, сотрудничать ли нам с Россией или нет. Скажи прямо — мы будем в рублевой зоне?

— Это невозможно...

Бог знает, может, не стоит обижаться на А. Шохина. Возможно, он был прав в тот момент. Нет худа без добра. Строя свою государственность, нельзя обойтись без собственной валюты. Рано или поздно

нужно было ее вводить. Но я надеялся на то, что Россия все же не захочет в одночасье разорвать наши экономические связи. Валюта — это кровеносный сосуд всей экономики. Надеялся, что будет учтено в конце концов и то, что немало русских людей живет в Казахстане, которым без единых денег станет труднее общаться с родными и близкими в России. Верил, что мы сможем перейти на разные валюты согласованно. Верил, потому что убежден в том, что дружественная, экономически сильная Россия нужна Казахстану как стратегический партнер. Но и экономически развитый, сильный, демократический Казахстан также необходим России.

Я уже не стал ни с кем созваниваться. Мы нашли семь миллионов долларов и оплатили расходы по изготовлению оставшегося объема тенге. Наняли четыре самолета ИЛ-76 и привезли 60 процентов валюты. Это была секретная операция. В документах значилось: оборудование для строящейся резиденции главы государства.

У нас к тому времени в областях были подготовлены подземные склады. Четыре самолета за неделю сделали восемнадцать рейсов туда и обратно: Лондон — Уральск и далее по областям Казахстана. 12 ноября я назначил день ввода валюты. Оставалось меньше 20 дней. Мобилизовал всех руководителей КНБ для проведения операции. Самое тяжелое — развезти деньги по всем районам, по всем банкам. Это было сделано за 8 дней. Наверное, в мире не было прецедента столь быстрой и удачной операции по вводу новой валюты.

Я заранее предупредил о вводе тенге руководителей соседних государств И. Каримова, А. Акаева, С. Ниязова. 11 октября вечером я выступил по национальному телевидению и объявил о переходе на новую валюту. По взаимной договоренности в этот день и час объявил о вводе сум-купона в Узбекистане и президент И. Каримов.

К настоящему времени мы можем говорить о том, что критическая точка в становлении казахстанской государственности уже пройдена. На чем основан такой вывод? Обеспечены международное признание и гарантии суверенитета, территориальной целостности нашего государства. Казахстан является членом ряда международных организаций.

Конституция Казахстана юридически оформила становление сильной президентской республики и распределение полномочий между ветвями власти. Сформированы институты гражданского общества, соблюдаются гарантии прав человека, свободно работают средства массовой информации.

Еще более важным является то, что за последние годы произошел психологический перелом в сознании граждан. Ностальгия по бывшему СССР уступила место новой гражданской идентификации с казахстанской государственностью. Адаптация населения к суверенитету Казахстана проходила непростым путем. Согласно социологическим опросам, после подписания Беловежского соглашения подавляющее большинство населения республики практически сразу восприняло перенос политического центра из Москвы в столицу Казахстана. Свои ожидания наши люди напрямую связывали теперь уже с руководством Казахстана. И это — огромное достижение. В XX веке многие страны азиатского региона, затем латиноамериканского, африканского континентов, объявив о политических переменах, не смогли пройти этап социально-психологической адаптации населения к реформам. В результате общества разрывались противоречиями и откатывались назад.

Изменилась и экономика. С каждым годом все полнокровнее становится общенациональный рынок, формируется внутрисоветский экономический комплекс, происходит структурная перестройка

экономики. Казахстан все шире вовлекается в международный рынок.

Принятая абсолютным большинством голосов граждан страны Конституция дает мощный ресурс прочности нашей государственности. Теперь мы можем сконцентрировать свои усилия на развитии экономических реформ и демократии. Возрожденная казахстанская государственность является основанием, на котором строятся демократия и рыночная экономика.

Авторитаризм или демократия?

Переходные общества испытывают большое давление авторитарных тенденций. Поэтому могу сказать, что естественные опасения о возможности становления авторитарных, тоталитарных режимов в новых государствах имеют определенные основания. Они кроются в том наследии, которое мы получили. Но большинство государств постсоциалистического мира, и Казахстан в том числе, взяли курс на построение демократического правового общества.

Для нас сегодня уже не существует альтернативы — демократия или тоталитаризм. Наш выбор уже определен, цель обозначена. Однако перед нами стоит проблема выбора модели демократического развития. История еще раз показала, что к цели нет прямой дороги. Каждая страна, каждый народ строит демократию по-своему. Поэтому есть множество моделей демократии и путей к ней.

И этот путь непрост. Обвиняющие нас в недемократичности и неразвитости демократии, как мне кажется, забыли элементарный курс истории. Путь человечества к демократии был долгим и кровопролитным. США, добившиеся значительного прогресса в реализации прав человека, прошли длительную историю индейских войн. Были гражданская война

Севера и Юга, расовая сегрегация и рабство, бунты чернокожих американцев и расстрелы антивоенных студенческих демонстраций. Даже с принятием самой прогрессивной Конституции того времени лишь белые мужчины имели право голосовать и быть избранными. Имущественный ценз удалось отменить лишь в начале XIX века, а женщины получили право голоса в 1920 году. К этому Соединенные Штаты шли полтора века! Чернокожие американцы в отдельных южных штатах США фактически не имели избирательных прав в полном объеме до 60-х годов двадцатого столетия. Только в 1971 году в США был снижен возрастной ценз избирателей с 21 до 18 лет. А разве мы не изучали целую серию французских революций, начиная от Великой и до Парижской Коммуны. Падение и возрождение монархий, республик, империй в этой стране, первой провозгласившей лозунги свободы, равенства и братства, продолжались несколько десятилетий.

Опыт Казахстана и других стран убедил меня в том, что пора отказаться от попыток найти универсальный ключ, который откроет все двери на пути к новому состоянию общества. Демократизация — это длительный процесс, не имеющий конечного состояния. Это непрерывное решение комплекса задач во всех сферах жизни общества и человека. Демократия не устанавливается декретами, ее надо выстраивать.

Одна из причин провала перестройки заключалась в том, что М. Горбачев и его окружение пытались найти универсальный ключ и бросались из одной крайности в другую. Например, в начальный период перестройки витала мысль о том, что достаточно снять все ограничения закрытой страны, как будет установлена демократия. Но изолированность имела прочные основания. Граница между системами была не только географической. Она была в образе жизни, мышлении людей. Можно разрушить

Берлинскую стену, но стену в умах людей устранить нелегко.

Такая граница формировалась не одно десятилетие. Своего апогея изолированность достигла при И. Сталине. Даже краткие периоды оттепели ничего не могли изменить.

Уже в годы перестройки был в значительной мере подорван государственный изоляционизм, но и сегодня это не означает ликвидации последствий многолетней духовной самоизоляции общества. Сейчас Казахстан, как и другие государства СНГ, стал открытым государством. В этом есть элемент и негативного характера, так как нашу страну наводнила низкопробная продукция разнообразного рода, своеобразный ширпотреб, с позволения сказать, культуры. Так что перед нами еще много лет будет стоять очень сложная задача — раскрепостить сознание людей...

Опыт существует для того, чтобы не повторять ошибок прошлого. Но так уж создан человек, что лучший учитель для него — собственные беды. Многие государства СНГ повторили типичные ошибки постимперских стран, длительное время находящихся в состоянии гражданской войны. Осуществлялась попытка разрушить старый мир, а на его развалинах сразу же построить новое идеальное общество. Когда начинается этап государственного строительства, тем более сопровождаемый экономической и политической модернизацией, слом государственной машины чреват утратой окончательного контроля над ситуацией. Нельзя выпускать жина разрушения, если не знаешь, как его остановить, если не имеешь в руках силы, способной контролировать ситуацию.

Перед новыми государствами СНГ встал фундаментальный вопрос — как организовать государственные структуры, чтобы они вмешивались в ход

реформ только тогда, когда это уместно. Но одно знаю твердо — в переходных обществах, в которых остается насквозь огосударствленная экономика, не сформированы институты частной собственности и их политические представители в лице партий, роль государства весьма значительна.

Одной из самых опасных угроз политической модернизации в XX веке стал тоталитаризм. Он является порождением индустриальной цивилизации и совершенно нового по своим техническим и информационным возможностям контроля над целыми общественными группами.

Должен еще раз сказать, что для Казахстана нет проблемы выбора — авторитаризм или демократия. Все дискуссии и опасения о возможности авторитарного режима порождены непониманием роли государства в осуществлении перехода от одной социально-экономической системы к принципиально иной. На мой взгляд, существуют объективные основания ведущей роли государства в этом процессе: слабость институтов гражданского общества, преодоление стереотипов тоталитарного прошлого в сознании людей, проблемы становления новых экономических и социальных структур и т.д. Мы избрали стратегию укрепления и модернизации государственного аппарата при одновременном содействии становлению институтов гражданского общества и укреплению прав человека. Но пока условия таковы, что основную тяжесть реформирования общества берет на себя именно государство. Для тех, кто понимает эту проблему, рассуждения о росте авторитаризма остаются досужими разговорами.

В политической теории существует мнение о том, что сложность переходного периода и острота социальных противоречий, с одной стороны, слабость социального контроля общества над властью и парламентскими институтами — с другой, объективно способствуют росту власти президента. Он становится

символом нации и важнейшим элементом политической системы, ее центром. В этом качестве президент стоит над обществом, над партиями, парламентом и всеми институтами власти, координируя и направляя их деятельность. Поэтому в экстремальной ситуации (конфликт между партиями или ветвями власти) он оказывается единственным гарантом Конституции и фактическим воплощением государственного суверенитета.

К слову, кризисы не обошли стороной и Казахстан. И мне как президенту приходилось брать на себя всю меру ответственности за сохранение стабильности ситуации и искать правовые, конституционные пути выхода из кризиса.

Это вызвано необходимостью форсажа экономических и политических реформ. На одной из пресс-конференций мне задали вопрос, не скатывается ли Казахстан к диктатуре. Я ответил, что диктатуру я уже осуществляю, диктатуру против разгильдяйства, казнокрадства, преступности. Во всем остальном у нас идет нормальный процесс либерализации — и в экономике, и в политике.

Демократия не уходит от нас. Она стучится в нашу дверь.

Извечный спор, особенно актуальный в транзитных обществах, — соотношение права и политической целесообразности, процедуры и содержания. Можно привести огромное количество примеров в пользу того или иного выбора. Если борьба на выборах является единственным условием демократии, то тогда те, кто добился победы, должны считаться демократами. На самом деле все это не так. Я считаю, что наличие выборов нельзя представлять единственным критерием демократии, а тем более абсолютизировать этот частный критерий. Известный политолог Реймон Арон писал в своей работе «Демократия и тоталитаризм»: «Подчиняется ли каким-то правилам выбор носителей власти при однопар-

тийном режиме, или он произволен? В большинстве случаев одна партия овладевает государством не в соответствии с правилами, а силой. Даже тогда, когда она сохраняет видимость уважения к конституционным правилам (что более или менее можно отнести к гитлеровской партии в 1933 году), она немедленно нарушает их, исключив возможность возвращения к настоящим выборам... Более того, национал-социализм или фашизм создавались как авторитарные режимы во имя определенного принципа власти: оставляя за собой монополию на политическую деятельность, они ссылались на законность этой монополии».

Вспомним и нашу собственную историю. Разве можно считать признаком демократии тот «лес рук», прикрываясь которым, работал дьявольский конвейер уничтожения лучших людей нации?

Мне кажется, непродолжительная история постсоветских государств убедительно показала, что выборы являются несомненно важнейшим элементом демократии, но отнюдь не единственным. Вспомним горький опыт привнесения демократических элементов на социалистическую почву. На XXVII съезде КПСС была одобрена совершенно утопическая идея о том, что наделение трудовых коллективов правом выбора руководящих работников и определения цены продукции резко повысит «социалистическую взаимопомощь и требовательность», «ответственность за выполнение обязанностей перед обществом». Чем это закончилось, вы знаете. В трудовых коллективах возобладали эгоистические интересы, стремление производить меньше, а получать больше. Это ударило по кошелькам всех граждан. Выбирались в основном «свои парни» — популисты и демагоги, не способные управлять даже собой.

Рецидивы правового отторжения части населения от выборов были, надеюсь, это уже ушло в прошлое, характерны для стран с устойчивой демократичес-

кой системой. Для стран переходного типа соотношение формы демократии и ее реального содержания — еще более сложная дилемма. Она резко усугубляется отсутствием не только реально функционирующих институтов демократии, но и в большей мере неготовностью общества к их восприятию.

И здесь встает вопрос о том, что отказ от принципа выборности или аннулирование последствий выборов в целях сохранения демократических завоеваний также соответствует демократии. Фронт спасения ислама победил на выборах в 1992 году в Алжире, после чего военные власти аннулировали результаты выборов, чтобы не допустить прихода к власти фундаменталистов. Даже не будучи сторонником переворота, нетрудно представить себе, что, приди ИФС к власти, вряд ли бы он стал придерживаться демократических норм.

Выборы способствуют приходу к власти тех, кто заслуживает ее, но и не ограждают общество от тех, кто должен быть как можно дальше от нее.

Таким образом, отделение демократии от традиционной сферы защиты индивидуальных свобод только вносит неопределенность. Эта неопределенность приводит к тому, что определение демократии только в терминах борьбы на выборах не позволяет нам отличать более демократические системы от менее демократических, в то время как здравый смысл нам подсказывает, что в реальном мире такие различия существуют.

Великий Махатма Ганди сказал: «Мы должны изменить себя, чтобы изменить мир». Легко построить демократический фасад, но гораздо труднее преодолеть авторитарную политическую культуру: ностальгию масс по «железной руке», порядку, пассивность управляемых, склонность политических элит к силовым приемам, волюнтаристским, зачастую иррациональным решениям.

Об этом говорят и многочисленные социологичес-

кие исследования, проведенные в Казахстане. Недовольство основной массы населения снижением жизненного уровня на фоне резкой поляризации общества почти у половины казахстанцев выражается в убеждении, что демократия у нас только дает первые ростки. Развитие демократических процессов в Казахстане рассматривалось в первой половине и середине 90-х годов как главный приоритет лишь у 4-5 процентов населения республики. В то же время более 60 процентов отдавали предпочтение таким приоритетам, как стабильный и нормальный уровень жизни, мир и спокойствие в республике, семейное благополучие, собственное здоровье и личная безопасность.

У многих людей по-прежнему сохраняется синдром почитания вождя: считая, что от них ничего не зависит, они, как и раньше, пассивно ждут решений, которые будут приняты на политическом Олимпе. Надежду на улучшение ситуации население по-прежнему связывает с деятельностью государственных органов управления, прежде всего — исполнительной власти. Практически не существует профессиональной политической элиты. А с этим во многом связан низкий рейтинг политических объединений в Казахстане. От четверти до трети казахстанцев в разных регионах вообще не знакомы с деятельностью политических партий и общественных движений. Это данные президентских аналитических структур.

Приведу и независимое мнение. По данным Российского института стратегических исследований, «казахстанские партии и движения пока еще не заняли подходящего места в политической жизни республики, они все еще слабы институционально и обладают весьма скромными возможностями по мобилизации электората. Президент Н. Назарбаев имеет возможность обращаться поверх голов лидеров этих организаций к их электорату и привлекать значительную часть его на свою сторо-

ну. В то же время сам электорат Казахстана весьма индифферентен в своих партийных предпочтениях. Значительная часть населения уверена в том, что между политическими партиями нет весомых различий. Примечательно, что даже в столице Казахстана — наиболее политизированном городе, как показали социологические исследования, за три дня до выборов 1994 года с предвыборными программами общественно-политических организаций были знакомы всего лишь 13 процентов горожан». (Казахстан: реалии и перспективы независимого развития. М., 1995. С. 221).

В таких условиях невозможно говорить о том, что выборы и демократия — понятия идентичные. Бытующие в обществе представления о власти, культ всемогущего государства и соответствующие социально-политические нормы, отсутствие социально-экономической базы демократии и традиций правового государства — все это легко приводит к вырождению демократии в свою противоположность.

Поэтому я уверен, что в современных условиях только сильная исполнительная власть, нацеленная на демократические преобразования, способна предотвратить реставрацию старого режима. И она же способна остановить другую тенденцию — «демократического» нетерпения. Часть демократического лагеря не понимает, что для ускорения реформ волевым методом нет никаких предпосылок, тем более что попытки революционно изменить общество, насадить реформы приводят к обратным результатам.

Я — сторонник эволюционного развития, постепенного, объективно подготовленного реформирования общества.

Есть демократия и псевдодемократия. Когда люди начинают хаос и анархию связывать с демократическими преобразованиями, появляется опасность оправдать различные варианты авторитаризма — мягкого, просвещенного и т.д. Достаточно сказать, что когда

страны СНГ столкнулись с этими проблемами, ряд влиятельных обществоведов доказывали необходимость мягкого авторитаризма переходного периода. Но модель просвещенного авторитаризма возможна лишь в тех условиях, когда во главе данной страны оказывается лидер-реформатор, осознанное и настойчивое стремление которого к позитивным преобразованиям получает поддержку большинства населения.

Термин «авторитаризм», вошедший сегодня в широкое употребление, традиционно используется для характеристики политических систем многих стран бывшего социалистического лагеря и третьего мира. Как подсчитал в начале 90-х годов политолог Леонардо Морлино, из примерно 175 независимых государств 130 трудно назвать демократическими, хотя не все эти страны можно назвать странами с авторитарным режимом, но это одна из основных форм.

В принципе мы можем определить современный авторитаризм как договоренность элит, контролирующей экономику и силовые структуры, о свертывании политических свобод, как способ подавления легальных каналов проявления социального недовольства и конкретных слоев населения, которым справедливое распределение важнее экономической свободы и эффективности.

По одной из самых известных характеристик авторитаризма, уже треть века используемой в политической науке, выделяются следующие черты:

— политическая система с ограниченным плюрализмом, что связано с усеченной структурой политических партий и групп, играющих решающую роль в национальной политике;

— определенное политическое сознание, политический менталитет, которые дают идеологическое обоснование существующему режиму;

— низкий уровень политического участия, политической мобилизации, политической вовлеченности населения в большую политику;

— наличие лидера небольшой группы, концентрирующей в своих руках исполнительную власть;

— слабо оговоренные, весьма произвольно определяемые правила управления, позволяющие политической элите достаточно вольно толковать свои права.

Если рассмотреть более подробно некоторые черты авторитарного режима, то нетрудно увидеть до боли знакомые особенности нашего недавнего политического прошлого.

Уровень политической мобилизации связан с количеством масс, вовлеченных в политический процесс, и качеством этого участия. В идеале авторитарные режимы вообще отсекают массы от политического участия. Но в реальности авторитарный режим, например, сталинского типа, может, напротив, вовлекать массы на политическую арену. Однако это требует соблюдения двух условий. Во-первых, необходим эффективный репрессивный аппарат, который всегда мог бы снизить политическую активность. Во-вторых, отсутствуют или слабо развиты структуры политической мобилизации. Например, существует одна мощная партия, контролирующая государственные органы. Обычно, анализируя авторитаризм, акцентируют внимание на репрессивном аппарате, но не менее важна такая характеристика, как отсутствие структур политической мобилизации.

В Казахстане происходит государственное регулирование модернизационных процессов в экономике в силу отсутствия достаточно широкой социальной прослойки частных собственников, сформированных и саморегулирующихся рыночных отношений.

В настоящее время мы не можем характеризовать Казахстан как демократическое или авторитарное государство по западным меркам. И для того, и для другого нет достаточных социальных, политических,

институциональных и иных оснований. Но никто не может оспаривать демократический вектор наших преобразований. Устойчивая демократия требует развитой частной собственности, гражданского общества в сочетании с устойчивыми традициями парламентаризма. Мы можем сказать, что все эти слагаемые в Казахстане находятся в стадии становления. При этом государство взяло на себя функцию их развития.

Критики не понимают данного своеобразия. Отсутствие диалога с исполнительной властью, осуществляющей реформы, сегодня является по своей сути антидемократичным. Для переходных стран такое противостояние — весьма опасное явление, носящее принципиально иной характер, нежели в странах с устойчивой демократической системой.

Вопрос заключается в том, что кто-то должен взять на себя всю меру ответственности за преобразования. В своей книге «Земля в опасности» вице-президент США А. Гор прекрасно сказал: «Давным-давно пришло время для того, чтобы брать на себя больше политического риска и ставить себя под удар большей политической критики, предлагая более жесткие и эффективные решения и борясь за их выполнение».

Я не случайно говорю о необходимости сотрудничества всех политических сил в транзитных государствах. На мой взгляд, основой демократии в них является политическая стабильность. Ее сохранение — главная задача. Вся мировая история учит, что, как правило, хаос, революция и война — извечные спутники рождения диктатуры. Во всех своих выступлениях я говорю о необходимости сохранения политической стабильности. Некоторым это кажется заклинаниями консерватора. Они не хотят понять истинного содержания стабильности, которая является базисом демократических преобразований.

Всем нам необходимо избежать дестабилизации

ситуации как в Казахстане, так и вне него. Это на руку тем силам, которые, не имея четкой программы развития страны, делают ставку на хаос, что позволит им, используя популистские шаги и заявления, попытаться взять власть в свои руки. Здесь нужны осторожность и способность отличить в политическом спектре Казахстана и всего пространства СНГ такие деструктивные силы.

Не случайно ни одно государство не предоставляет своим гражданам и их объединениям, особенно в кризисные периоды, абсолютную политическую свободу и право на суверенитет как верховную власть на определенной территории. Примеров этому достаточно много. Так, демократическая Америка в свое время сажала в тюрьмы людей, выступающих за сепаратизм штатов. Франция для решения вопроса о суверенитете Новой Каледонии установила срок 15 лет.

Я понимаю, что в обществе, в котором не существовало правовой культуры, предпочтение отдается лидеру, а не законности, в рамках которой обязан действовать лидер. В связи с этим своей главной задачей считаю изменение ситуации. Не должно быть маленького человека, молчаливого большинства, которое равнодушно взирает на происходящие явления и покорно ожидает исхода событий.

В настоящее время мы в Казахстане сделали все возможное для предотвращения диктатуры личности или группы. Наша Конституция запрещает вмешательство «общественных объединений в дела государства, возложение на общественные объединения функций государственных органов, государственное финансирование общественных объединений», «создание в государственных органах организаций политических партий», запрещает деятельность общественных объединений, направленных на насильственное изменение конституционного строя, подрыв безопасности государства и его территории

альной целостности, разжигание социальной, национальной, религиозной, сословной, родовой розни, формирование незаконных военизированных организаций (ст. 5). Конституция запрещает военнослужащим, работникам органов национальной безопасности, правоохранительных органов и судьям пребывание в партиях, профессиональных союзах, выступать в поддержку какой-либо партии (ст. 23).

Но главным гарантом Конституции и демократического выбора является народ Казахстана, который не допустит установления диктатуры любого характера. Это мое твердое убеждение. Именно исходя из этих позиций, поддерживая становление многопартийности в республике, я счел своим долгом не вступать ни в одну из партий. В условиях переходного периода вступление президента в политическую организацию имеет два негативных последствия. Во-первых, партия получает дополнительные возможности своего роста не в силу объективных оснований, а в силу влияния личности президента. Во-вторых, президент как лидер этой партии должен проводить ее политику. И то, и другое несовместимо с задачами, стоящими перед главой государства как символом и гарантом единства народа и государственной власти, неизблемости Конституции, прав и свобод человека и гражданина (Конституция Республики Казахстан, ст. 40).

Модернизация политической системы: теория и практика

Существуют разные способы классификации политических систем. Один из наиболее древних и наиболее широко используемых — это классификация по политическим нормам. По крайней мере со времен древнегреческих политиков, крупнейших по-

литологов Нового времени — Локка, Мэдисона, Гоббса и кончая нашими современниками работает классификация демократических или монархических режимов.

Но для того чтобы определиться, в каком политическом обществе мы живем на пороге XXI века, эти подходы явно упрощены. В последние годы мировая политическая мысль существенно продвинулась в понимании этих явлений. Уникальная ситуация в Казахстане в немалой степени вызвана и нашим традиционным теоретическим изоляционизмом. Невероятные политические прогнозы, сенсационные предвидения о политической ситуации в Центральной Азии опираются часто на поразительную наивность и неискушенность отечественных оракулов в политической теории.

Для анализа политических систем необходимо учитывать три разных аспекта. Во-первых, классификация связана с вопросом о том, кто реально принимает политические решения. В идеале демократия предполагает участие в этом всех членов общества. Однако очевидно, что ни одна политическая система этого уровня не достигла и не может достигнуть. Во-вторых, основанием анализа могут быть сам процесс и способ принятия решений. Это также дает представление об авторитарном или либеральном характере системы. Авторитарное принятие решений, связанное с исключительной концентрацией власти одним человеком или небольшой группой, выступает одной из реальных альтернатив нашего ближайшего политического будущего. Наконец, третий аспект связан с содержанием принимаемых политических решений. Кстати говоря, увлекшись анализом технологии власти, многие политики часто упускают из виду это третье измерение. Социальное содержание его связано с акцентом на достижение равенства или, напротив, увеличение социального неравенства.

Я хочу пояснить свою мысль. Речь идет прежде

всего о господствующих политических идеалах. Наличие профашистских партий в демократических странах не означает отсутствия демократических норм. Чисто пропагандистский прием, связанный с акцентированным вниманием к малочисленным, экзотическим движениям, не имеет ничего общего с политической жизнью.

В современных политических дискуссиях слова «демократия, либерализм, равенство, свобода» повторяются, как заклинания. Но что вкладывается в эти понятия по существу? Степень социального равенства или неравенства измеряется множеством показателей — от душевого дохода до продолжительности жизни. Отметим, что эти параметры разрабатываются конкретными людьми — исследователями и служащими государства. Таким образом, социальная направленность политики — сама объект серьезных модификаций и манипуляций со стороны определенных групп.

Обычно демократические политические системы характеризуются как либерально-демократические режимы. Как правило, такими характеристиками наделяются страны Северной Америки, Западной Европы, Япония, Израиль, ряд латиноамериканских стран и некоторые страны Содружества, бывших британских колоний.

Одна из ключевых характеристик демократических систем — строгое следование конституционным требованиям при применении политических норм. Деятельность парламента, суда, правительства, исполнительной власти на всех уровнях связана с жестким конституционным контролем. Не менее важная характеристика этих систем — наличие разнообразных политических структур. Однако внутренние различия между демократиями очень велики. Многие эксперты говорят об этих серьезных различиях. Суммированно эта позиция сводится к следующему.

Во-первых, существует альтернатива: концентрация исполнительной власти или ее распределение. Например, однопартийный кабинет в Великобритании и партийная коалиция в Швейцарии действуют в рамках демократических систем. Поэтому, на мой взгляд, непартийный правительственный кабинет в Казахстане не может свидетельствовать о наличии или отсутствии демократии. Хотелось бы обратить на это обстоятельство особое внимание, ибо часто степень многопартийного представительства в исполнительных органах власти считают признаком демократичности.

Во-вторых, программные различия политических партий. Если в США или Великобритании основные различия между ведущими партиями связаны с одним измерением — социально-экономическим, то в Швейцарии, например, различия проходят и по культурно-религиозной, национальной, географической линиям. Именно второй тип более характерен для наших перспектив. Существенная дифференциация национальных, религиозных, географических групп в Казахстане, безусловно, потребует оформления весьма разветвленной политической машины.

Несмотря на наличие оформленных политических групп в средневековых обществах и даже в древнем мире, политические партии в узком смысле слова есть продукт второй половины XIX века.

По-видимому, разные политики будут до конца придерживаться своей трактовки зарождения партий. Но при всей полярности взглядов можно выделить несколько общих черт. Резкое усложнение социальной структуры ряда европейских стран, формирование известного плюрализма власти по-новому заставили отнестись к способам решения социальных конфликтов. В то время как одни толковали о «железной руке», а другие готовили пролетарскую революцию в крестьянской стране, происходило формирование партийных структур, ориентирован-

ных на парламентское решение социальных конфликтов. Крушение целого ряда монархий или низведение монархического правления до уровня правящей, но не управляющей британской королевы привело к поиску новых источников поддержки власти.

Политические партии Казахстана в своем развитии будут следовать той же логике, что и множество других партий в разных точках планеты. Центральная проблема любой из них — это все та же проблема поддержки.

Восточные партийные системы имеют некоторые специфические черты, отличные от западноевропейских образцов. Например, в странах третьего мира высоки этнический и профессиональный корпоративизм, степень персонализации в политике, патрон-клиентные отношения, велика роль традиционных ценностей в политической культуре. В этом смысле вряд ли целесообразно оценивать демократию третьего мира только по западным меркам или по узкоинституциональным критериям. Я бы хотел выделить два наиболее важных аспекта построения демократических структур в незападном мире.

Во-первых, преобладание различных форм, опирающихся на устойчивые корпоративно-коллективистские традиции: род, община, каста, этнос, конфессия, институт старейшин. Они затрудняют формирование демократии западного типа в традиционных обществах. Но вместе с тем архаичные институты неожиданным образом могут способствовать укреплению демократии.

Политические лидеры Востока, стремящиеся модернизировать свое общество, зачастую используют ресурсы поддержки традиционных групп. На первом этапе в Казахстане преобладал преимущественно мононациональный характер большинства новых политических образований. Конечно, это было связано со многими причинами, но сознательно или бессознательно политики использовали поддержку

национальных групп, которые были прямо и не связаны со всеми целями политического движения. Использование ресурсов поддержки национальных групп означает попытку переноса легитимности на другую по своей природе группу.

Во-вторых, сравнительно немногие прецеденты демократии в незападных странах, как правило, основываются на доминантной партии, то есть партии, неизменно находящейся у власти благодаря постоянному превосходству на выборах. Это относится прежде всего к странам Востока. Тенденция, по-видимому, не случайна: система с доминантной партией обеспечивает в переходных обществах большую политическую стабильность, нежели двухпартийная или многопартийная системы. Главенствующая партия здесь обладает набором функций, в немалой степени отличающих этот институт от политических партий западных обществ.

Вместе с тем политическая система с доминантной партией обладает некоторыми признаками демократии, поскольку гарантирует права оппозиции, механизм консультаций, независимость прессы. Разумеется, эта система не свободна от серьезных недостатков, так как длительное пребывание у власти одной партии может постепенно развращать ее функционеров. Периодические скандалы по поводу коррупции и «черных денег» в Индийском национальном конгрессе или в японской и южнокорейской либерально-демократических партиях являются тому наглядным примером.

Существенным своеобразием становления партийной системы в Казахстане является ее формирование «сверху». Первое широкое народное движение Невада—Семипалатинск возникло в результате моей поддержки требования запрета на ядерные испытания. Без поддержки руководством республики в условиях еще достаточно сильной власти Центра антиядерное движение неминуемо стол-

кнулось бы с жестким подавлением, тем более что опыт подавления народного движения силовыми методами был апробирован руководством СССР еще в декабре 1986 года. Общенациональный консенсус позволил мне 29 августа 1991 года подписать указ о закрытии Семипалатинского испытательного ядерного полигона.

Коренным поворотным событием, открывшим дорогу для становления многопартийности, стал распад СССР и его цементирующего элемента в лице КПСС.

В сентябре 1991 года сами члены Компартии Казахстана приняли решение о преобразовании ее в Социалистическую. Это был логичный выбор. И здесь дело не только в названии. Она коренным образом должна была изменить свои функции. Социалистическая партия, утратив функции правящей, государственной партии, с этого времени должна была добиваться авторитета в массах собственными силами.

Люди, не согласные с решением съезда и продолжающие верить в коммунистические идеалы, получили возможность образовать и официально зарегистрировать свою партию. В марте 1994 года Министерством юстиции была зарегистрирована Коммунистическая партия Республики Казахстан. Считаю это убедительным свидетельством демократичности нашего политического курса.

В июне 1992 года была образована партия Народный конгресс Казахстана, в феврале 1993 года — новый союз Народное единство Казахстана, впоследствии преобразованный в партию. Я поддержал обе партии, принял участие в учредительных мероприятиях. Меня привлекла заявка этих партий на политический центризм, так необходимый нам. В 1995 году была создана Демократическая партия Казахстана. Ее образование я рассматриваю как попытку рационального осмысления и решения стоящих пе-

ред нашим обществом проблем переходного периода. Думаю, что у этой партии есть будущее.

Но, к сожалению, до настоящего времени политические партии все еще не смогли преодолеть болезни роста. Перенять демократию, импортировать ее, невозможно. Она должна укорениться, стать образом жизни, способом политического мышления лидеров и масс, средством сплочения, организации общества и управления им. Пока же в странах СНГ демократия рассматривается в основном как возможность и средство борьбы за власть. Многопартийность доводится до абсурда. Возникают десятки и сотни партий, которые иногда возглавляют просто авантюристы. В сочетании с острыми социальными, политическими, этническими, конфессиональными, клановыми конфликтами это превращает плюрализм и политические свободы в пустые лозунги, средство дестабилизации общества.

История дает нам немало таких примеров, когда партии, потерпев поражение на выборах, обращались к экстремизму. Речь идет об обострении политической борьбы, готовой принять крайнюю форму в силу того, что отсутствуют условия для нормального функционирования демократических институтов. Критерии западной демократии здесь не применимы потому, что на Западе сейчас немыслима ситуация, когда какая-нибудь партия отказалась бы считаться с народным волеизъявлением или, придя к власти, воспользовалась бы ею для пересмотра демократических норм.

Если интеллектуальная элита по тем или иным причинам не готова выдвинуть эффективную концепцию реформ, то процесс идет методом проб и ошибок. А данный ход вещей также достаточно опасен. В связи с этим нам пришлось разрабатывать свою концепцию реформирования Казахстана. К сожалению, все предложенные оппозиционными силами проекты были заведомо невыполнимыми и оторван-

ными от реальности. Мне кажется, оппозиционные партии повторили старые ошибки. На период смены политической системы они имели достаточно много программ, известных лидеров, однако не успели подготовиться к созидательной деятельности. А для этого мало презентабельных политиков. Нужны экономисты, аналитики и практики. Сегодня партии это понимают. И я надеюсь, уже в обозримом будущем оппозиция сможет выполнить ту роль, которую она выполняет в странах развитой демократии.

Политическая демократия предполагает ряд условий. Среди них не только консенсус в обществе и особенно в его элитарных слоях, но и достаточно массовый, экономически мало зависимый от государства средний класс, начинающая укореняться правовая культура, привычка к диалогу и компромиссам. Если все это отсутствует или развито в недостаточной степени, социальная и институциональная базы демократии не будут прочными.

Исторический опыт человечества свидетельствует о том, что процессы цивилизационного развития необратимы. Как бы не велико было желание отдельных индивидуумов, даже самых великих, и отдельных общественных групп, вернуться к прежней или традиционной модели общества уже не удастся. Процесс модернизации можно лишь искусственно затормозить. Но это неминуемо усугубляет внутренние социальные конфликты. В то же время можно и нужно попытаться сгладить все неизбежные противоречия модернизации, находя разумные компромиссы.

Особо хотел бы сказать об Ассамблее народов Казахстана. Подобной организации нет ни в одной из стран СНГ. В самые трудные периоды она была органом подлинно народного представительства. Своеобразна история создания этого органа представительства многонационального Казахстана. Решение о создании Ассамблеи народов Казахстана — обще-

ственного органа консолидации граждан всех национальностей на пути модернизации политической, экономической и социальной сфер республики — было принято на Форуме народов Казахстана в декабре 1992 года. Скажем честно, представители крупных этносов имели большую возможность реализовать себя в органах представительной и исполнительной власти, голос же других не был слышен. В многонациональном Казахстане создание такого органа было необходимо. Нам потребовалось немало времени для поиска оптимальной формы работы и полномочий Ассамблеи. Она не должна была подменять парламент или органы исполнительной власти, но и не должна была превращаться в декоративный клуб по интересам. В итоге долгих поисков, изучения мнений представителей национально-культурных центров, этнологов, юристов, специалистов в других областях было принято решение о придании Ассамблее статуса консультативно-совещательного органа при главе государства. Уже сегодня есть реальные плоды ее деятельности. Это не только многочисленные инициативы в области национальной политики, но и повседневная практическая работа с людьми. С 1995 года в высших учебных заведениях страны учатся представители малочисленных народов, поступившие по квоте Ассамблеи. По предложению Архиепископа Алматинского и Семипалатинского Алексия под эгидой Ассамблеи отмечено 1100-летие славянской письменности. Национально-культурные центры провели ряд полезных и познавательных мероприятий, посвященных 150-летию Абая. Не случайно, что такая плодотворная деятельность, решение конкретных проблем народов Казахстана способствуют росту авторитета этой подлинно народной, демократической организации.

Есть еще один очень сложный вопрос — о роли и месте религии в переходных обществах. Мне кажет-

ся, на него нет однозначного ответа хотя бы потому, что разные политические деятели подходили к религии с совершенно диаметральных позиций.

Рассказывают, что перед войной французский премьер Лаваль был с визитом в Москве. В ходе долгих переговоров Сталин и Молотов стремились прежде всего выяснить, какова будет численность французской армии на Западном фронте, сколько дивизий, какой срок службы. Лаваль спросил: «Не можете ли вы сделать что-нибудь для поощрения религии и католиков в России? Это бы так помогло мне в делах с папой». «Ого! — воскликнул Сталин. — Папа! А у него сколько дивизий?»

Сталин имел духовное образование, но удивительно механически подходил к вопросам сотрудничества с церковью до войны. Но однако даже он оценил роль религии как консолидирующего фактора в годы Великой Отечественной войны.

Государственная политика в отношении деятельности религиозных организаций на территории Казахстана имеет общую основу, не проводя каких-либо различий между ними.

В Казахстане сегодня существует поликонфессиональное общество. Две наиболее крупные национальности: казахская и русская — составляют в совокупности примерно 80 процентов всего населения. Они относятся к двум наиболее многочисленным общинам в республике — мусульманской (суннитской) и христианской (православной).

Мусульманская община представлена казахами и еще 17 тюркоязычными этническими группами, в числе которых узбеки, татары, уйгуры, азербайджанцы, чеченцы и другие. Кроме того, к мусульманам относятся ираноязычные таджики и курды, а также дунгане.

На 1 января 1995 года в республике действовало 1180 религиозных общин почти 30 конфессий. Они представлены как традиционными, так и нетрадици-

онными объединениями. В Казахстане работают свыше 1200 служителей культа, их подготовка ведется в 25 духовных учебных заведениях. Среди них Исламский институт, Алматинское епархиальное духовное училище, Христианская миссионерская школа, пресвитерианская духовная академия и другие. Обучение ведется и за рубежом. Особенно быстро росло количество мусульманских объединений. В настоящее время в республике их насчитывается 483. Для казахского народа, оказавшегося под угрозой размытия своей идентичности вследствие насильственного слома традиций, культурного разрыва внутри этноса прежде всего по принципу владения казахским языком, ислам стал приобретать свое значение как одна из форм выражения этничности.

Именно эта функция ислама во многом определяет растущее значение одной из великих мировых религий. Огромный цивилизационный потенциал ислама сегодня общепризнан. Кстати, Казахстан — одна из северо-восточных границ мирового распространения ислама. Миллионы верующих мусульман в современном Казахстане имеют возможность без тоталитарных притеснений вернуться к своей вере.

О мирной роли ислама мне довелось говорить с хранителем двух святынь всех мусульман — королем Фахдом бен-Абдель Азизом ас-Саудом, человеком убежденным, мудрым. Посещая Мекку и Медину, Иерусалим, я еще раз осознал силу и возможности ислама для воспитания в людях духовности, гуманности.

Вторая по численности верующих — русская православная церковь имеет 165 приходов, свою газету «Свет православия». В Казахстане возрождаются православные храмы, монастыри и т.д. В то же время собственно религиозный фактор не имеет какого-либо существенного значения в политических процессах. Более того, учитывая остроту межэтнических отношений в республике, руководители церкви

стремятся отмежеваться от каких-либо проявлений этноцентризма, возникающих в обществе.

Решением Священного синода от 31 января 1991 года на территории Казахстана образованы три самостоятельных епархии — Алматинская, Шымкентская, Уральская. Православной церкви передан Кафедральный собор — уникальный памятник архитектуры, расположенный в центре Алматы. Тепло принимал Казахстан Святейшего Патриарха Московского и Всея Руси Алексия II, прибывшего по моему приглашению в 1995 году. Его приезд стал важным событием в жизни не только православной общины Казахстана.

С патриархом Алексием II я встречаюсь уже давно. Это очень гуманный, высокообразованный человек, настоящий православный подвижник. В ходе длительных бесед мы пришли к общему убеждению — работать сообща во имя сближения народов через религии.

Я с удовлетворением могу сказать, что руководители казахстанских конфессий вносят свой вклад в созидательный процесс и укрепление единства нашего общества.

Что такое демократия? Этот вопрос волнует человечество на протяжении всей его истории. И всегда его понимали по-разному.

Демократия не терпит категоричных оценок. Некоторые государства, признанные «самыми» демократическими на пространстве бывшего СССР, как известно, ввели ряд дискриминационных ограничений по гражданскому признаку.

И сегодня я говорю: мы были пленниками чужой воли, давайте теперь не будем пленниками чужой мысли.

Меня могут критиковать, со мной могут не соглашаться, но казахстанский путь, поддержанный

подавляющим большинством населения, — не слепое копирование схемы, а попытки поиска своего собственного пути. При этом главный принцип, из которого мы исходим во всех начинаниях, — демократия в крови и хаосе нам не нужна и даром. Основа нашей демократии — политическая, социальная и межнациональная стабильность. Мы не будем экспериментировать на собственном народе только ради того, чтобы нам аплодировали за демократический спринт другие страны. Идея демократии прочна, но демократические преобразования подстерегает опасность быть задушенными в результате войны, рожденной хаосом, анархией и вседозволенностью.

Первые зачатки реальной демократии уже появились в странах СНГ, однако процесс ее становления развивается крайне медленно.

Основной причиной этого является своеобразие политической культуры, которая в своих существенных моментах отличается от культуры Западной и Центральной Европы.

Я бы хотел сказать об одном феномене, который сыграл важную роль в последние годы. Многие долгое время ставили знак равенства между антикоммунизмом и демократией. Никогда не был сторонником такого упрощения, и жизнь сегодня доказывает, что антикоммунизм и демократия — не близнецы-братья, а иногда выступают как антиподы. Крушение коммунистического режима привело к тому, что многие антикоммунисты, прежде всего наиболее ортодоксальные, перешли на позиции антидемократические. Так что под маской антикоммуниста может скрываться и махровый реакционер.

Освобождение от тоталитаризма или авторитаризма не означает автоматического обретения свободы. При этом только появляется возможность выбора самых разных моделей дальнейшего развития — от авторитарной до либеральной.

Наше поколение воспитывалось в духе отрица-

ния альтернативных марксизму теорий. Если хотите, это даже стало чертой характера советских людей. Поэтому неудивительно, что сразу же после краха коммунистической идеологии появилась тенденция обелить все то, что она красила в черные тона. Вспомните, некоторые политики и средства массовой информации преподносили нам американскую демократию и чилийскую хунту как одинаковые достижения. А все по одной причине — идеология КПСС считала их враждебными. Они, возможно, сами того не замечая, сработали по старой схеме, насажденной прежним режимом, упрощающей мыслительный процесс: если не белое, то черное, если не черное — то белое. Дело зашло настолько далеко, что самые ретивые скороспелые критики системы поставили знак равенства между национал-социализмом и тем строем, который был у нас. Стали подвергать сомнению великий подвиг советского народа — победу над фашизмом. Это, дескать, победа тоталитаризма. Ни в коем случае не хочу обелять сталинский режим. Но агрессивный нигилизм не приемлю так же, как и безропотное молчание.

Я являюсь убежденным противником тирании и авторитарного строя. Но вместе с тем я считаю опасным рассматривать демократию как вещь в себе. Меня беспокоит, что людей можно убедить в законности и непогрешимости решения большинства. Это особенно опасно в наших странах, где традиции уважения к индивидуальной свободе не развиты.

Анализируя общественно-политические процессы в республиках бывшего СССР, я неоднократно убеждался, что радикализм в трансформации институтов власти дестабилизирует общество и государственность, является таким вариантом политического развития, который приводит к гражданской войне. Понимание демократизации сегодня должно носить не абстрактно-академический, а практический характер, определяющий возможность

сохранения стабильности и дальнейшую судьбу государства.

Эшелонирование демократии затрудняется отсутствием или слабостью гражданского общества, неструктурированностью его интересов. Отсюда его предрасположенность к дроблению на множество маломощных партийно-политических потоков, которые склоняются к экстремизму и пониманию демократии не как созидательного процесса, а непрерывной конфронтации. Такой подход, когда в противостояние вовлекаются все более широкие слои населения, партии и движения, а затем и различные ветви государственной власти, уже привел к драматическим последствиям в ряде государств СНГ, к гражданским войнам и человеческим жертвам.

Естественно, что это достаточно жесткая характеристика, но она отражает современные реалии, в том числе и Казахстана. Это еще один аргумент в пользу того, что в условиях экономических трудностей, резкого падения жизненного уровня, взаимной борьбы различных группировок деструкция государственного управления ведет к дестабилизации и невозможности проводить какие бы то ни было экономические, политические реформы. В такой неконтролируемой ситуации возможна только эскалация конфликтов, приводящая к гражданской войне и разрушению государственности. Является ли антидемократичным запрет деятельности ультранационалистических групп, громко именующих себя партиями, которые организовали бесчинства в алматинской мечети и избиение духовного лица, которые призывают к депортации народов за пределы республики, или тех, кто формирует вооруженные отряды, прикрываясь восстановлением культурных традиций и претендуя на отделение от Казахстана? Я думаю, что народ Казахстана выразил свое отношение к таким «партиям», проголосовав за Конституцию, запрещающую их деятельность.

От парламентских кризисов до новой Конституции

Парламентаризм — составная часть демократии. Но становление парламентаризма в странах СНГ проходит непросто. В начале 90-х годов многие из государств Содружества столкнулись с жестким противоборством двух ветвей власти — парламентской и президентской. В ряде случаев это вылилось в открытые столкновения, в других — в блокирование решений друг друга. Это были не частные случаи, а общая для наших государств тенденция. Естественно, что необходимо было не только создавать конституционные условия для преодоления этих кризисов, но и разобраться в истоках противоречий.

Длительное изучение ситуации привело меня к ряду выводов. Естественно, они несут на себе отпечаток действующего политика, главы государства, который применял все необходимые меры для предотвращения политического кризиса.

Как мне кажется, на первом этапе большинство проблем в парламентской деятельности стран СНГ возникало из-за ложного понимания ее характера. И сегодня некоторые парламентарии придерживаются мнения о необходимости отстаивать в первую очередь в парламенте, как и в старых Верховных Советах, специфические интересы своих избирателей, регионов, отдельных предприятий или отраслей.

Большинство депутатов просто не поняли того, что в новых условиях парламент должен выполнять уже иную функцию, роль которой возросла в условиях становления государственности и переходного периода. Это согласование социальных и национальных запросов, артикуляция их в общенациональный интерес, интерес государства, а значит — выражение воли всего народа. Многие депутаты по-прежнему считают себя связанными императивным мандатом. Если посмотреть глубже — то это сохранение

старой советской традиции, когда депутат использовался местными органами власти как средство получения дополнительных вложений в регион. Освобождение депутатов от таких пут произошло в других странах уже достаточно давно. Напомню, что еще в 1789 году во Франции Национальное собрание объявило своих депутатов выразителями воли всей нации, не связанными никаким императивным мандатом.

В годы перестройки депутаты взяли на себя еще и функцию критики административно-командной системы, пока представители этой системы не решали проблемы, заявленные ими. Основная критика в Верховных Советах была направлена в адрес распределительных ведомств, которые что-то недодали региону или другому ведомству.

Хочу сказать, что речь идет не о конкретных лицах, а о борьбе за возможность распределения. Она проходила и в органах исполнительной власти. Но средства массовой информации, которые подробно освещали на всю страну дебаты в Верховных Советах, на Съездах народных депутатов, придали им характер столкновения ветвей власти. Даже те, кто выступал от имени регионов, действительно находящихся в тяжелейшем положении, сами того не понимая, действовали в ущерб этим самым регионам. Принятые под давлением популизма экономические решения стали разлагать всю систему хозяйствования, планирования. К сожалению, эта тенденция сохранилась и в новых государствах.

Между тем ситуация заключалась в том, что парламенты работали при отсутствии сколько-нибудь развитой рыночной экономики и полноценного гражданского общества. У нас пока еще отсутствует четко дифференцированная структура экономических и политических интересов и соответствующих им организаций.

В этих условиях парламенты превратились в клубы потребителей, которые борются за перераспреде-

ление доходов в свою пользу. К сожалению, большинство депутатов первых постсоветских парламентов так и не поняло, что главная задача заключается не в распределении, а в создании условий для роста рыночных отношений.

Попытка взять на себя функции распределения, перекалывание ответственности за ход реформ на плечи исполнительной власти — такова общая тенденция. Таким образом парламент принимал популистские решения о повышении заработной платы, не обеспеченные финансированием социальные программы, а органы исполнительной власти несли ответственность за их выполнение в условиях дефицита бюджета. Так органы исполнительной власти попадали под огонь критики прессы, депутатов, общества. Парламенты в этой ситуации в соответствии с инерцией борьбы за распределение начинали приходить в противоречие с реформами. Тем самым они замедляли темпы модернизации, консервировали устаревшую структуру экономики. По мере развития событий возникало объективное противоречие между курсом исполнительной власти и парламентом.

Отдавая дань Советам, которые внесли свой вклад в демонтаж партийно-коммунистической системы, должен сказать, что они после устранения партийного диктата взяли курс на концентрацию всей власти. Сама их структура не позволяла до конца довести разделение властей с четко очерченной сферой ответственности каждой из них. В функциях самих Советов также кроется объективная предпосылка противоречия.

С тревогой наблюдал и появление в ряде парламентов стран СНГ другой опасной тенденции. Парламент как институт государства должен сам стоять на страже его интересов. Но часть депутатов в ряде стран СНГ перешла в оппозицию самой государственности, существующему конституционному устройству. Дело доходило до призывов к низвержению

государственного строя, отрицанию самой государственности, что и послужило основой опасного противостояния ветвей власти...

И здесь я хотел бы остановиться на таком вопросе, как роль политической элиты. Ее формирование — это процесс освобождения от эгоцентричных классово-партийных пут, идентификации государственных и национальных интересов, четкого осознания, что государственным могут быть только интересы безопасного и свободного развития всего народа, а не его отдельных привилегированных групп.

Элита должна отличаться не только своей способностью выразить общенациональный интерес, сформулировать общенациональные цели и тем самым повысить планку самооценки народа, но и указать пути достижения этих целей. Еще более сложной задачей, стоящей перед элитой, является мобилизация общества на решение этих задач, повседневная деятельность по их реализации.

Подлинный лидер тем и отличается от политика-временщика, что способен улавливать и воплощать оптимальный национально-государственный интерес текущего исторического момента. Такой интерес не может быть сформулирован априорно, раз и навсегда. Он складывается только для определенной стадии развития государственности и аккумуляции государственной мощи, достаточной для его реализации как внутри страны, так и вне ее. Не следует принимать желаемое за действительное. Смещение идеала и политической реальности грозит слишком большими бедами и коллапсом государству, особенно если его строительство еще далеко не завершено.

К сожалению, Казахстану еще предстоит многое сделать для формирования политической плеяды, отвечающей современным условиям. Но меня успокаивает то, что в настоящее время происходит процесс вовлечения в управление государством, в большую политику нового поколения. Мы приняли ряд специ-

альных мер для того, чтобы молодые казахстанцы смогли получить образование в ведущих университетах мира, получить опыт практической работы на Востоке и на Западе. Уверен, что в ближайшее время на политическом небосклоне Казахстана заблистают новые имена...

Когда началась работа над первой Конституцией, Верховный Совет включил в состав Конституционного совета всех членов Президиума, всех председателей комитетов. Большинство из них были «непробиваемыми», не были готовы к диалогу и к обсуждению альтернативных предложений. Депутаты занимали те или иные, в основном руководящие должности на местах. На заседания Верховного Совета они приносили проблемы с мест, которых, соглашусь, было немало. Но депутаты не смогли подняться до осознания государственных, общенациональных интересов, понять, что время представительства регионов должно закончиться. И сессии превращались в перетягивание каната — каждый стремился урвать из государственного бюджета для своего региона. Так что о том, чтобы служить всему народу и государству в целом, и речи не могло быть.

Я с ними подолгу спорил, но так и не удалось мне добиться, чтобы Конституция четко ответила на насущные вопросы общества. Еще тогда я пытался отстаивать идею двухпалатного парламента, развития всех форм собственности, заложить в Основной Закон элементарные нормы демократического, правового государства — право роспуска парламента и импичмента президента. Особенно, конечно, пугало депутатов право роспуска. Это понятно — они имели множество льгот, могли запросто «нажать» на министра в целях обеспечения «своего бизнеса». Лишь единицы помнили о тех, кто их избирал. Беспрецедентный случай в истории парламента мира — наш Верховный Совет установил депутатскую неприкосновенность не только на период работы депутата в

парламенте, но и на два года после окончания выборного срока. В общем — идеальный климат для индивидуального творчества в сфере «бизнеса».

Я участвовал почти во всех заседаниях при принятии законов для экономических реформ, которых многие не понимали и не воспринимали. Мне приходилось выступать по каждой статье проекта Конституции Казахстана, законов, затрагивающих интересы наций и народов республики, чтобы не допустить опасного крена в любую сторону.

В полемике с такими настроениями рождалась первая Конституция. И, конечно, в немалой степени меня волновало, как решатся в ней вопросы о собственности на землю, о языках, о том, каков характер нашей государственности.

Тем не менее я считаю, что оба созыва парламента, работавшего в постсоветский период, были для всех нас большой школой начавшейся демократизации общества. Возможно, с недостатками, но принимались решения, законы, заложившие основы государственности Казахстана. Это была школа политического компромисса.

Я не мог пойти на резкую конфронтацию с Верховным Советом. Слишком сложной была обстановка в Казахстане и за его пределами. В тот момент соображения необходимости сохранения внутривнутриполитической стабильности в обществе и государстве взяли верх над задачей принципиального и бесповоротного решения ключевых для страны проблем. Мне не удалось добиться реализации взглядов прогрессивной части общества. Категорически против моих предложений выступало большинство Президиума и руководства Верховного Совета. Возникали острые споры. Во многом это было обусловлено характером прежде всего политического момента — наша страна только что стала независимым суверенным государством. Но я прекрасно понимал, что дальнейшее движение вперед осложнится.

После вступления в силу первой Конституции страны в январе 1993 года сразу же обнажились ее недостатки, ее оторванность от реальных социально-экономических и политических процессов.

Дым от эйфории быстро улетучился, и стало ясно, что Конституция образца 1993 года не годится в качестве правовой основы для повседневной, будничной и тяжелой работы по строительству суверенного Казахстана.

В декабре 1993 года мы попали в почти критическую ситуацию. Несмотря на то, что нам удалось на «отлично» провести срочный ввод тенге, обстановка требовала быстрых и ответственных решений. Один день проволочек в принятии срочных юридических актов в экономической сфере мог нанести ущерб, который не возместить и за год. Однако оперативность правительства была скована парламентом. Возникла реальная угроза дестабилизации экономики. На сессиях Верховного Совета шли очень долгие и бесплодные дискуссии. Длительными были перерывы между сессиями. Складывалось впечатление, что парламент просто блокировал формирование законодательной базы экономической реформы. Исполнительная власть не могла проводить реформы. Одна из причин резкого обвала курса тенге в начале 1994 года кроется именно в этом. Правительство под давлением сильного лобби промышленности и местных органов пошло на организацию необдуманного взаимозачета платежей между предприятиями. А дело заключалось в том, что именно Верховный Совет оказался не в состоянии принимать законы в условиях полной самостоятельности финансово-экономической политики страны.

К тому времени сохранить статус-кво уже не было возможности. Вопрос о всевластии Советов, мешающем президенту и правительству проводить реформы, надо было решать безотлагательно. Я был готов вынести этот вопрос на референдум.

Но случилось иначе. 16 ноября 1993 года Алатауский райсовет народных депутатов г. Алматы принял беспрецедентное в государственной общественно-политической жизни решение о самороспуске. Было опубликовано обращение к народным депутатам республики и местных советов: «Советы во многом остаются синонимом прежнего режима и старой идеологии. Тесные рамки безнадежно устаревающих законов, регулирующих работу представительной системы, снижение интереса самого депутатского корпуса к своей работе усилили оторванность Советов от реальной жизни. Все яснее становится их неспособность реализовать волю избирателей. И это не вина депутатского корпуса. Причина в ином — в принципиальной ущербности модели полновластия Советов, в ее полной неадекватности реалиям сегодняшнего дня».

17 ноября депутаты Ленинского и Октябрьского районных советов столицы также решили досрочно прекратить свои полномочия, затем — Ауэзовского и Фрунзенского. И так — по всей республике.

Ко мне обратилась группа депутатов Верховного Совета с коллективным заявлением принять отставку и освободить их от депутатских полномочий. Конституция не позволяла мне этого сделать, поэтому предложил им поставить вопрос на предстоящей сессии Верховного Совета.

Здравый смысл восторжествовал, и инициаторами досрочного прекращения полномочий Верховного Совета стали рядовые депутаты. Более 200 депутатов из 360 подали заявление об отставке. Обвальное крушение советской системы привело к тому, что Верховный Совет принял решение о самороспуске.

Этот состав парламента при всех недостатках сыграл большую роль в истории независимого Казахстана. Самое главное — была принята первая Конституция суверенного государства, которая была, безусловно, политико-правовым достижением на первом этапе независимости.

Большие надежды я возлагал на новый состав парламента, избранный в марте 1994 года. Необходимо сказать, что после довольно продолжительной раскачки этот парламент постепенно выходил на конструктивный путь. Он был более профессионален, и началось обсуждение многих актуальных законов. Да, были сложности в его работе, непросто иногда складывались отношения с правительством, но это объяснимо, особенно в условиях сложного в экономическом отношении периода.

Несмотря на то, что в декабре 1994 года парламент отказался от рейтингового голосования о статусе языков, характере государственности и частной собственности на землю, я продолжал работать с депутатским корпусом. Необходимость создания более четкой и последовательной конструкции власти, решения на конституционном уровне вопросов фундаментального экономического характера и большого общественно-политического значения была очевидной.

Поэтому в конце декабря 1994 года я пригласил министра юстиции. Мы говорили больше двух часов. Я ему обрисовал основные подходы возможной конституционной реформы, которые планировал вынести на рассмотрение Верховного Совета. Но это был только подготовительный этап. В ходе работы постоянно возникали все новые и новые изменения, дополнения, предложения. Недавно я подсчитал, оказывается, мы подготовили 18 вариантов текста Конституции.

Я был уверен в том, что новая Конституция будет принята парламентом, несмотря на возможные возражения. Об этом свидетельствовали и позитивные шаги парламента при обсуждении экономических проблем наступающего 1994 года, и контакты с рядом влиятельных депутатских фракций. Вообще необходимо сказать, что высокий профессиональный уровень парламента этого созыва подтвердился и

тем, что многие парламентарии как профессионалы высокого класса сегодня работают в самых верхних эшелонах исполнительной власти. Я хорошо помню тот период, и мое убеждение состояло в том, что компромисс будет найден, и конституционную реформу удастся провести.

Однако случилось непредвиденное...

В истории не раз бывало так, что небольшое событие влекло за собой цепь лавинообразно нарастающих явлений, приводящих к непредвиденным последствиям. Таким для всего Казахстана стало постановление Конституционного суда Республики Казахстан от 6 марта 1995 года.

Татьяна Григорьевна Квятковская предъявила претензии Центризбиркому о нарушениях Кодекса о выборах в Абылайхановском избирательном округе. Разбирательство длилось очень долго. Наконец, Конституционный суд принял решение. В постановлении Конституционного суда Республики Казахстан говорилось, что «введенная Центризбиркомом методика подсчета голосов не только повлекла массовое нарушение конституционного принципа «один избиратель — один голос», но и могла исказить итоги выборов и по существу изменила установленную Кодексом о выборах избирательную систему. Тем самым Центральная избирательная комиссия нарушила статью 60 Конституции, превысив свою компетенцию».

Тем самым были поставлены под сомнение итоги прошедших выборов и легитимность полномочий депутатов Верховного Совета.

Учитывая сложность ситуации и стремясь предотвратить надвигающийся кризис, я выступил 8 марта с заявлением. В нем говорилось: «Принятое судом решение стало для всех нас полной неожиданностью. Такого в истории государства еще не было. Я был и остаюсь приверженцем стабильности государственной власти.

Ведь от этого во многом зависит судьба проводимых нами реформ. Не последняя роль в этом принадлежит избранному год назад парламенту страны. С Верховным Советом я связываю большие надежды. Конечно, бывают и споры, иногда эмоции перекрывают край. Однако нам удалось с самого начала наладить конструктивный диалог.

Об этом свидетельствует подписанное соглашение об обеспечении согласованного взаимодействия законодательной и исполнительной ветвей власти. И вот неожиданное, как снег на голову, решение Конституционного суда. Только здравый смысл, выдержка, строгое следование законам способны вывести нас на единственно правильное решение и не допустить парламентского кризиса.

В то же время следует с уважением относиться к решениям Конституционного суда, чьи бы интересы они не затрагивали. Только при таком подходе можно говорить о реальном движении Казахстана к правовому государству, о торжестве закона».

8 марта в соответствии со ст. 131 Конституции Республики Казахстан мною было внесено возражение на постановление Конституционного суда. На следующий день, 9 марта, соответствующее возражение было внесено председателем Верховного Совета А. Кекильбаевым.

В соответствии со ст. 131 Конституции Республики Казахстан, устанавливающей, что «если Конституционный суд большинством не менее чем в две трети голосов от общего числа судей подтвердит ранее принятое постановление, оно вступает в силу с момента его принятия», 10 марта 1995 года Конституционный суд преодолел внесенные возражения. В его определении говорилось: «Руководствуясь статьей 131 Конституции Республики Казахстан, статьями 14, 25, 26 Закона «О Конституционном судопроизводстве в Республике Казахстан», Конституционный суд определил: отклонить возражения Прези-

дента и Председателя Верховного Совета Республики Казахстан и подтвердить постановление Конституционного суда от 6 марта 1995 года. Определение обжалованию не подлежит».

Верховный Совет 11 марта принял конституционный Закон «О внесении изменений и дополнений в Конституцию», постановление «О приостановлении деятельности Конституционного суда». Но эти документы с точки зрения закона и просто здравого смысла уже не в силах были изменить решения Конституционного суда.

В этой связи 11 марта 1995 года я как гарант соблюдения Конституции Республики Казахстан обратился в Конституционный суд с запросом о правовых последствиях постановления от 6 марта.

В запросе говорилось следующее: «В связи с вступлением в силу постановления Конституционного суда Республики Казахстан от 6 марта 1995 года, принятого по иску гражданки Квятковской Т.Г., прошу дать разъяснение по следующим вопросам: означает ли это постановление Конституционного суда неконституционность выборов в Верховный Совет Республики Казахстан, состоявшихся 7 марта 1994 года, а также неконституционность полномочий избранных депутатов Верховного Совета; если полномочия депутатов Верховного Совета Республики Казахстан неконституционны, кто вправе принимать решения законодательного характера; означает ли решение Конституционного суда, что закон Республики Казахстан «О временном делегировании Президенту Республики Казахстан и главам местных администраций дополнительных полномочий», принятый 10 декабря 1993 года, продолжает действовать».

11 марта Конституционный суд в своем дополнительном определении дал разъяснения на поставленные мною вопросы. Из них вытекал факт неконституционности парламента страны. Кроме того,

вновь вступал в силу Закон от 10 декабря 1993 года «О временном делегировании Президенту Республики Казахстан и главам местных администраций дополнительных полномочий», предоставляющий Президенту право принятия решений законодательного характера.

Руководствуясь принятыми Конституционным судом решениями, я подписал 11 марта Указ «О мерах, вытекающих из постановления Конституционного суда Республики Казахстан от 6 марта 1995 года». В соответствии с этим указом для оказания помощи депутатам в трудоустройстве, обеспечения сохранности имущества Верховного Совета, решения других вопросов, связанных с прекращением деятельности Верховного Совета Республики Казахстан, была образована государственная комиссия под председательством вице-президента Е. Асанбаева.

Неконституционность полномочий парламента означала и неконституционность полномочий правительства, которое было сформировано с участием нелегитимного Верховного Совета. Поэтому правительство 11 марта также подало в отставку, которая была принята мною. В соответствии с Конституцией и Законом «О временном делегировании Президенту Республики Казахстан и главам местных администраций дополнительных полномочий» я назначил премьер-министром А. Кажегельдина и поручил ему в кратчайшие сроки внести предложения по новому составу правительства.

Одновременно была принята отставка Центральной избирательной комиссии.

События в Казахстане еще раз показали наше стремление к стабильности и неукоснительному следованию правовым принципам разрешения конфликтов. Это не раз подчеркивали и представители международного сообщества. В своем интервью посол США в Казахстане У. Кортни говорил: «Это торжество демократии. Кризиса не было, поскольку все

ветви власти выполнили свои функции. Конституционный суд работал достаточно осторожно и взвешенно, чтобы прийти к заключению, что выборы не были легитимными...

Мы уважаем решение вашего Конституционного суда. Весь мир понимает сегодня, что демократия значительно укрепилась в Казахстане. Вы прошли через все это спокойно и очень быстро, поэтому не было кризиса... Это хорошая модель не только для государств СНГ, но и для других стран, считающих себя демократическими, включая США. Казахстан представляет собой уже не школьника, а учителя демократии. Все казахстанцы могут гордиться этим, и США имеют повод гордиться Казахстаном... Последние события... укрепили политический рейтинг вашего руководства, которое продемонстрировало уважение к Конституции».

Мартовские события еще раз показали необходимость принятия новой Конституции республики. Мы нашли правовые основы выхода из сложившейся ситуации. Но каждый раз так продолжаться не могло. Нужны были четкие гарантии недопущения подобных событий.

Я начал конкретно и интенсивно работать над проектом Конституции после роспуска Верховного Совета. Не могу не сказать добрых слов в адрес людей, помогавших мне выполнить эту ответственную миссию: Нагашбай Шайкенов — доктор юридических наук, профессор, Бауыржан Мухамеджанов, Константин Колпаков — кандидаты юридических наук. Все они специалисты в разных отраслях юридической науки. Каждый с энтузиазмом работал над своими разделами.

Для обсуждения проекта я назначил 11 экспертов. Иногда мы работали над статьями Конституции по 12—14 часов, не вставая. Главным было — ответственное отношение к делу, невзирая на авторитеты. Я их заставлял критиковать проект, спорить.

Во время этой работы я думал о том, что жизнь общества, которое совершает переход в качественно новое состояние, настолько многогранна, что любые государственные решения и документы рано или поздно отстают от велений времени. То же самое происходит с Конституцией, которая должна адекватно отражать реальные процессы, происходящие в жизни общества и государства. Конституционный процесс в любой стране не останавливается с принятием Конституции, юридическое оформление социально-экономических и политических процессов должно не только соответствовать динамике происходящего в обществе, но и опережать ее.

Мне пришлось проработать огромное количество литературы по вопросам конституционного устройства стран мира, взаимоотношения ветвей власти, деятельности политических партий, профсоюзов, прав человека, собственности и т.д. Все это было включено в проект с учетом нашей казахстанской специфики. К примеру, когда я «отдыхал» летом 1995 года, за несколько недель до референдума по новому проекту Конституции мне пришлось изучить конституции еще 12 государств.

Итак, подписан указ об обсуждении проекта Конституции. Начался последний этап — доработка проекта с учетом замечаний и предложений. Ежедневно нам готовили сводку предложений по проекту. Должен сказать, что в день поступало несколько папок уже отработанной корреспонденции. А надо было еще учесть все, что публиковалось в прессе!

В республике состоялось около 33 тысяч коллективных обсуждений проекта, в которых приняло участие более трех миллионов граждан. На них гражданами, коллективами, сходами по месту жительства, маслихатами, общественными объединениями было внесено почти 30 тысяч предложений и замечаний. Более чем в половину, а точнее в 55 статей были внесены 1100 поправок и дополнений.

Мировая практика показала, что Конституции пишутся небольшой группой людей, специалистов права. А нашу группу серьезно поджимали сроки. Напряжение было огромным. Я то прошел большую школу, могу выдержать любые перегрузки. А у моих экспертов иногда глаза такие, что вижу — вот-вот упадет. Я им говорю: «В таком виде Конституцию создавать нельзя — идите отдыхать», а сам продолжаю работать.

Уже в последние три дня, когда я принял решение подписать последний проект, возник еще один спор. Французские специалисты, помогавшие нам в работе, предложили ввести статью о том, что президент имеет право распускать парламент в любое время. Но мы же не французы — у нас другие условия. Предложил свою формулировку, более смягченную. Мне возражали, говорили, что пройдет и жесткий вариант. Но надо думать о будущем. Главным для меня было создание системы сдержек и противовесов между ветвями власти, обеспечение их совместной деятельности.

Возможность принятия новой Конституции была непосредственно связана с референдумом о продлении полномочий главы государства. В условиях кризиса, вызванного известным решением Конституционного суда, стало ясно, что медлить с реформой уже нельзя.

Но начинать конституционную реформу можно было, только заручившись поддержкой народа. Этим было вызвано решение об интенсификации работы над текстом новой Конституции. Огонь критики обрушился на меня. Но поддержку я получил от Ассамблеи народов Казахстана, которая предложила избрать путь прямого обращения к народу, не дожидаясь формирования парламента. Я думаю, что это было правильное решение.

Признаться, я испытывал сомнение. С одной стороны, вопрос поставлен объективно и правильно.

В условиях политического кризиса, вызванного отставками парламента и правительства, необходимо было избавить общество от чрезмерной политизации и в интересах сохранения стабильности укрепить президентскую власть. С другой, президент — такой же человек, как и все, и меня смущали личные моменты в постановке вопроса. Я знал, что многие обрушатся с критикой, польется грязь... Раздались голоса о том, что я испугался выборов. Но были объективные данные социологических исследований, которые убедительно доказывали — если бы вопрос стоял лишь о сохранении моей личной власти, мне стоило идти как раз таки на выборы. В этом случае разрыв между Назарбаевым и другими возможными кандидатами на пост президента был практически непреодолим. К тому же выборы — это альтернатива между двумя-тремя кандидатами, а на референдуме стоял вопрос прямо: Нурсултан Назарбаев... Да или нет? Мне предстояло открыто стоять на одном полюсе выбора, а на другом — трудности переходного периода, падение жизненного уровня, обиды, накопленные за все эти годы, целенаправленная критика и откровенные подстрекательства...

Мы прошли трудный этап становления казахстанской государственности, но вновь оказались перед выбором — как будем жить дальше? Это касалось и экономики, и политики, и многих других сфер жизни общества. Я изучил многочисленные предложения политиков, представителей общественности, ученых, практиков. Но решил обратиться за поддержкой к народу.

Для Казахстана в сложившейся исторической ситуации по существу на референдум был вынесен вопрос о сохранении стабильности и для народа, и для государства, и для общества в целом. По сути референдум должен был дать ответ на ключевые для всей страны вопросы: верна ли политика, которую мы проводили все эти годы? Дает ли народ Казахста-

на вотум доверия президенту на ее продолжение? И решение было принято.

Казахстанцы поддержали меня. Центральная комиссия референдума о продлении полномочий президента Республики Казахстан подвела итоги голосования. 29 апреля 1995 года из 9110156 граждан республики, внесенных в списки для участия в референдуме, в голосовании приняли участие 8309637 человек, или 91,21 процента. Из принявших участие в голосовании граждан 7932834 высказались за продление полномочий, что составило 95,46 процента.

В референдуме по принятию новой Конституции участвовали 90,51 процента граждан, в том числе за ее принятие голосовало 89 процентов. Высокий уровень участия в голосовании был показателем поддержки гражданами нашего государства того курса, который мы избрали.

Я испытал огромное чувство благодарности. У каждого политика бывает свой звездный час, когда он получает всенародную поддержку и испытывает огромное удовлетворение оттого, что он выполнил свой долг. Многие годы сомнений и тревог, зачастую и неуверенности, а иногда и пустоты вокруг себя, когда круг единомышленников кажется ничтожно малым перед огромной машиной проблем, бесконечной чередой обрушивающихся на тебя малых и больших дел, оказались не напрасными.

Круг разорван. Теперь, когда я уверен в поддержке всего народа, можно работать и работать.

III

МЕЖДУ ВОСТОКОМ И
ЗАПАДОМ

*В мугрости
Востока и Запада мы видим
уже не враждебные силы,
но полюса, между которыми
раскачивается мир.*

Герман Гессе

История так распорядилась, что Казахстан в период распада биполярного мира оказался в эпицентре мировой политики. На месте сверхдержавы появились новые государства, и в их ряду особое внимание уделялось именно нашей стране. По капризу судьбы это внимание было вызвано не только нашей огромной территорией, имеющей колоссальные природные богатства, не только пестрым этническим составом населения, но в первую очередь это было связано с тем, что именно здесь оказалась немалая доля ядерного потенциала бывшего СССР. Это обстоятельство привело к тому, что название нашей республики замелькало в мировых средствах массовой информации.

Незнание наших реалий поначалу вызвало формирование негативного образа Казахстана как исламского государства, обладающего ядерным оружием и угрожающего всему мировому сообществу. Этот негативный образ действовал и мешал не только нам, но и нашим будущим партнерам. 90-е годы — период коренной ломки прежних отношений в международных делах, период крайней нестабильности и появления новых «демонов» — региональных и внутренних войн, роста масштабов терроризма.

Перед нами стояла не только задача налаживания международных связей, но и преодоления мощного негативного барьера, созданного некоторыми политиками и средствами массовой информации. Мы должны были решить

несколько проблем. Во-первых, показать, что на самом деле представляет собой наше государство. Во-вторых, обеспечить не только международное признание Казахстана, но и его безопасность, территориальную целостность. В-третьих, включиться в мирохозяйственные экономические связи. Тогда же началось становление нашей внешней политики.

В тот период только личные контакты, переговоры с руководителями государств мира, ведущих экономических гигантов, международных организаций могли переломить ситуацию. Именно поэтому мне пришлось в особо напряженном ритме провести целую серию зарубежных поездок. В ходе этих визитов решались не только дипломатические проблемы. Нужно было заново создавать всю договорную базу межгосударственных отношений. А это — огромная и напряженная работа. Без подписания соглашений о дружбе и сотрудничестве, договоров об основах взаимоотношений не могли быть установлены деловые контакты. Мы добились того, что с первых дней нашей независимости многие развитые страны заключили с нами полномасштабные экономические соглашения, установили режим благоприятствования в торговле.

Кроме того, для многих Казахстан был terra incognita, землей неизведанной. Надо было представить его возможности, его народ, его потенциал, поэтому в состав наших государственных делегаций всегда входили депутаты, представители интеллигенции, ученые, не говоря о

журналистах. Все они были свидетелями непростой работы при официальных визитах. Мы себя не жалели. Режим нашей работы за рубежом был почти круглосуточным.

Мы присматривались к различным моделям экономического и политического развития. Необходимо было на месте разобраться в достоинствах и недостатках различных моделей модернизации, изучить возможности перенесения зарубежного опыта на казахстанскую почву. Вспоминая те годы, четко прослеживаешь, как на смену закрытости советского периода хлынула масса информации, порой необъективной, приукрашивающей различные модели положительного опыта с призывами внедрить его на нашей почве.

Сегодня налицо существенные достижения нашей дипломатии. Казахстан признан почти всеми странами мира как независимое государство, укрепляется его суверенитет, отсутствует реальная угроза вооруженного вмешательства во внутренние дела. Ядерный клуб дал нам гарантии безопасности и нерушимости государственных границ. Подписано соглашение и юридически оформлена государственная граница между КНР и Казахстаном — это произошло впервые в нашей истории. Сегодня Казахстан широко известен в мире. Нам доверяют, к нам прислушиваются, нас приглашают посредничать в урегулировании конфликтов. К нам смело и мощно пошел мировой бизнес. Крупнейшие компании

мира вкладывают свои средства в будущее нашей страны.

Республике удалось избежать вовлечения в международные конфликты. Мы навсегда распрощались с ядерным оружием, первыми в мире закрыв ядерный полигон, и стремимся к миру и добрососедству со всеми государствами. В этом наши слова не расходятся с делом. Поэтому нам верят.

В выступлении перед представителями нашего дипломатического корпуса 15 февраля 1995 года я еще раз выделил основные направления нашей внешней политики. Это — укрепление государственности и независимости Казахстана; курс на модернизацию политики, создание рыночной экономики; обеспечение общественно-политической стабильности, без которой не может быть развития; гражданский мир, межнациональное согласие; интеграция со странами СНГ и мировым сообществом.

Если говорить откровенно, размышляя о сделанном в короткие для истории годы, я как человек и сын своего народа горжусь тем, что Казахстан стал по-настоящему равноправным партнером государств мирового сообщества. Благодарен судьбе за то, что мне посчастливилось представлять нашу страну в эти исторические, незабываемые годы.

Но совсем иначе было несколько лет назад...

Первые шаги

В первые годы независимости в нашей республике существовала определенная эйфория, в том числе и относительно перспектив внешнеполитической деятельности. Считалось, что достаточно провозгласить суверенитет, как мир широко распахнет свои двери перед нами.

Но сегодня можно прямо сказать: все было не так просто и не так легко. Происходили сложнейшие геополитические процессы, которые сказывались и на наших возможностях.

В начале 90-х годов южные границы бывшего СССР можно было охарактеризовать как пояс нестабильности и, более того, пояс военных конфликтов. Война в Афганистане перешагнула границу и оказалась тесно увязанной с гражданским конфликтом в Таджикистане. А до Казахстана — рукой подать. Напомню о событиях в кыргызском городе Ош. Безответственные политики столкнули два народа — узбеков и кыргызов. Было несколько столкновений из-за водных и земельных ресурсов на кыргызско-таджикской границе. Погибли десятки не виновных ни в чем людей.

Нас серьезно затрагивали события в Закавказье, где продолжала полыхать необъявленная война между Азербайджаном и Арменией. Вспыхнула война в Грузии. Росла напряженность на Кавказе.

Тяжелым наследием для нас стали пограничные проблемы с Китаем. А это около 1700 километров, на которых были прежде сконцентрированы огромные воинские контингенты. Китайско-советская граница долгие годы была границей напряженности. Напомню хотя бы события в районе Семипалатинска, когда китайские войска вторглись на нашу территорию.

И это был только первый круг потенциальных и реальных конфликтов вокруг наших границ.

Если перевести проблему безопасности Казахстана в ядерную плоскость, то напомню, что второй круг нестабильности не ограничивается только отмеченными выше

конфликтами. Как бы ни складывались наши отношения с околоядерными державами: Пакистаном, Индией, Ираном, Ираком, Израилем, КНДР, ЮАР, возможность производства ими ядерного оружия опасна не только для ближайших соседей и потенциальных противников этих стран. Ядерное оружие — наказание века, от которого могут пострадать не только зачинщики. После крушения СССР контроль над распространением этого страшного оружия мог быть нарушен.

Необходимо было комплексное решение данных проблем. А у нас не было традиций внешнеполитической деятельности. Министерство иностранных дел Казахстана выполняло далеко не дипломатические функции. Представьте себе страну, перед которой стоят все эти сложнейшие проблемы, но нет ни одного дипломатического представительства за рубежом, нет самых элементарных наработок по внешнеполитическим вопросам, не говоря уже о традициях внешней политики, нет квалифицированных кадров.

Ситуация, в которой мы оказались, была не столько абсурдной, сколько печальной. Казахстан — государство с достаточно высокоразвитым потенциалом, квалифицированными трудовыми ресурсами, имеющий огромные запасы полезных ископаемых, с ядерным оружием на своей территории — не имел ни одного международного договора. Конечно, первое время Россия представляла интересы всех стран СНГ не только в международных организациях, но и во всех странах мира через свои дипломатические представительства.

Понятно, что если бы мы в срочном порядке не начали формировать собственную внешнюю политику, нашим интересам был бы нанесен колоссальный ущерб.

Необходимо было создавать правовую базу отношений с нашими зарубежными партнерами. Например, для того чтобы привлечь инвестиции в Казахстан, надо было сначала установить элементарные двусторонние дипломатические отношения, а затем — принципы межгосударственных отношений, которые включают в

В казахской семье. СУАР КНР, июль 1991 г.

Подписание меморандума о создании совместного предприятия «Тенгизшевройл» с председателем правления, директором-распорядителем корпорации «Шеврон» Кеннетом Т. Дерром. Алматы, апрель 1993 г.

С премьер-министром Индии П. В. Нарасимха-Рао.
Дели, февраль 1992 г.

Подписание казахстанско-израильских соглашений с премьер-министром Израиля Ш. Пересом, декабрь 1995 г.

На торжественной встрече в мэрии для вручения «золотых ключей» от Мадрида, 24 марта 1994 г.

Конференция по безопасности и сотрудничеству в Европе. Хельсинки, июль 1992 г.

Встреча с канцлером ФРГ Г. Кодем. Бонн, сентябрь 1992 г.

Вручение Президентской премии мира и духовного согласия
генеральному директору ЮНЕСКО Ф. Майору.
Париж, ноябрь 1995 г.

Беседа с генеральным секретарем ООН Б. Гали.
Нью-Йорк, октябрь 1992 г.

С премьер-министром Пакистана Б. Бхутто.
Алматы, август 1995 г.

Президент Ирана А. А. Хашеми-Рафсанджани в
Казахстане. Алматы, октябрь 1993 г.

Даунинг стрит, 10. С премьер-министром Великобритании
Дж. Мейджором, март 1994 г.

С предпринимателями Японии.
Токио, май 1994 г.

В месяц цветения сакуры. Беседа с императором Акихито.
Токио, апрель 1994 г.

Президент Турции Т. Озал на месте сооружения
отеля «Анкара».
Алматы, апрель 1993 г.

Беседа с председателем КНР Цзян Цзэмином.
Пекин, сентябрь 1995 г.

С президентом Франции Ж. Шираком.
Париж, октябрь 1995 г.

Официальная церемония в Вестминстере.
Лондон, март 1994 г.

Встреча с У. Перри в Пентагоне.
Вашингтон, февраль 1994 г.

С президентом США Дж. Бушем, май 1992 г.

Встреча с премьер-министром М. Тэтчер.
Алматы, август 1991 г.

Подписание двухсторонних документов с президентом США
У. Клинтон. Вашингтон, февраль 1994 г.

Встреча с патриархом европейской политики, президентом Франции Ф. Миттераном. Париж, февраль 1994 г.

С премьером Госсовета КНР Ли Пэном.
Алматы, апрель 1994 г.

себя договор, подписанный главами государств, межправительственные соглашения, которые определяют систему защиты инвестиций, исключение двойного налогообложения, создание режима благоприятствования в торговле и т.д. Это — десятки документов.

Турецкий меридиан

Первый визит в Турцию состоялся в 1990 году по приглашению президента Тургута Озала. В Анкаре, несмотря на то, что еще существовал Советский Союз, нашу делегацию встретили по полному протоколу. Дело в том, что 25 октября 1990 года мы приняли Декларацию о государственном суверенитете Казахской ССР. Центр не хотел уступать ни пяди своих полномочий. Но в этом документе, вопреки желанию руководства СССР, мы определили неприкосновенность границ нашей республики, верховенство Конституции и законов Казахстана, право приостанавливать на своей территории действие законов и других актов высших органов Союза, нарушающих наши суверенные права и Конституцию Республики. Декларация установила, что Казахстан является самостоятельным субъектом международных отношений, самостоятельно определяет внешнюю политику в своих интересах, обменивается дипломатическими и консульскими представительствами, участвует в деятельности международных организаций. Подготовка и принятие Декларации проходили в сложной обстановке. Противников суверенитета было достаточно как в Москве, так и в Казахстане, в том числе и среди депутатов Верховного Совета. Обсуждение длилось несколько дней. Все заседания проходили с моим участием. Казахстанцы по праву празднуют этот день как главный национальный праздник — День Независимости.

Тогда это был смелый шаг. Думаю, что именно принятие этого документа повлияло на характер приема нашей делегации в Турции.

Нас поселили в специальной резиденции, где в свое время жил основатель Турецкой республики Кемаль Ататюрк. Это был мой первый опыт ведения переговоров как главы суверенного государства. Именно тогда мы заложили основы дальнейших взаимоотношений с Турцией.

Конечно, меня тогда поразили реальная жизнь в Турции, прогрессивное развитие ее экономики и общества вопреки официально распространяемой в СССР информации об этом государстве. Но самое яркое впечатление на меня произвело знакомство, которое впоследствии переросло в дружбу, с двумя выдающимися людьми этого государства — Тургуттом Озалом и Сулейманом Демирелем.

Я знал очень многое о деятельности Тургута Озала как реформатора, прогрессивного деятеля, поднявшего экономику страны из руин. Но личная встреча и дальнейшая дружба показали всю незаурядность этого человека. Каждая новая беседа с ним была открытием новых черт его личности.

Это был человек в высшей степени обаятельный, обладавший огромными знаниями. Учился в Стамбульском техническом университете, стажировался в США, получил степень магистра в области электротехники. Работал в Международном банке реконструкции и развития, где занимался проблемами развивающихся стран. Практически Т. Озал прошел все ступени государственной службы и частного бизнеса.

Общепризнанно: если Мустафа Кемаль Ататюрк создал Турцию как современное государство, то Тургут Озал вывел ее из нищеты и сделал современной страной в экономическом отношении.

Приходу к власти Т. Озала предшествовало военное правление. Можно по-разному оценивать этот переворот. Но ситуация в стране накалилась до степени открытых столкновений. Наступила полная анархия — людей десятками убивали на улицах. В парламенте были представители 250 партий. Сначала вели жаркие дискус-

сии, потом они постепенно стали переходить к рукопашным схваткам. Накал политических страстей перешагнул стены парламента и вылился на улицы. Страна была на грани краха. И тогда к власти пришли военные. Они начали постепенное реформирование экономики страны.

7 декабря 1983 года Т. Озал возглавил правительство. Ему досталось тяжелое наследство. В январе 1984 года Т. Озал обратился с воззванием к турецкому народу. Он не обещал сладкой жизни, а наоборот, предупреждал, что предстоит самый тяжелый в истории Турции период. Он получил доверие народа на проведение реформ. Страна взяла решительный поворот на построение экономики свободного рынка через приватизацию, открытость и государственное регулирование экономических процессов. Т. Озал немедленно приступил к приватизации мелких и средних государственных предприятий. Все эти предприятия стали рентабельными, резко повысилась производительность труда, улучшились условия жизни персонала. Коренные изменения в сельском хозяйстве привели к тому, что страна превратилась в крупнейшего экспортера сельскохозяйственной продукции. Установив плавающий курс турецкой лиры, Т. Озал начал наступление на «черный рынок». Благодаря этому миллиарды лир пошли на закупку западных технологий. С 1988 года лира стала конвертируемой валютой. Правительство Т. Озала проводило политику привлечения иностранного капитала. Были созданы первые свободные экономические зоны. Во время руководства страной Т. Озалом Турция впервые выплатила свой внешний долг. Турецкие бизнесмены и турецкие рабочие поверили в свои силы и в свою способность конкурировать с Западом. В одном из выступлений осенью 1989 года Т. Озал констатировал, что нигде в мире не произошло таких изменений в столь короткие сроки.

Восьмой президент Турецкой республики свободно владел английским языком, был почетным профессором Техасского университета, автором ряда фундаментальных трудов по экономике и внешней политике. Это был

человек, обладавший большим личным мужеством. Его реформы устраивали далеко не всех, и в первую очередь были недовольны те, кто наживал огромные состояния нечестным путем. Ему неоднократно угрожали физической расправой, а весной 1988 года на Т. Озала состоялось покушение.

Тургут Озал несколько раз приезжал в Казахстан. Я думаю, его визиты в государства Центральной Азии были связаны не только с необходимостью установления добрососедских отношений с новыми государствами, но и в определенной мере с желанием реализовать мечту Кемаля Ататюрка, доставшуюся ему в наследство, — сформировать мощное объединение тюркских государств. Эту мечту он не скрывал. Он был приверженцем пантюркизма, идеи Великой Турции, которая сплотит весь тюркский мир от Байкала до Средиземного моря и Дуная.

Должен сказать, что и у нас ходили такие идеи. Многим казалось, что Турция сможет решить все наши проблемы. Конечно, если не знать практику жизни нашей в прежних условиях, можно было поддаться такой эйфории. Но что это означало на деле? Это значило — отказаться от только что обретенной независимости, разорвать традиционные отношения с соседями, вместо одного «старшего брата» посадить себе на шею другого.

Очень серьезно эта проблема обсуждалась на первом Стамбульском саммите глав тюркских государств. В заявлении, которое было подготовлено турецкими коллегами, говорилось, что мы берем курс на интеграцию с Турцией в силу наших общих исторических корней, языковой и культурной общности, единой ментальности. Мне пришлось сильно огорчить Т. Озала, сказав, что мы это заявление подписать не можем. Я говорил о том, что мы за экономическое, гуманитарное, политическое сотрудничество. Да, мы имеем общие корни, у нас одни предки, у нас много общего в культуре, но мы долгое время были оторваны друг от друга. Я предложил восстанавливать утраченные связи цивилизованно, уважая

только что приобретенную независимость, суверенитет каждого государства. Но мы не могли идти на разрыв связей с другими народами и государствами, устанавливать вновь неравноправные отношения с кем бы то ни было.

Конечно, Т. Озал не ожидал такой реакции со стороны президента Казахстана. Мою позицию поддержал и президент Узбекистана И. Каримов. Газеты много писали о том, что Н. Назарбаев дал резкую отповедь пантюркистским устремлениям. Надо отдать должное Т. Озалу. Мудрый политик, он понял и принял мои доводы, и наши дружеские отношения сохранились. Турция и Казахстан стали сотрудничать как равноправные партнеры. Т. Озал понял, что нам нужен был именно такой тип отношений — равенство, дружба, взаимовыгодные экономические связи.

Тургут Озал был глубоко религиозным человеком. Он постоянно повторял постулат Корана о том, что «Всевышний создал людей по образу и подобию своему, а в исламе самое важное — это человек». В один из своих приездов в Казахстан он заложил первый камень в строительство совместного университета имени Ахмеда Иассауи в Туркестане. Благодаря его поддержке осуществлялась реставрация гробницы Иассауи — мусульманской святыни, места паломничества верующих, уникального архитектурного и культурного памятника Центральной Азии. Когда он был в Казахстане в последний раз, мы вместе заложили камень под фундамент пятизвездочного отеля «Анкара», строящегося за счет турецких инвестиций.

При всей своей твердости он был даже сентиментальным. Помню такой эпизод. Тургута Озала встречали студенты Казахско-турецкого университета в Туркестане. По казахской традиции одна студентка исполняла песню в адрес Т. Озала и членов его семьи, вспомнив все его заслуги, добрые дела во благо дружбы наших народов и государств. И в его глазах стояли слезы...

Как-то он со своей женой и сыном был у нас в гостях

на семейном ужине. Вспомнили молодость. Его жена, Семра, происходила из состоятельной семьи. Сам Озал рано лишился отца. Его мать Хафиза Озал смогла дать ему и двум его братьям высшее образование. Помогала и государственная стипендия. Тургут Озал был бедным женихом для семьи будущей жены, но горячо любил Семру и делал все, чтобы ей понравиться... И своего добился.

Близко зная Тургута Озала, могу сказать, что он привлекал к себе людей, умел создать атмосферу доверия. Это был политик глубоких знаний, очень мудрый и очень человечный.

Прошло несколько лет. 17 апреля 1993 года не стало этого выдающегося политика и государственного деятеля. Во время церемонии похорон Тургута Озала, когда в глубокой скорби был не только народ Турции, но и все те, кто уважал этого лидера мирового масштаба, я думал о том, что осознание заслуг человека приходит зачастую после его смерти.

Кончина Т. Озала означала не только физическую смерть восьмого президента Турции, но и как бы подвела черту самого важного этапа в истории страны. Архитектор «турецкого чуда», последовательный сторонник свободного развития экономики, истинный и бесстрашный реформатор, Т. Озал по праву пользовался мировым авторитетом.

Т. Озал был известен как крупный деятель во внешней политике. Вслед за потеплением в политических отношениях Турции со странами Ближнего и Среднего Востока, бывшими странами Восточного блока, а затем с новыми независимыми государствами были приняты меры к созданию базы экономического сотрудничества.

Я высоко ценю большую поддержку Турции и лично Т. Озала, оказанную Казахстану. Мы никогда не забудем того, что эта страна первой признала нашу независимость.

С Сулейманом Демирелем мы встретились также в октябре 1990 года, во время моего первого визита в Турцию. Тогда он был лидером крупнейшей оппозиционной партии.

В мае 1993 года Сулейман Демирель был избран девятым президентом Турецкой Республики. Это стало венцом долгой и незаурядной карьеры 69-летнего политика.

На протяжении многих лет, начиная с 1965 года, он неоднократно возглавлял правительство, руководил Партией справедливости (сейчас она называется Партия верного пути) — крупнейшей политической силой Турции наряду с Партией отечества, которую возглавлял Тургут Озал.

Рассказывают, что Сулейман Демирель когда-то был наставником Озала, но позже их пути разошлись. Но мне кажется, несмотря на существовавшие разногласия между этими выдающимися турецкими политиками, не пострадало общее дело. Каждый из них внес неоценимый вклад в развитие турецкого государства.

Между мной и Сулейманом Демирелем установились дружеские отношения. Мы часто встречаемся как на официальном уровне, так и во время различных международных саммитов с участием глав государств, и, наверное, в мире есть немного примеров такого постоянного и плодотворного общения руководителей государств.

Казахстанско-турецкие отношения динамично развиваются. Сейчас трудно назвать сферу экономики, культуры, образования, где бы не осуществлялись совместные проекты. Наши народы становятся не просто равноправными партнерами, близкими по духу и этническим корням. Между ними — большая дружба, которой казахстанцы дорожат и гордятся.

Великий сосед

На протяжении всей нашей истории отношения с Поднебесной империей были вопросом номер один. На мой взгляд, развитие человечества в XXI веке во многом будет определяться именно Китаем. Многие страны ви-

дят китайский вектор в своей внешней политике в качестве основного. А для Казахстана особенно важно наладить сотрудничество с этим перспективным, экономически стремительно развивающимся государством.

Тесно переплетена наша история. Сейчас, когда мы ищем наши истоки, ищем ответы на многие вопросы, затерянные в глубине веков, пытаемся осмыслить свое прошлое и настоящее, многое находим в китайских письменных источниках.

Мы пережили в последние 40 лет советско-китайских отношений и горячую любовь, и полный «развод». Казахстан, находящийся на стыке двух огромных государств, оказался в самом центре этого противостояния. Серьезно ли готовились обе стороны к будущей войне? Я думаю, да. Были стянуты многочисленные войска по обе стороны границы. На территории Казахстана был создан Среднеазиатский военный округ, имевший личный состав и вооружение, адекватное китайским силам в приграничной зоне. С позиции дня сегодняшнего я убежден, что эта мощь была не оборонительной, а наступательной. Несколько проходов между Казахстаном и Китаем на Тянь-Шане были напичканы военной техникой, укрепленными сооружениями, складами для ядерных боеприпасов, аэродромами и арсеналами.

Обе стороны формировали образ врага, а военные доктрины объявляли друг друга наиболее вероятным противником. Словом, общая политика, общая пропаганда нас всех настраивала, что Китай — враг номер один.

Но если бы все народы помнили только плохое, было бы просто невозможно жить в мире. Времена меняются, каждое поколение имеет собственные взгляды, по-новому осмысливает интересы государства. Казахстан, получив независимость, должен был заново определить свои отношения с Китайской Народной Республикой. Надо было избавиться от наследства, доставшегося нам от партийных идеологов.

Мой первый визит в КНР состоялся еще в 1991 году. Я встретился с Председателем КНР Цзян Цзэминем, с пре-

мьер-министром Ли Пенем, с мэрами Пекина, Шанхая. Мы посетили свободные экономические зоны на востоке Китая. Поездка коренным образом изменила мои представления об этой стране. Происходило освобождение от «бумажных тигров», стереотипов времен китайско-советского противостояния. Весь Китай был охвачен реформой. Во время встреч все руководители и простые граждане говорили о своем стремлении к стабильности и спокойствию внутри страны и вне нее. А это совпадало и с нашей точкой зрения на ситуацию.

Нормальные, дружественные отношения с Китаем для нас — это еще одна дорога в мир. У Казахстана в тот период путь был один — через Россию. Так было угодно Центру. В силу же сложившейся ситуации мы искали альтернативные пути на внешний рынок. Уже в 1990 году мы соединили железную дорогу между Казахстаном и Китаем. Появилась надежда самым коротким путем выходить на тихоокеанское побережье.

К тому же мы почти сразу начали переговоры и с южными соседями. Мои переговоры с президентом Ирана Али Акбаром Хашеми-Рафсанджани привели к тому, что мы смогли договориться о соединении железнодорожных путей между Казахстаном и Ираном через Туркменистан. Их продолжение через Турцию позволяет связать магистраль с Европой. Великий шелковый путь может встать на железнодорожные рельсы уже в 1996 году.

Казахстанско-китайские отношения развивались очень динамично. После первого визита удалось открыть все торговые пути, и за полтора года товарооборот между нами увеличился в десятки раз.

Мы планируем увеличить пропускную способность наших железных дорог. Уже сейчас мощность дороги до центра Китая достигла почти 30 млн. тонн. В Казахстан пошли товары из Китая. На первых порах было много критики в адрес китайской стороны за поставки низкокачественной продукции. Конечно, это был не лучший выход, но в условиях товарного дефицита дешевые ки-

тайские изделия сослужили свою службу. Уже во время моего второго визита и переговоров на разном уровне нам удалось сократить низкокачественный импорт и поставить торговлю на нормальные цивилизованные рельсы.

Признаться, я достаточно осторожно относился к возможности быстрого решения всех существовавших в тот период проблем. Сказывалась длительная антикитайская пропаганда, которая формировала негативный образ руководства этой страны.

Но я ошибся, и этот урок был для меня полезен. Я еще раз убедился в правильности народной мудрости — лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Встреча с руководителем КНР Цзян Цзэмином изменила многое в моих представлениях. Цзян Цзэминь — человек очень интересной судьбы. Он учился в Москве, окончил энергетический институт. Работал директором ряда электростанций, занимал руководящие должности в правительстве и министерстве энергетики, в Шанхае был выдвинут на партийную работу. Ныне избран Председателем КНР, Генеральным секретарем КПК. Цзян Цзэминь сочетает глубокое знание национальных традиций и культуры с достижениями западной цивилизации. Наверняка этому способствовали учеба в Японии, стажировка в США. Он прекрасно владеет русским, английским и японским языками. Психологический барьер был сломлен, когда мы смогли провести переговоры с глазу на глаз, без переводчиков. В спокойных разговорах я понял, что этот человек очень хорошо разбирается в геополитической ситуации.

Цзян Цзэминь говорил и о реформировании Коммунистической партии Китая. Модернизация проводится в условиях партийной дисциплины, централизованно, без хаоса.

Затем начались переговоры с участием членов делегаций. Беседы продолжались и за ужином, устроенном в нашу честь Председателем КНР Цзян Цзэмином.

Я попросил организовать встречу со Всекитайским

комитетом по реформе. Везде нас принимали с огромным интересом и искренним уважением.

Во время визитов и переговоров с руководителями КНР не раз в моем сознании возникал вопрос о возможности реформирования Советского Союза по китайскому сценарию. Но история не знает сослагательного наклонения.

Китайская реформа проходила в условиях сохранения партийной дисциплины и достаточно жесткого регулирования процессов государственными структурами. За последние 7—8 лет они смогли передать в частные руки уже почти 35 процентов экономики. Между тем Китай — многонациональная страна с разным уровнем социально-экономического развития провинций. С учетом этого создавались зоны роста на побережье, куда привлекались иностранные капиталы и технологии. Теперь они пошли в центр и на запад Китая.

Наши отношения принимали все более интенсивный и деловой характер. В Казахстане побывали министр иностранных дел КНР, его заместители, министры экономики, транспорта, промышленности. Часто бывали в Китае наши руководители. Все это давало свои плоды. Переговорный процесс между нашими внешнеполитическими ведомствами настолько быстро продвигался, что в 1994 году во время приезда в Казахстан премьера Ли Пена мы подписали и юридически оформили границы между Казахстаном и Китаем. А это 1700 километров, которые в советские годы были границей между двумя потенциальными противниками. Уже сейчас мы готовы подписать с Китаем соглашение о мерах доверия по обеим сторонам границы и отвести войска на 100 километров в глубь территории.

Я думаю, что решение первого и главного вопроса — вопроса о границе — явилось основанием наших дальнейших дружественных отношений. Это стало возможным после моих доверительных бесед с председателем Цзян Цзэмином. После предоставления в феврале 1995 года КНР гарантий безопасности Казахстану фун-

дамент казахстанско-китайских отношений стал еще более прочным.

Конечно, я не мог не высказать нашей озабоченности тем фактом, что в Китае продолжают проводить ядерные испытания, которые влияют на экологическую ситуацию. В ответ Цзян Цзэминь сказал, что он глубоко осознает ту озабоченность, с которой в Казахстане относятся к Лоб-Нору. Более того, Китай готов участвовать во всеобщем запрещении испытаний ядерного оружия.

Реальные дела, ход наших отношений позволяют мне сказать о том, что Председателя Цзян Цзэминя отличают искреннее стремление к миру, реализм и прагматизм.

Самой примечательной была наша последняя встреча, состоявшаяся во время моего трехдневного визита в эту великую страну в сентябре 1995 года.

По итогам переговоров мы подписали совместную Декларацию о дальнейшем развитии и углублении дружественных взаимоотношений между Казахстаном и КНР. Были подписаны Меморандум о сотрудничестве между министерствами обороны, Соглашение о научно-техническом сотрудничестве в области метеорологии, Протокол обмена грамотами о ратификации соглашения между Казахстаном и КНР о казахстанско-китайской границе.

Тогда же свершилось еще одно огромное историческое событие. Было подписано Соглашение между нашими правительствами об использовании морского порта Китая Ляньюньган для переработки и транспортировки казахстанских транзитных грузов, следующих в страны Юго-Восточной Азии, Северной и Южной Америки и в обратном направлении.

Почему это важно для нас? Что дает это Соглашение Казахстану? Железная дорога может пропустить 30 млн. тонн казахстанских грузов, в том числе цистерны с нашей нефтью. Протяженность пути в порт Ляньюньган составляет 3,5 тыс. километров. Путь к восточным портам России через Сибирь на Дальний Восток — 8,5 тыс. километров. Выигрыш вполне очевиден. Кроме того нуж-

но учитывать и огромные потребности в наших товарах самого Китая.

Сегодня для развивающейся экономики Китая одной из болезненных является проблема энергоресурсов. Даже по самым скромным прогнозам ежегодные темпы экономического роста страны на период до 2000 года составят не менее 9 процентов. Это означает, что потребности КНР в энергоресурсах в пересчете на стандартный уголь будут на уровне 2,3—2,5 млрд. тонн. Однако к началу следующего столетия Китай не сможет произвести более 1,5 млрд. тонн. Будет большой ошибкой утверждать, что Китай располагает богатыми ресурсами и ему нет необходимости экономить энергоносители. КНР занимает первое место в мире по добыче угля (1,1 млрд. тонн), четвертое — по производству электроэнергии (742,7 млрд. кВт/ч) и пятое по добыче нефти (142 млн. тонн). Но несмотря на это, среднелюдской расход энергии в Китае составляет лишь 40 процентов общемировой нормы и 1 процент уровня промышленно развитых стран. Из гидроэнергетических ресурсов (примерно 3800 млрд. кВт/ч) сейчас разрабатывается около 9 процентов. Несмотря на то, что их потенциал велик, гидроэнергетика требует больших единовременных капиталовложений для модернизации ранее построенных электростанций. Доля же произведенной ими электроэнергии в общем объеме снизилась за последние 10 лет с 22,4 до 17,5 процента. КНР для того, чтобы удержать свой экономический рост на уровне 9 процентов в год, необходимо строить ежегодно эквивалент 5—10 крупных электростанций. Мы же сможем принять участие в разрешении данной проблемы.

Другой способ решения энергетической проблемы для Китая — сотрудничество с нефтедобывающими странами. Китай может стать крупным импортером нефти. Спрос на нефть в 1994 году вырос на 10 процентов. Сейчас Китай производит около 3 млн. баррелей в день. Казахстан, как и другие государства Центральной Азии, благодаря подписанным между нами соглашениям сможет в определенной мере снять эту проблему. Именно об

этом я говорил во время своего последнего визита. Тогда началось обсуждение вопроса о прокладке трубопровода Запад — Восток с выходом на Тихий океан, тем более что в этом кровно заинтересованы не только Китай, но и Япония, страны Юго-Восточной Азии.

В 1993 году в результате приобретения казахстанскими предпринимателями и хозяйственниками опыта внешнеэкономической деятельности, а также введения в Казахстане уплаты таможенной пошлины за бартерные операции в СКВ товарооборот с Китаем существенно сократился и за 8 месяцев 1993 года составил всего 147,7 млн. долларов США (экспорт 105,8 млн., импорт — 41,9 млн. долларов). Это заставило китайскую сторону принять жесткие меры по повышению ответственности своих экспортеров за качество товаров.

Думаю, что в XXI веке Китай обязательно выйдет на лидирующие позиции. Китайские руководители не скрывают, что стремятся через 15—20 лет достичь нового качественного уровня в развитии производительных сил общества, науке и технике, чтобы любое государство считало за честь иметь хорошие отношения с этой страной. И то, что Казахстан строит такие отношения сейчас, я думаю, это вопрос стратегический.

Это прекрасно понимают и наиболее развитые страны мира. Так, например, активно растет уровень экономических связей Китая и Японии. Гонконгский журнал «Фар Истерн» писал: «Китайская и японская экономики дополняют друг друга... Японский рынок медленно открывается для потребительских товаров длительного пользования и сельскохозяйственных продуктов из Китая, а японский экспорт техноёмкой продукции в Китай расширяется... Крах коммунизма в Европе убедил Токио в необходимости помогать Китаю развиваться экономически. Китай для нас — это то же, что Россия для Европы, если в Китае возникнет экономический хаос, то появится большое число беженцев... Япония явно заинтересована в стабильном процветающем Китае... Ожидается, что в этом году Китай, обогнав Южную

Корею, станет вторым по величине торговым партнером Японии после США».

Посещая каждую страну, я стремлюсь получить как можно больше информации о культуре, обычаях, истории, религии, быте людей. Размышляя над феноменом Китая, как и других государств Юго-Восточной Азии, я все больше соглашаюсь с выводом о значительной роли конфуцианской философии в их модернизации. Особенность конфуцианства в том, что оно ориентировано на реальный мир, а не на мир до и после смерти человека. Это религия самосовершенствования человеческого «я». Конфуцианство имеет вполне современные ценностные приоритеты. Современные технологии позволили реализовать этот религиозный принцип. В этой части мира сформировалась своя предпринимательская этика, которая имела свой потенциал в глубоких исторических корнях, заложенных еще много веков назад.

Окно в Европу

С самого момента образования независимого Казахстана мы чувствовали огромный, я бы сказал, повышенный интерес к нам со стороны западных лидеров. Но я не впадал в эйфорию, понимая, что в немалой степени за ним стояла судьба ядерного оружия, находившегося на нашей территории. На Западе считали, что Казахстан сблизится с исламским миром, и нашими ядерными материалами попытаются воспользоваться Ирак, Иран, Пакистан, которые близки к созданию смертоносного оружия.

Мне сообщили, что премьер Британии Маргарет Тэтчер активно ищет возможность встретиться со мной и даже подключает к организации такой встречи ряд посредников. «Железная леди» устроила одну из своих поездок так, что остановилась транзитом в Алматы. Так и состоялся наш первый разговор. М. Тэтчер была, как обычно, энергична и напориста, но в то же время дели-

катна и даже любезна. Мы начали со взаимных комплиментов, но одновременно быстро почувствовали тот момент, когда надо переходить к делу. А Маргарет Тэтчер — деловая женщина во всех отношениях. У каждого из нас были вопросы, ответы на которые должны были быть честными и не подлежать огласке. Впоследствии я убедился, что Тэтчер с честью выполнила этот джентльменский договор.

Ее в первую очередь волновала судьба ракет, а я уже тогда изучал реакцию Запада на независимость Казахстана и готовил почву для получения гарантий безопасности и неприкосновенности границ. Насчет ракет я ее успокоил, заверив, что они безопасны, находятся под надежной охраной и доступ к ним невозможен. Я определенно заявил, что продавать ядерное оружие мы не собираемся, поскольку создаются Объединенные стратегические силы республик бывшего СССР. Им будут поручены охрана и обслуживание этой техники. С ее стороны я получил полную поддержку независимости Казахстана. М. Тэтчер сказала вполне определенно: если Казахстан объявит свою государственность, правительство Великобритании нас поддержит, и более того — М. Тэтчер бралась убедить лидеров европейских держав заявить о гарантии независимости и территориальной целостности Казахстана.

Этот разговор состоялся в начале сентября 1991 года, сразу же после августовских событий. Советский Союз еще существовал, но на московских площадях скандировали лозунги о великой России. Другие государства СССР новообращенной пропагандой либо не учитывались, либо объявлялись не наследниками СССР, а нахлебниками России. Не только экстремисты новой волны, но и государственные мужи договорились до того, что Крым — это российская территория, отданная Украине по недомыслию Н.С. Хрущева. По их словам выходило, что Северный Казахстан также исконная территория России. Тем не менее никто не вспоминал, что таким же образом Китаю были «подарены»

Порт-Артур и Порт Дальний. Но никто не набрался смелости требовать возвращения этих территорий. А между тем Украина и Казахстан стали такими же суверенными государствами, как Китайская Народная Республика.

Я сообщил М. Горбачеву и Б. Ельцину о том, что Казахстан возмущен, и это может вылиться в нежелательные для всех нас последствия. Большая группа политиков Российской Федерации под руководством А. Руцкого прибыла в Казахстан. Российская делегация подписала с нами двустороннее соглашение и сделала заявление о том, что Россия не претендует и не будет никогда претендовать на наши территории. Накал страстей стал спадать.

Эти события заставили меня выступить на сессии Верховного Совета СССР. Я жестко заявил о том, что Казахстан не признает теперь ни старших, ни младших братьев и идет к строительству своей государственности.

В любом случае, если нам удалось потушить возможный конфликт сегодня, надо было думать о будущем, приложить все силы к тому, чтобы обезопасить себя от всевозможных пропагандистских акций любых политиков. Это было достижимо только с получением многосторонних гарантий безопасности и территориальной неприкосновенности. Вот почему для меня важна была встреча с М. Тэтчер. И она поддержала мои самые сокровенные мысли. После этого мы беседовали с М. Тэтчер в Москве и дважды в Лондоне.

В это же время состоялся визит в Казахстан министра иностранных дел ФРГ Ганса Дитриха Геншера. Это один из самых опытных политиков послевоенной Западной Европы. 17 лет при разных канцлерах он возглавлял внешнеполитическое ведомство Германии. Рост авторитета Западной Германии после войны, признание ее демократическим государством, безусловно, связаны с Геншером.

Он мне запомнился как человек деликатный и очень скромный. Я говорил с ним также о потенциальной угро-

зе территориальной целостности нашего государства. Он обещал поддержать меня лично и подробно информировать о положении канцлера Г. Коля. Впоследствии беседа с Г. Кодем во время официального визита в Германию, я убедился, насколько тщательно и досконально он подготовил свой доклад. Не было упущено ни одной, даже мельчайшей детали.

Во время нашей встречи 17 октября 1991 года Г.Д. Геншер говорил о том, что у немцев есть серьезный интерес к развитию отношений с Казахстаном. Мы обсуждали принципы нерушимости границ. Г.Д. Геншер говорил: «Весьма важно познание европейской истории. Господин Президент, Вы говорили о принципе нерушимости границ. В общем-то войны в Европе велись только из-за границ, которые воюющие страны хотели передвинуть в ту или иную сторону. Речь шла всегда о расширении сферы своей власти над другими. Это было роковое развитие событий. И теперь, на опыте двух мировых войн, каждый должен знать, что это не должно повториться. Конечно, в Югославии были допущены многие ошибки, которые стали причиной сегодняшней войны. Если в государстве много национальностей, а одна из них требует гегемонии, это приводит к опасным последствиям».

Я навсегда запомнил интереснейшую мысль, которую высказал на пресс-конференции Г.Д. Геншер. Мы коснулись темы исконности тех или иных территорий. Он сказал: «Возьмите любую точку на карте Европы. В XVII, V, VII, в любом другом столетии эта территория принадлежала разным государствам, которые порой уже перестали существовать. Но мы живем в 1991 году. И если следовать урокам истории — любые споры о границах бессмысленны. Обе спорящие стороны могут найти в прошлом немало аргументов в свою пользу. Мы, как разумные люди, не должны спорить о границах. Мы должны обратить свои взоры в будущее и стремиться к сотрудничеству. В этом и есть главный урок истории».

После официальной части я спросил, не уделит ли

мне г-н Геншер еще немного времени для неформального разговора. Он охотно согласился. Должен сказать, в ходе многочасового общения я получил немало уроков от этого авторитетнейшего политика.

Меня поразило несколько его мыслей. Когда мы заговорили о демократии, я убедился, насколько скудны наши знания, наше понимание демократии. Размышляя об авторитете демократического государства, он высказал мысль, что мир признал Германию демократической страной, демократической ее политику, ее народ, когда Германия открыто принесла извинения всему миру за весь тот ущерб, который нанес ему фашизм. А сделать это было нелегко. В послевоенной Германии осталось большое количество тех, кто в военной форме по собственному убеждению или по принуждению служил под знаменами Гитлера.

Когда я бываю в Германии, я обязательно встречаюсь с Г.Д. Геншером, хотя он уже не является министром иностранных дел. Многому научил меня этот человек. И главное — я получил от него урок демократии не декларативной, а подлинной.

Наши отношения с Германией развиваются достаточно активно. В Казахстане с официальным визитом в апреле 1995 года побывал федеральный президент ФРГ Роман Герцог. Регулярные встречи с руководителями этой страны создают прочную основу взаимовыгодных отношений в различных областях. Только за 1994 — 1995 годы создано около 170 совместных казахстанско-германских предприятий, в республике работают представительства 57 крупных компаний ФРГ.

Казахстан в годы войны был местом расположения лагерей военнопленных. Я передал президенту ФРГ Р. Герцогу списки 7,5 тысяч немецких военнопленных, захороненных в Казахстане. Наше государство делает все возможное для продолжения работы по приведению в порядок их могил и установлению фамилий. Часто их родственники приезжают к нам в Казахстан, чтобы поклониться праху умерших...

Демократия для главы государства, особенно такого, как наше, вышедшего из тоталитарной системы, — прежде всего необходимость коренной ломки своих взглядов, стиля и методов руководства, самого образа мышления. Это — самопожертвование ради своего народа. Это — способность прислушаться к мнению людей, сделать их действительно свободными, способными высказывать все, что у них на душе, признание равноправия всех людей от рождения... Иногда это бывает трудно для руководителя, а иногда ему делают больно.

Вспоминаю, как после переговоров в Белом доме в феврале 1994 года мы вышли с У. Клинтонем к журналистам. Закончив с вопросами о казахстанско-американских отношениях, они стали спрашивать Клинтона, почему он не накажет японцев за неравноправную торговлю. Тогда он, повернувшись ко мне, вполголоса произнес: «Они (имея в виду, конечно, журналистов) убивают меня каждый день...»

Свобода и демократия — это величайшее благо. И если ты настоящий сын своего народа, то должен вопреки своему «я», в ущерб себе, политической карьере не только считаться с уже установившимися демократическими нормами, но и укреплять их, постепенно развивать и устанавливать новые и новые...

Г.Д. Геншера отличала хорошая физическая форма, он всегда выглядел моложе своих лет: стройный, исключительно работоспособный и жизнерадостный человек.

Как-то я его спросил:

— Вы спортом занимаетесь?

— Нет, я живу в собственном доме и каждое утро 30—40 минут сижу в сауне. Затем иду на работу. Это единственный спорт, который есть у меня в жизни.

— А я слышал, что каждый день в парную ходить вредно...

— Практика показывает, что для моего организма баня полезна.

Во время наших бесед Г.Д. Геншер говорил спокой-

но, не назидательно, делился своим огромным опытом и знаниями, как старший по возрасту. И вслушиваясь в его слова, в его интонацию, я невольно ловил себя на ощущении, что со мной говорит аксакал. Таким он мне и запомнился, Ганс Дитрих Геншер, патриарх в политике, передающий свой опыт.

На закате своей жизни К. Аденауэр говорил: «Я хочу, чтобы когда-нибудь в будущем, когда люди смогут видеть сквозь туман и пыль времени, обо мне сказали, что я выполнил свой долг». И я думаю, что о Гансе Дитрихе Геншере можно с полным основанием сказать, что он выполнил свой долг перед немецким народом.

Политиком мирового масштаба я считаю Франсуа Миттерана. Впервые мы встретились в 1991 году, когда состоялся визит М. Горбачева в эту страну. Переговоры проходили во дворце Рамбуйе. Миттеран показал себя вдумчивым и интересным собеседником. Тогда же я одним из первых руководителей республик получил приглашение для официального визита.

Интересно, что именно во Франции я впервые увидел огромное количество наших государственных флагов, на главной магистрали Парижа — Елисейских полях. Наш кортеж сопровождала конная национальная гвардия. Одетые в яркие мундиры 360 всадников представляли впечатляющее зрелище.

Франсуа Миттеран предложил мне подписать Договор о дружбе между нашими странами. Этот договор заложил прочные основы отношений между Казахстаном и Францией.

В Совете предпринимателей и промышленников, который возглавлял Жискара Д'Эстен, брат бывшего президента страны, я провел многообещающие переговоры. Речь шла о деятельности компании Элф Аки-тен на нефтегазовых месторождениях Актюбинской области.

В 1993 году Ф. Миттеран совершил ответный визит

в Казахстан. Он очень интересовался ситуацией в странах Содружества и постоянно подчеркивал, что развал СССР несет непредсказуемые последствия для Западной Европы. Его мысли во многом совпадали с моими. Он считал необходимым сохранить экономический союз между странами СНГ. А из экономики будут рождаться нормальная интеграция и стабильность. В этом Европа прямо заинтересована.

Ф. Миттеран поделился мыслями о развитии европейской интеграции. Он говорил, что конфедеративный союз государств Западной Европы — гарантия от возможных конфликтов, а основа этого объединения лежит в экономическом объединении. Естественно, что суверенитет государств при этом сохраняется.

Франсуа Миттеран — настоящий француз, галантный, жизнелюбивый, постоянно сохраняющий чувство юмора, несмотря на тяжелую болезнь и трудную политическую судьбу. Мне кажется, что это — отличительная черта французских политиков. Рассказывали, что однажды де Голлю доложили о намерении дискредитировать его соперника — Франсуа Миттерана.

— Нельзя ранить честолюбие человека, который однажды может стать президентом республики, — ответил генерал.

Миттеран — мужественный человек. Я согласен с оценкой французской газеты «Экспресс», которая писала: «Редко кому выпадал такой тяжелый конец президентства, как Миттерану. Болезнь, которую он мужественно переносит — рак простаты (две операции и химиотерапия). В марте 1993 года — самое серьезное поражение в истории парламентских выборов во Франции и развал левого лагеря, в чем обвиняют лично Миттерана.

... Его талант, его огромный талант состоит в том, что он всегда умеет точно определить свои цели и характер своих действий».

Франсуа Миттеран дал сильный импульс связям французских деловых кругов с Казахстаном. Уже сей-

час в нашей стране работают такие компании, как Элф Акитен, Тоталь, Газ де Франс, Кожема и другие.

В 1994 году, когда я готовился к визиту в США, получил его приглашение сделать остановку в Париже. Он всегда встречал меня в аэропорту, даже в самый сильный ливень. Лишь в тот раз он не смог этого сделать в связи с обострением болезни.

Уже после того как президентом Франции стал Жак Ширак, мы увиделись с Ф. Миттераном на праздновании 50-летия Победы во второй мировой войне. Во время парада союзных войск смогли поговорить. Я сказал ему: «Теперь у Вас больше времени. Мы будем всегда рады видеть Вас в Казахстане. Приезжайте...»

15 ноября 1995 года после встречи с Ж. Шираком я попросил сотрудников МИД Франции помочь мне встретиться с Ф. Миттераном. Из-за его тяжелой болезни эта встреча не состоялась. 8 января 1996 года его не стало. Весь мир хоронил этого выдающегося человека...

Отмечая огромное влияние на судьбу Франции и всего мира, которое оказал этот незаурядный политический деятель, единственный из французских президентов управлявший страной в течение четырнадцати лет, многие политики считают, что Ф. Миттеран займет в национальной истории XX века второе место после генерала де Голля.

И похороны этого великого француза — еще один пример человечности, скромности, которая присуща лишь лучшим сынам человечества. Согласно завещанию, они состоялись в его родном городе Жарнаке, в простой обстановке. Присутствовали только члены семьи и несколько близких друзей. Помпезных похорон не было, так как их не хотел сам Ф. Миттеран.

Хранитель двух святынь

Накануне месяца зульхиджжа исламского лунного календаря мусульмане со всех концов планеты отправ-

ляются в Мекку, чтобы совершить паломничество. Для меня визит в Саудовскую Аравию был не только деловой поездкой, связанной с установлением отношений с еще одной страной мира. Это был хадж в мир иной культуры, иного образа жизни.

Хадж — это утверждение единства всех мусульман, независимо от национальности и расовой принадлежности. Во время хаджа мусульмане произносят одну и ту же фразу: «Вот я пред тобой, о Аллах! Нет равного Тебе, слава и милость Тебе! Власть принадлежит Тебе! Нет равного Тебе!» Все обряды сохранены в том виде, в каком они были установлены пророком Мухаммедом. Внешний вид паломников соответствует указаниям пророка. Для мужчин это два несшитых куска ткани, обернутых вокруг туловища. Женщины оставляют открытыми только кисти рук и лицо.

Эпоха великих завоеваний халифов давно ушла в прошлое. Аравия погрузилась в стагнацию и была изолирована от мира. Вновь Саудовская Аравия заявила о себе, сотрясая западный мир, в октябре 1973 года. Именно в это время сплелись в один узел такие понятия, как нефть, политика и ислам. Впервые арабские страны заговорили о нефтяном эмбарго во время арабо-израильской войны. После того как президент США Р. Никсон 18 октября 1973 года санкционировал оказание Израилю военной помощи в размере 2,2 млрд. долларов, король Фейсал, дядя нынешнего монарха, принял историческое решение. 20 октября 1973 года все газеты мира опубликовали заявление о нефтяном эмбарго. Западная цивилизация оказалась перед катастрофой. Резко сокращалось число авиарейсов, запрещались поездки на автомобиле, останавливались лифты и системы отопления. Именно в это время был дан толчок новым ресурсосберегающим технологиям. Именно тогда арабские страны превратились в реальных и равноправных субъектов мировой политики. Начался процесс изменения взглядов Запада на создание Палестинской автономии. На Саудовскую Аравию обрушился поток денег, который стал основой модернизации страны.

В марте 1992 года в Саудовской Аравии были провозглашены три декрета — «Основной порядок правления в стране», «Порядок совета — Шуры» и «Порядок власти в провинциях». Наибольшее внимание привлекло создание Консультативного совета — Шуры. В него вошли 60 известных в стране людей не моложе 30 лет. Их подобрал король Фахд, который имеет право на реорганизацию и роспуск Шуры. Совет может высказывать мнение по вопросам государственной политики, планам социально-экономического развития, проектам законов и международных соглашений. Новый орган назван в декрете организационной властью. Это, однако, не парламент, поскольку не наделен законодательными функциями и подчинен королю, но совещательные prerogatives предполагают возможность его эволюции в парламентскую структуру. Местных комментаторов не смущает назначаемость членов совета. Они убеждены, что в странах, где нет политических партий, а население не имеет политического опыта, правящие круги лучше представляют, кто может быть полезнее для государства и общества. По их мнению, в случае проведения выборов в Саудовской Аравии там могут повториться парламентские коллизии, как это было в Алжире, что не пойдет на пользу стабильности.

В настоящее время Саудовская Аравия — один из военно-политических лидеров нефтедобывающих стран арабского мира. Между Саудовской Аравией и странами Запада существует тесное сотрудничество. Запад находится в долгосрочной зависимости от импорта нефти, испытывая также необходимость обеспечивать безопасность ее транспортировки. Военное присутствие стран Запада в течение определенного времени удерживало страны региона от усиления собственного оборонного потенциала, однако ирано-иракский конфликт и агрессия в Кувейт заставили арабские нефтедобывающие страны искать пути создания собственной мобильной системы безопасности.

Это стало особенно актуальным после того, как мир

в регионе оказался под угрозой иракской агрессии. В январе 1992 года монархи Саудовской Аравии, ОАЭ, Бахрейна, Катара, Кувейта и Омана в течение трех дней за закрытыми дверями обсуждали проблемы безопасности, взаимоотношения с Ираком, возможности экономической интеграции и помощи остальному арабскому миру. Король Саудовской Аравии Фахд бен-Абдель Азиз ас-Сауд считает, что нынешние военные структуры Совета, как впрочем и всех его участников в отдельности, не смогут защитить от новой агрессии. Совместный 10-тысячный корпус «Щит полуострова» оказался бессильным против армии Ирака. Оман выступил с предложением создать 100-тысячную армию с бронетанковыми войсками и авиацией. Кувейт выразил сомнения в том, что и такая армия сможет защитить страны Совета от внешней угрозы. Это под силу лишь мощным иностранным армиям. Саудовская Аравия отдавала предпочтение оборонительному соглашению, опирающемуся на собственные, а не иностранные силы. Сейчас численность всех армий государств — 160 тысяч человек, то есть выделение 100-тысячного контингента вряд ли реально. «Шестерка» одобрила принцип создания совместных сил сдерживания. Но осуществление этого плана станет возможным лишь после конкретизации таких вопросов, как цели общей армии, ее численность и состав. Министр иностранных дел Кувейта отметил, что в случае необходимости Совет может привлечь к обороне воинские контингенты Египта и Сирии.

Правящая династия Саудовской Аравии насчитывает свыше 5 тысяч принцев, а вместе с родственными кланами ее численность достигает 20 тысяч человек. Элиту династии составляют несколько десятков принцев — прямых потомков основателя королевства Абдель Азиза. Они занимают ключевые посты в армии, национальной гвардии, спецслужбах, тесно связаны с племенной верхушкой.

Нам была организована пышная встреча в Джидде, где приземлился самолет с казахстанской делегацией.

Джидда — современные ворота страны. Поселили в двенадцатизэтажной личной резиденции короля, которая была отдана в распоряжение нашей делегации, состоящей из 14 человек. Несказанная роскошь города производит сильное впечатление. Например, напротив моего окна бил освещенный со всех сторон фонтан высотой более ста метров. И это в центре аравийской пустыни!

В 11 часов вечера началась наша встреча с королем Фахдом ас-Саудом. Предварительно сообщили, что монарх болен и попросили ограничиться 30—40 минутами. Но беседа затянулась до двух часов ночи. Меня поразила искренняя и глубокая вера Фахда в Аллаха. Это — вера не по должности, не по политическим или иным мотивам, а основа мировоззрения человека и короля. Думаю, что справедливо король Фахд носит еще один титул — Хранителя двух святынь. Первая святыня — единственный дом Аллаха на земле Кааба, построенный по его личному указанию пророком Ибрагимом в Мекке. Вторая — могила Мухаммеда в Медине.

Я коротко познакомил короля с историей нашего государства, историей возникновения и процессом возрождения исламских традиций в Казахстане. Фахд оказался хорошо осведомленным человеком. Я был приятно удивлен тем, что саудовский монарх детально представляет себе наши проблемы и знает о Казахстане много больше других политиков.

Фахд обладает глубочайшими знаниями не только канонов ислама, но и свободно оперирует проблемами мировой политики и экономики.

Мы обсуждали вопрос о роли религии в XXI веке. Если две самые массовые религии в мире — христианство и ислам — не найдут общего языка и будут конфликтовать, то нет надежды на мирное развитие всего человечества. Я спросил короля, не считает ли он, что мировой экстремизм испытывает прочность отношений ислама и христианства в Югославии? Как не допустить этого? Незадолго до нашего разговора папа Иоанн Павел II пожаловался мне, что исламское духо-

венство не идет на диалог, а в исламских государствах христианам вообще не позволяют заниматься миссионерской деятельностью. В то же время рост ислама на Западе очевиден, и Ватикан не стремится вводить какие-либо ограничения.

У короля Фахда как лидера исламского мира по этому вопросу — твердая позиция. Дело в том, что ислам имеет три главные святыни, две из которых расположены в самой Саудовской Аравии. Король Фахд заявил: «Мы еще не вернули третью святыню. В Иерусалиме есть мечеть Аль-Акса, где ступала нога пророка. Это третья святыня, за которую мы боремся. Когда мусульманский мир получит эту святыню, наступят благоденствие и расширение мусульманского мира. Придет новая эра для мусульман. Этого от нас Аллах ждет. И мы это делаем. Пока христианство сопротивляется возвращению нам этой святыни, мы не можем пойти на расширение контактов».

После юридического закрепления кнессетом Израиля аннексии восточной части Иерусалима Чрезвычайная конференция министров иностранных дел государств — членов Организации Исламская конференция приняла решение о создании Исламского бюро по бойкоту Израиля. В связи с начавшимся XV веком хиджры встреча на высшем уровне в Ат-Таифе (январь 1981 года) приняла «Воззвание Мекки». Тогда еще принц Фахд заявил: «Исламский мир должен быть хозяином своей судьбы, защищенным от давления сверхдержав, которые преследуют свои интересы, часто не совпадающие с нашими, как это видно на примере Афганистана и Израиля». По вопросу об Иерусалиме и Палестине участники совещания решительно потребовали полного и безоговорочного вывода израильских войск со всех оккупированных территорий, в том числе из арабской части Иерусалима. Во время конференции принц Фахд осуществил превращение Иерусалима в международный город, одобренное Ватиканом, и призвал всех христиан поддерживать такую инициативу мусульман. Современные со-

бытия еще раз показывают, что исламский мир никогда не согласится с утратой этой святыни.

Во время нашей беседы король высказал интересную мысль. Арабский полуостров — одна из величайших пустынь мира. Бедные кочевники, бедуины, жившие в этих песках, не думали, что Аллах даст такое сказочное богатство, как нефть. Аравийцы считают, что Всевышний прятал сокровища до тех пор, пока не пришло освобождение от британского владычества.

Мне показалось мистикой, но когда я вышел из апартаментов короля, принц Султан сообщил, что по его данным на севере Аральского моря есть огромные запасы нефти. У нас таких сведений тогда не было. Совсем недавно эта информация подтвердилась. Конечно, саудовцы располагают новейшими данными на основе космической съемки и современных технологий определения перспективных месторождений. Но в тот момент, мне кажется, саудовцы сообщили об этом мне «кстати» именно после беседы с королем.

С уходом колонизаторов Аллах дал арабам богатства в награду за верность и страдания на протяжении десятков лет угнетения. Поэтому сегодня династия Саудов идет на любые расходы, чтобы отблагодарить Всевышнего. По некоторым оценкам, строительство главной мечети в Мекке обошлось в десятки миллиардов долларов. Из них около половины — на покупку земли у арабских племен. И действительно, это сооружение — новое рукотворное чудо света.

Территория в несколько сотен гектаров покрыта белым мрамором. Здесь имеют возможность одновременно молиться два с половиной миллиона человек. Двухэтажная мечеть со всех сторон открыта. Невозможно перечислить все технические достижения, которые использованы здесь для блага и удобства молящихся. В раскаленной пустыне на открытом пространстве всех молящихся обслуживают кондиционеры. Ежегодно тратятся сотни миллионов долларов, чтобы принять паломников, обеспечить их пищей и жильем.

Постоянную финансовую помощь король оказывает святыням Мекки и Медины. Реконструкция мечети Харам в Мекке и Аль-Набауи аль-Шариф обошлась Саудовской Аравии более чем в 4 млрд. долларов. Более 1 млрд. долларов направлено на совершенствование инфраструктуры и благоустройство святынь.

... Я сказал королю о своем желании совершить хадж. Правда, сейчас не его время, но я хочу совершить омиру. И произошло невероятное. Узнав, что я совершаю хадж впервые, король распорядился разрешить мне войти внутрь Каабы. Министр по делам религии Вакуф даже с места соскочил:

— Ваше Величество, но Кааба сейчас на ремонте!

Король промолчал.

— Но мы не смогли туда допустить даже глав исламских государств...

Король коротко ответил:

— Я вам сказал...

Министр поклонился.

Король Фахд проводил меня до автомашины, прощаясь, пригласил совершить полный хадж в месяц паломничества мусульман.

Затем нам с Сарой Алпысовной и младшей дочерью Алией подробно рассказали, как совершить обряд. Вооружившись такими инструкциями, мы отправились в путь. Выехали в 9 часов вечера. Около полутора часов заняла дорога от Джидды до Мекки. На въезде в Мекку — огромная арка, пропускной пункт. Проверяют, кто едет.

При строительстве мечети использовали все самое современное, что существует в мире. Король так и распорядился — самое лучшее, что есть на свете, должно быть использовано в этом сооружении. Вообще не поддается оценке, во что обошлось строительство подземной террасы протяженностью в 7 километров в Медине. Прямо под мечетью Мухаммеда в Медине — подземная автостоянка на 2,5 тысячи легковых машин.

5 тысяч человек одновременно могут совершить омовение.

Еще в гостинице перед выездом в Мекку надели ихрам. Нас привезли к 12 часам ночи, когда паломников было немного. Специально для нас открыли мечеть. Меня охватило непередаваемое волнение.

Один из первых обрядов хаджа — таваф, семикратный обход Каабы. Кааба находится в центре главной мечети мусульманского мира Масджид ал-Харам. Глядя на ее высеченные из белого мрамора минареты, подсвеченные ночью зеленым светом и уходящие прямо к звездам, поневоле приходишь к мысли, что все это не может быть создано руками человека, лишь Аллах мог сотворить подобную красоту. Масджид ал-Харам одновременно вмещает около миллиона верующих. Возле Священного Камня днем и ночью людской водоворот. Верующий на пути к нему должен бросить камень в столбы, символизирующие дьявола. Но сначала нужно пройти между двумя горами семь раз, выпить воду из священного источника Зам-зам.

Поклонение углам Каабы связано с тем, что мусульмане мира, живущие в разных уголках планеты, совершают молитвы и жертвоприношения в сторону Каабы. Если умирает мусульманин, то его хоронят головой в сторону Мекки.

Сам небесный камень отполирован руками миллионов паломников, в течение веков совершавших хадж. Как и положено, я семь раз обошел Каабу и дважды поцеловал черный камень.

Кульминацией хаджа является вукуф — стояние у горы Арафат. В полдень главный имам Мекки читает проповедь. Во время ежедневного пятикратного намаза улицы пустеют, магазины и кафе закрываются, и полиция следит за этим.

Внутри Каабы и снаружи шли ремонтные работы, для нас поставили помост. По специальному разрешению короля мы вошли внутрь Каабы. У меня было такое состояние, как будто нахожусь между небом и землей.

А сверху будто бездонное небо, даже звезды иногда мерещатся. При входе справа стоит белобородый мулла, который читает Коран. Это одна из священных книг, которые по преданию упали с неба, листы ее из золота. В середине стоит столб черного камня. Все остальное я не помню, слишком сильным было впечатление.

Мне разрешили остаться там сколько понадобится. Король Фахд объяснил, что можно обратиться к Аллаху с просьбами, которые он непременно выполнит, если не сейчас, так потом. Меня часто спрашивают, что же я просил. Видит Бог, прежде всего я просил благоденствия моей стране, народу, казахам моим. Я не знаю, сколько мы там находились, нет счета времени, проведенному у святых.

Было уже достаточно поздно. Но при выходе все же мы встретили группы паломников, которые падали ниц.

Потом была поездка в другой священный для мусульман город Медину. Вновь остановились в резиденции короля Фахда. Здесь находится мечеть пророка Мухаммеда, где он похоронен. Здесь же покоятся первые халифы. Сама мечеть огромна, рассчитана на миллион человек. Крыша над ней разводится. Если люди хотят молиться под открытым небом — пожалуйста. В дождь — закрывается. Специалисты из ФРГ сделали шатры, которые раскрываются, как цветок. Пока совершали молитвенные обряды, позвонил король Фахд и разрешил мне войти внутрь склепа. Могила Мухаммеда находится за золотыми решетками. Но войти можно только в час ночи. Раз в год сюда входит король, иногда в сопровождении самого выдающегося ученого-теолога, и совершает молитву.

Пришли несколько мулл, и каждый своим ключом открыл свой засов. Как только я вошел, двери тут же закрылись. Меня сопровождал специальный священнослужитель. Над могилой Пророка — огромное зеленое полотнище, уходящее в небо. Рядом покоятся его преемники Абу-Бакр, Омар, Осман. И начинаешь: «Ассалам алей-

кум, Мухаммед». Затем обращаешься к каждому из последующих.

В тот день было ясное небо. Стоял сухой период, когда дождей не бывает. Но через час после того, как мы вышли из усыпальницы Пророка, пошел такой мощный ливень, что вода потоком лилась по мрамору мечети. Все арабы были потрясены, упали на колени и стали молиться. Смотритель, мулла, который сопровождал меня к гробнице Пророка, сказал: «Это хороший знак. Мухаммед услышал вашу молитву, потому что дожди в этих местах обычно начинаются только через два месяца».

Король Фахд сделал мне несколько подарков. Это макет мечети Мухаммеда из платины и золота. Хотел передать его в музей, но, к сожалению, никто не гарантировал безопасность хранения столь ценного подарка. Он теперь находится в официальной резиденции президента Казахстана. Но был еще более ценный подарок — часть покрывала Каабы с золотой надписью, упакованный в специальный чемоданчик. Это высшая награда, которую может получить мусульманин.

Естественно, были и встречи с деловыми людьми, новые экономические соглашения и договоры. Меня поражали самый современный уровень их технической оснащенности, высокая культура и грамотность. Все они окончили самые престижные учебные заведения Запада.

Посещение исламских святынь заставило меня по-новому взглянуть на роль и место религии в современных процессах. Наверняка ближневосточный регион своеобразен в этом плане. Здесь родились три мировые религии — христианство, ислам, иудаизм. Они имеют общие корни и общую историю. Не случайно Коран не делает различия между пророками Мухаммедом, Моисеем, Иисусом. Коран призывает верить всем откровениям. Сам же Мухаммед считал, что он вложил последний камень в стену, сложенную другими. Содержательно ислам носит объединяющий харак-

тер. С точки зрения Мухаммеда, все религии отражают единую веру. Ни одним своим утверждением он не отрицал откровения других. Ислам всегда был терпимой религией. В исламских странах всегда соседствовали представители различных конфессий. И мне кажется, настала пора искать в религии не противопоставление людей друг другу, а объединяющие начала. Ведь все религии мира основываются на единых принципах, простых и понятных для людей всего мира. Превращение религии в инструмент проповеди насилия и гонений — не от Бога, который внутри нас, а от политиков.

Главной целью моего визита было привлечение средств и опыта Саудовской Аравии в экономику Казахстана. Началось оживление наших экономических связей.

В октябре 1995 года в Нью-Йорке на 50-летию ООН я встретился с принцем Султаном — родным братом короля и руководителем правительства. Это была встреча добрых знакомых. Он сказал мне, что саудовская сторона подробно изучила мои предложения, и вскоре по заданию короля Фахда министр иностранных дел с большой группой деловых людей прибудет в Казахстан для заключения контрактов.

В ноябре того же года в Париже на 50-летию ЮНЕСКО подошел ко мне рослый араб и стал очень страстно и долго говорить. Переводчик сказал, что это принц Талал. Он говорил, что восхищается проводимой Казахстаном политикой и давно хочет со мной познакомиться. Сожалеет, что его не было, когда я совершал визит в его страну. Главное — говорил о том, что король и его окружение постоянно помнят обо мне и говорят о необходимости налаживания тесных контактов между нами. Нам еще предстоит укреплять взаимовыгодные отношения с арабскими странами. И тогда земля счастливой Аравии станет нам еще ближе.

Каспийский сосед

Строя свои международные отношения, мы учимся исходить прежде всего из национальных интересов, определять наиболее оптимальные способы взаимодействия со всеми странами мира и международными организациями. Иногда двусторонние отношения стран, которые одинаково важны для Казахстана, складываются непросто. Существует немало способов принудить нас к проведению определенной политики, даже предпринимаются меры прямого давления. Но Казахстан как миролюбивая страна, стремящаяся к сотрудничеству со всеми государствами мира, а только в этом наш шанс выйти из кризиса, не может замыкаться в своей внешней политике лишь на одной группе государств.

Наш южный сосед — Исламская Республика Иран. Со времен Исламской революции непросто складывались отношения западного мира и Советского Союза с этой страной. Для нас Иран всегда будет стратегически важным внешнеполитическим партнером. Во-первых, это прикаспийское государство, без которого невозможно решение вопроса об эксплуатации моря и его полезных ископаемых. Во-вторых, иранское направление — это один из перспективных вариантов выхода нашей продукции на мировой рынок. Это еще одно окно в мир. В-третьих, это государство было и остается авторитетнейшим, ключевым участником экономического и политического процесса в регионе и исламском мире.

У Ирана была своя модель модернизации, которая дала неожиданный результат. Шахский режим, который пытался провести модернизацию страны по сценарию прямого переноса чужих рецептов на национальную почву, столкнулся с непредсказуемыми социально-политическими и экономическими последствиями.

Ускоренная модернизация на фоне нищеты основной части населения привела к крайней неравномерности развития страны. В середине 70-х годов резко проявились дефицит платежного баланса и инфляция, что привело к дальнейшему обнищанию большинства простых граждан.

Политика модернизации должна была способство-

вать возникновению новых социально-экономических укладов, приходящих на смену традиционным. Но такой постепенной замены не произошло. Эта политика привела к возникновению государственно-монополистических общественно-экономических структур, вокруг которых концентрировалась небольшая группа коррумпированных чиновников и близких к ним бизнесменов. В результате реформы происходила не смена традиционных укладов современными, а их разрушение без альтернативы для миллионов иранцев, теряющих работу и свою собственность. Программа социальной модернизации обернулась кризисом оснований иранского общества и появлением миллионов людей, не имеющих перспектив и надежд в будущем. Это привело к формированию в обществе настроений «обманутых надежд».

Аграрная политика шаха Мохаммеда Реза Пехлеви, которая вначале предоставила земельные наделы крестьянам, закончилась их экспроприацией крупными сельскохозяйственными компаниями. Начались активная миграция в города и формирование люмпенизированных слоев городского населения.

«Белая революция» шаха подрывала и всевластие духовных пастырей. Аятолла Хомейни поднял в Куме бунт, который был подавлен. Организаторы мятежа были высланы из страны, а будущий президент Рафсанджани брошен в числе других последователей аятоллы в тюрьму. Ломка сознания, навязывание иных жизненных и мировоззренческих стандартов, в том числе распушенность нравов, наркомания, проституция, вызывали психологическое отторжение правящего режима. Иранцы были готовы к активному сопротивлению такому варианту модернизации и искали лидеров. Шиитские священнослужители смогли возглавить антишахское, антиимпериалистическое движение и взять власть. Вооруженное восстание в феврале 1979 года подвело черту под шахским правлением.

Иран взял курс на построение Исламской Республики...

Президент Ирана Али Акбар Хашеми-Рафсанджани несколько раз присылал приглашения посетить эту

удивительную страну. Неоднократно к нам приезжал министр иностранных дел Велаяти.

Мой первый официальный визит в Иран состоялся 31 октября 1992 года. Должен честно сказать, что мировая пресса длительное время представляла это государство как оплот средневековой реакции, стремящийся восстановить традиции средневековых агрессивных теократических государств. Нас много раз пугали исламской атомной бомбой, ростом исламского фундаментализма. Это, кстати, наложило отпечаток на политику Запада по отношению к государствам СНГ. Их поначалу также быстро разделили на исламские и христианские. Такие стереотипы весьма живучи в общественном сознании, а некоторые их создатели, как мне кажется, сами начинают в них верить.

Не скрою, что эти стереотипы сыграли свою роль в формировании моего отношения к этой стране. Но реальность оказалась совсем иной.

Были проведены переговоры с руководителем Ирана аятоллой Хомейни и президентом Али Акбаром Хашеми-Рафсанджани. Мы подписали Декларацию о взаимопонимании и сотрудничестве между Республикой Казахстан и Исламской Республикой Иран, соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между правительствами наших стран. Была создана совместная межправительственная комиссия по торгово-экономическому, промышленному и научно-техническому сотрудничеству.

Президент Ирана Хашеми-Рафсанджани устроил теплый прием. Изучение предварительных материалов, которые мне подготовили к этому визиту, а в большей степени личные впечатления показали, что руководитель государства очень стремится изменить представление мира об Иране в позитивную сторону.

В первую очередь мы настаивали на развитии экономического сотрудничества. Мы договорились о транспортировке через Каспий до пяти миллионов тонн казахстанской нефти в Северный Иран взамен продаваемой через южные порты иранской нефти. Договорились о строительстве и соединении железнодорожных путей через

Туркменистан и выходе в Персидский залив. Планируется пустить эту дорогу уже в 1996 году. От нее же можно провести ветку к Босфору и в Южную Европу.

Во время визита я увидел новый и древний Иран. На острове Кеш в Персидском заливе посетил бурно развивающуюся зону свободной торговли. Остров — средоточие магазинов, складов, куда стекаются товары со всего мира.

Традиции Исламской революции хранят аятолла Сейед Али Хомейни и многочисленные муллы. Меня поразили скромность этих людей и их искренняя вера в идеалы Исламской революции.

Мы побывали в Мешхеде, где находится могила восьмого халифа. На меня произвели большое впечатление огромные размеры и богатство отделки мечети. Золотой прокат кладется прямо на купола. У могилы имама Резы я воочию увидел проявления религиозного экстаза. Люди на коленях приближаются к гробнице святого, обнесенной золотой решеткой, и со слезами на глазах целуют каждый кусок этого ограждения. Раздаются невнятные крики, обрывки молитв, вокруг горящие глаза верующих.

В этой стране идут сложные преобразования. Я думал о нелегкой миссии президента Хашеми-Рафсанджани, который балансирует между реформой и необходимостью учитывать традиции. Как прагматик, он хочет найти общий язык с Западом и Востоком, прорвать экономическую изоляцию страны. Рафсанджани принадлежит к той части иранского руководства, которое исходит не только из положений Корана и заветов Хомейни, но и прагматизма. Так, например, во время его визита в Казахстан в октябре 1993 года он заявил, что Иран не ставит своей целью навязывать новым независимым государствам Центральной Азии исламскую идеологию. Только лишь при наличии официальной просьбы о помощи в области религии Иран может рассмотреть этот вопрос.

За время, прошедшее после Исламской революции, мировоззрение президента Ирана изменилось. Он стал инициатором важнейшего решения для судеб региона — прекращения ирано-иракской войны. 15 июня 1988 года

Рафсанджани поставил на карту свою политическую карьеру, когда в течение нескольких часов убеждал аятоллу Хомейни покончить с бессмысленной войной. Это был, несомненно, большой риск для политика, поскольку в руководстве и части общества царило убеждение в необходимости вести войну до победного конца, а для Хомейни решение о прекращении войны было равносильно «принятию яда».

В 1989 году прошли одновременно выборы президента и референдум о поправках в Конституцию. За Рафсанджани проголосовало 94,5 процента избирателей. Основное содержание поправок в Конституцию — ликвидация поста премьер-министра; возложение на президента формирования правительства и руководство его работой. Таким образом, Рафсанджани получил почти неограниченную власть. В назначенный им кабинет министров (22 человека) вошли только 12 членов старого правительства.

За время руководства правительством Рафсанджани удалось начать приватизацию ряда предприятий, отменить контроль за ценами и ограничения на вывоз капитала, восстановить свободный рынок валюты, создать свободные торгово-экономические зоны. Меры по либерализации экономики, совпавшие с повышением цен на нефть, позволили стране уже за два года преодолеть кризисное сокращение производства.

Наши отношения с Ираном строились, естественно, не на религиозном факторе. У нас есть ряд общих проблем — урегулирование вопроса о статусе Каспия, взаимная торговля, развитие транспортных коммуникаций. С другой стороны, мы ощущали заинтересованность иранских партнеров в расширении контактов с внешним миром, в том числе и с Казахстаном. Только с этим они связывают надежды на выход из экономического кризиса и полномасштабное восстановление разрушенной войной экономики.

Война принесла губительные последствия для экономики Ирана. На ее восстановление необходимо 300 — 500 миллиардов долларов. Предполагаемые

доходы от нефти и нефтяного экспорта оцениваются в 16—17 миллиардов в год, из которых 10—11 идут на оборону, поддержание действующей промышленности и импорт продовольственных и потребительских товаров. Таким образом, для восстановления экономики собственными силами потребуется 50 — 100 лет. Поэтому необходимы привлечение крупного иностранного капитала, закупки импортного оборудования и приглашение иностранных специалистов. По Конституции Исламской Республики Иран иностранные займы и капиталовложения в экономику были запрещены либо ограничены. В 1990 году под давлением Рафсанджани меджлис согласился включить в статью 29 Закона о пятилетнем плане положение об использовании 27 миллиардов долларов из-за рубежа. Тем самым фактически был снят конституционный запрет на использование иностранного капитала.

В целях развития взаимовыгодной торговли нами было принято решение об активизации морских перевозок через наш порт Актау. В Казахстане прошло несколько иранских торгово-промышленных выставок...

Анализ развития Ирана, как и других государств «преждевременной модернизации» (пусть простят меня ученые за введение такого понятия), позволят сделать вывод: что ускоренное реформирование традиционного общества может задержать его прогресс. Более того, происходят подрыв существующей цивилизации, разрушение ее корней. Без них крона не выдерживает искусственно привитых ветвей.

Модернизация должна опираться на внутренние основания и побудительные мотивы хотя бы части ведущих слоев общества, расширяющих ее социальную базу. В противном случае в обществе, экономике, а в конечном счете в политике происходит резкая поляризация. «Преждевременная модернизация» может и подорвать внутреннюю готовность общества к реформированию, задержать его развитие на долгие годы.

В месяц цветения сакуры

Восток — это целый мир цивилизаций. И здесь особое место принадлежит Японии — лидеру азиатской модернизации, стране, которая указала путь остальным государствам азиатской части Тихого океана. Сегодня все прекрасно осознают, что эта часть мира сулит значительное расширение экспорта для высокоразвитых стран. Это так называемые новые крупные рынки, к которым относятся в азиатской части мира Китай, Индонезия, Южная Корея, Индия, Турция. Новые крупные рынки станут ареной конкурентной борьбы. Уже сегодня 60 процентов американского экспорта, составляющего 270 миллиардов долларов, идут в страны региона. В ближайшие 50 лет азиатский континент, возможно, превзойдет в экономическом плане Европу и США, вместе взятых. Более того, прогнозируют, что уже к 2000 году 75 миллионов азиатских семей будут иметь ежегодный доход, равный доходу среднего американца.

Мой официальный визит в Страну восходящего солнца состоялся в апреле 1994 года. Я поставил перед собой несколько задач. Нужно было договориться о размещении в Казахстане производственно-экономических площадок для веера японских товаропотоков по всей Азии. Казахстан должен стать опорной страной для вхождения японского капитала в Центральную Азию, тем более что у нас к тому времени были все основания претендовать на такую роль. У нас есть сырье, соответствующие законы, высокий образовательный уровень народа. С решением вопроса о собственности на землю и дополнительных гарантиях на деятельность иностранных компаний Казахстан может стать плацдармом проникновения Японии на рынки стран СНГ, Западного Китая, Ирана и Турции. Я предложил создать совместную комиссию и проработать все эти вопросы. В ходе переговоров также рассматривались прокладка нефтепровода Западный Казахстан—Кумколь, идея газопровода Средняя Азия—Казахстан—КНР—Япония.

Кроме того, мне нужно было прозондировать отношение Японии к идее азиатского Общего рынка и СВМДА.

Я пытался довести до японского руководства мысль о том, что проблему урегулирования конфликтов в Азии можно решить только совместно, путем объединения усилий всех заинтересованных сторон. Ключ к решению этого вопроса — в азиатской интеграции.

Эти проблемы обсуждались не только с руководителями правительства Японии, но и с императором Акихито. В огромном мегаполисе Большого Токио находится резиденция японских императоров. Они ведут свое происхождение от богини Аматерасу и считаются самой старой династией в мире. Японский император — это символ нации, ее единства. До поражения во второй мировой войне тезис о божественном происхождении династии был государственным постулатом.

Резиденция императора Акихито — очень тихий и зеленый уголок. После каменных мешков Токио — это поистине райское место. Японцы гордятся развитием своей страны, но постоянно приходилось слышать их сетования на то, что они расстались с природой и теперь живут среди бетона и стекла.

Был месяц цветения сакуры — еще одного символа Японии. Нам сказали, что это удачный знак. У ворот дворца нас встречал сам император Акихито с супругой. Мы вошли в покои, и началась неспешная беседа. Во дворце царила абсолютная тишина.

Я поднял проблему азиатской интеграции, тем более что Япония могла бы занять в этом объединении лидирующее положение. Император сказал: «Я Вас понимаю, это действительно общая мечта, чтобы в Азии все жили спокойно». Затем он перешел к рассказу о своеобразии японского пути. Император Акихито обратил внимание на то, как различны народы Азии, их менталитет, восприятие природы, мира. Сможем мы ставить вопрос об объединении столь разных народов и государств?

Тогда я стал говорить о том, что объединяет народы. Ведь очень много схожего между японцами и казахами. Мы любим свои традиции, почитаем родителей и предков, смотрим на схожие горы, почитаем огонь, природу.

Уважение к традициям и стремление к развитию — вот что делает нас похожими.

У нас схожие беды. Япония пострадала от атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки, Казахстан стал жертвой ядерных испытаний. Возрождение и мобилизация национального духа — главные цели Японии в трудные послевоенные годы. Такие же задачи стоят и перед Казахстаном.

Император согласился с тем, что необходимо объединять усилия всех государств Азии. Но делать это нужно постепенно...

Другой тип ускоренной модернизации азиатской страны — Южная Корея. Она продемонстрировала пример того, как именно государство создает условия для развития основ рыночной экономики, свободного предпринимательства и добросовестной конкуренции. Именно в Корее государство стало фактически основным мозговым центром, который регулирует формирование рыночной среды и обеспечивает динамизм и устойчивость экономического роста.

В Южной Корее государство играло и играет основную роль в формировании динамичной и устойчивой рыночной модели народного хозяйства. Эта ведущая роль отражена в Конституции, которая констатирует: «Государство регулирует и координирует экономическую жизнь», что фактически закрепило государственное вмешательство во все без исключения сферы народного хозяйства.

До поездки в Южную Корею я пригласил в Казахстан президента Сингапура Ли Куан Ю. Эта встреча имела для меня огромное значение. Возглавляя в течение 40 лет Сингапур, он сделал его процветающим государством с высоким уровнем жизни, чистой окружающей средой, стабильной политической и международной ситуацией.

Умело используя выгодное географическое положение, Ли Куан Ю много сделал для строительства портов, терминалов, современного аэропорта. А начинали они фактически с нуля, с хаоса, неразберихи. Для нас важен такой опыт.

Ли Куан Ю пробыл у нас неделю. Он прочитал множество лекций, в том числе в Аппарате Президента, Кабинете министров, Верховном Совете, Казахском университете и т.д. Мне запомнились, как заклинание, его слова о том, что нужно создавать систему свободной и конкурентной экономики, развивать конкуренцию не только между фирмами, но и внутри них. Ли Куан Ю, руководитель Сингапура, вышедшего из состава Малайской федерации, подчеркивал необходимость сохранения союза республик. Он понимал, что разрыв будет очень сложным.

Ли Куан Ю дал и несколько практических советов по разрешению экономической ситуации, предложил, как эффективно использовать прежние связи и устанавливать новые. Он говорил, что в условиях внутриконтинентального положения Казахстана необходимо развивать систему воздушных грузоперевозок, открывать наши аэропорты для иностранных судов, закупать самолеты западных фирм. Это совпадало с моими планами развития авиaperевозок. Для этого мы уже приобрели самолеты Ил-76 и «боинги».

Учиться никогда не поздно, а тем более у таких людей, как Ли Куан Ю.

За океаном

Дэниэл Бурстин писал в своем трехтомнике «Американцы»: «Быстрый рост придавал людям и общинам, городам и правительствам свойства, неведомые в Старом Свете. Быстро выросший город, основанный и построенный живущим в нем поколением, не имел памятников прошлого. Им владели мнимое величие настоящего и долг перед будущим. Само существование города-выскочки — города нового типа зависело от способности привлекать к себе свободных скитальцев. Сила древних метрополий про-израстала из неспособности или нежелания населения покидать их. Города же Нового Света зависели от вновь формирующихся чувств верности и энтузиазма — поверхностных и легко переносимых на новую почву».

Отличие этой цивилизации, по мнению Д. Бурстина,

которое трудно оспорить, заключалось в том, что «Америка росла в поисках общины. В период между Революцией и Гражданской войной юная страна преуспела не в находках, но в поисках. И процветала она не благодаря совершенству избираемых путей, а благодаря их гибкости. Она жила в постоянной надежде, что новый день принесет что-то новое, что-то, может быть, лучшее, чем сегодня. Побочным продуктом поисков путей к человеческому общежитию стала новая цивилизация, сила которой основывалась не столько на идеализме, сколько на готовности довольствоваться чем-то более скромным, нежели искомый идеал. Американцы были вполне удовлетворены тем, что все росло и развивалось. Когда-нибудь прежде человек возлагал столько надежд на неизведанное?»

Впервые я посетил США в июле 1990 года. Это был деловой визит президента Казахской ССР. Делегация посетила Нью-Йорк, Вашингтон, Сан-Франциско, Лос-Анджелес, Новый Орлеан.

Я встретился тогда с советником президента по вопросам национальной безопасности Скаукрофтом, его заместителем Гейтсом, заместителем госсекретаря Иглбергером, советником госсекретаря Зоэликом, сенаторами Дулом, Брэдли, Лугаром, конгрессменами Доуни, Эспином. Тогда начались контакты с компанией «Шеврон».

В программу визита не входила встреча с руководством США. Мне особенно запомнился один из крупнейших политиков Америки лидер республиканцев в Сенате США Роберт Доул. Он очень интересовался развитием многопартийности, прощупывал мое отношение к самостоятельности республики, подробно расспрашивал о том, насколько популярен в Казахстане М. Горбачев. Р. Доул передал извинения президента Дж. Буша за то, что он не может со мной встретиться и выразил надежду, что мы увидимся в начале сентября в Москве.

Так и получилось. Мое знакомство с президентом Дж. Бушем произошло в Москве во время его визита в СССР. Я был включен в состав делегации Советского Союза. Дж. Буш очень интересовался ходом переговоров с компанией «Шеврон» по Тенгизу. Он откровенно

сказал, что как президент не должен заниматься проблемами бизнеса, но поскольку присутствует Н. Назарбаев, есть смысл узнать ситуацию. Я подробно рассказал о наших планах по развитию этого крупнейшего нефтяного месторождения с помощью американской компании. Он очень удивился тому, что я досконально владею вопросом. А как же не знать, когда в этом кровный интерес Казахстана? Мы тогда спорили о распределении квот. «Шеврон» настаивал на 35 процентах прибыли. Но в конце концов я добился снижения до 19 процентов.

Сделаю небольшое отступление. 30 июня 1993 года посол США в Казахстане У. Кортни передал мне специально оформленную копию текста выступления сенатора США Ричарда Лугара, в котором была дана высокая оценка развитию Казахстана: «Казахстан — еще одна страна, развитие которой внушает оптимизм.

Казахстанцы известны своим прагматизмом и хорошими межнациональными отношениями. Существенный прогресс сделан на пути к демократии и рыночной экономике...

Что из себя представляют достижения Казахстана? Казахстан был первым государством, ратифицировавшим летом прошлого года чрезвычайно важный Договор об ограничении стратегических вооружений (ОСВ-1). В экономическом плане несколько недель назад Казахстан подписал соглашение о создании совместного предприятия с Шеврон Ойл, одной из крупнейших американских нефтяных компаний. Совместное предприятие обещает быть самым крупным на территории бывшего Советского Союза и наибольшим зарубежным капиталовложением компании Шеврон».

На вечерний прием в американское посольство были приглашены кроме участников переговоров все демократические лидеры. Присутствовали президенты М. Горбачев, Б. Ельцин. Для меня было совершенно непонятным то, что все поднимали тосты за американского президента, за американскую демократию, но никто — за президента СССР и нашу страну. Когда мне дали слово, я счел своим долгом поднять тост за всех присутствующих. И дело не в том, что я квасной патриот. Всегда и везде я

которое трудно оспорить, заключалось в том, что «Америка росла в поисках общины. В период между Революцией и Гражданской войной юная страна преуспела не в находках, но в поисках. И процветала она не благодаря совершенству избираемых путей, а благодаря их гибкости. Она жила в постоянной надежде, что новый день принесет что-то новое, что-то, может быть, лучшее, чем сегодня. Побочным продуктом поисков путей к человеческому обществу стала новая цивилизация, сила которой основывалась не столько на идеализме, сколько на готовности довольствоваться чем-то более скромным, нежели искомый идеал. Американцы были вполне удовлетворены тем, что все росло и развивалось. Когда-нибудь прежде человек возлагал столько надежд на неизведанное?»

Впервые я посетил США в июле 1990 года. Это был деловой визит президента Казахской ССР. Делегация посетила Нью-Йорк, Вашингтон, Сан-Франциско, Лос-Анджелес, Новый Орлеан.

Я встретился тогда с советником президента по вопросам национальной безопасности Скаукрофтом, его заместителем Гейтсом, заместителем госсекретаря Иглбергером, советником госсекретаря Зоэликом, сенаторами Дулом, Брэдли, Лугаром, конгрессменами Доуни, Эспином. Тогда начались контакты с компанией «Шеврон».

В программу визита не входила встреча с руководством США. Мне особенно запомнился один из крупнейших политиков Америки лидер республиканцев в Сенате США Роберт Доул. Он очень интересовался развитием многопартийности, прощупывал мое отношение к самостоятельности республики, подробно расспрашивал о том, насколько популярен в Казахстане М. Горбачев. Р. Доул передал извинения президента Дж. Буша за то, что он не может со мной встретиться и выразил надежду, что мы увидимся в начале сентября в Москве.

Так и получилось. Мое знакомство с президентом Дж. Бушем произошло в Москве во время его визита в СССР. Я был включен в состав делегации Советского Союза. Дж. Буш очень интересовался ходом переговоров с компанией «Шеврон» по Тенгизу. Он откровенно

заверили нас в своей готовности исполнять договорные и другие обязательства бывшего СССР.

Ввиду подтверждения Вами всех этих обязательств госсекретарю Бейкеру, я рад предложить установить между двумя нашими странами полные дипломатические отношения с обменом постоянными миссиями. Я надеюсь в ближайшем будущем назначить Посла в Казахстан и приглашаю Вас указать Ваши планы в отношении Посла в Соединенных Штатах Америки. Я надеюсь на Ваш ответ о согласии на данные действия и на последовательное развитие сердечных и продуктивных отношений между Казахстаном и Соединенными Штатами Америки.

В завершении своего письма я хотел бы пригласить Вас посетить Вашингтон в первой половине 1992 года с тем, чтобы мы смогли вместе рассмотреть стоящие перед нами многие важные вопросы. Искренне Ваш Джордж Буш».

Итак — первый визит в качестве главы суверенного Казахстана в Соединенные Штаты Америки. С военного аэродрома Эндрюс, куда приземлился наш авиалайнер, на вертолете отправились к Белому дому.

На Арлингтонском кладбище был устроен военный парад в честь главы Казахстана.

С Дж. Бушем шли переговоры в знаменитом Овальном кабинете. Мы говорили о будущем бывших советских республик, о перспективах демократии в постсоветском пространстве и, конечно же, о проблеме ядерного оружия.

Дж. Буш во время переговоров предложил пройти в комнату отдыха. Там он с гордостью показывал, как овладел несколькими операциями работы на компьютере. В комнате было очень много детских игрушек. Он объяснил, что к нему часто приходят внуки. Узнав, что у меня тоже есть внуки, тут же завернул одну из игрушек и вручил мне.

Затем мы вышли во двор, где расположен окруженный розами двадцатиметровый бассейн. А там площадка с его любимой игрой. Суть игры заключалась в том,

чтобы забросить как можно больше специально изготовленных подков на кол. Стали бросать. Так случилось, что я выиграл. Дж. Буш спрашивает: «Вы тоже часто играете?» Отвечаю: «Нет, в первый раз...»

Мы договорились о возможности прямого телефонного общения. Президент Дж. Буш обещал всячески поддерживать независимость Казахстана.

Мы гуляли по лужайке Белого дома в сопровождении Дж. Бейкера. Президент обращается к Бейкеру: «Джеймс, мы, наверное, победим...» Тот отвечает: «Да, конечно». Дж. Буш был уверен в победе, и для этого у него были все основания. Только что закончилась «Буря в пустыне», американцев охватила эйфория патриотизма. Дж. Буш вновь продемонстрировал, что Соединенные Штаты — не просто великая страна, а после распада СССР стала единственной сверхдержавой.

Президент США имеет огромную власть и отвечает за безопасность страны и ее граждан. Мне рассказывали как-то об одном школьнике, который заметил, что отличие президента США от монарха заключается в том, что он не сын своего отца. Не в физическом смысле, а в смысле наследования должности, конечно. Действительно, президент этой страны имеет гигантские полномочия. Но, наверное, величие Америки в том, что каждые четыре года американцы в ходе долгой избирательной кампании видят его в деле, лучше узнают о его взглядах и убеждениях, оценивают его моральные и деловые качества. Затем избиратели отдают свой голос лучшему иверяют ему свое будущее.

Прощание Дж. Буша с Белым домом, наверняка, было грустным. В книге воспоминаний предыдущего президента Р. Рейгана есть такая фраза: «Одним из величайших достижений Америки является гладкая и спокойная процедура передачи президентской власти, но, пожив в Белом доме и покинув его, я могу понять, каким печальным был тот день для Джимми и Розалии Картер».

Но смена президента не означает радикальной смены курса. Преемственность политики сохраняется.

Дружественные отношения сложились у меня и с новой администрацией.

В декабре 1993 года в Казахстан приехал новый вице-президент США Алберт Гор. Это обаятельнейший человек. У нас были длительные беседы с глазу на глаз. Я предложил ему отдохнуть за семейным ужином. Собралась вся моя семья. Обстановка была действительно домашней. Сара Алпысовна, Дарига и Алия пели песни — казахские, русские, английские. Состоялась наша решающая беседа. Он понял, что я, глава государства, первый президент Казахстана, просто так не могу отдать ядерные ракеты в условиях нестабильного окружения, не получив твердых гарантий независимости и целостности моей страны. Он понял, что речь идет не о моих личных амбициях, а о судьбе народа, доверившего мне власть.

В следующий свой приезд Алберт Гор привез мне официальное приглашение от президента У. Клинтона.

С 14 по 18 февраля 1994 года состоялся официальный визит в США. Переговоры прошли успешно. Мы подписали все планировавшиеся документы, но самое главное — Хартию о демократическом партнерстве. Достаточно сказать, что ни одно государство Восточной Европы и СНГ не имеет такого соглашения с США.

Это выдающееся достижение дипломатии молодого государства.

И во время этого визита не обошлось без сюрпризов. Вечером в честь нашей делегации был устроен ужин, на который пригласили около тысячи человек, в их числе были крупные бизнесмены и политики США.

Был военный оркестр, сержанты исполняли народные песни. А. Гор предложил спеть и нам. Я согласился, но вместе с ним, а он — на попятную: «Вы же знаете, что я не пою...» Мы вышли на сцену вместе с Сарой Алпысовной и старшей дочерью Даригой. Мы с супругой пели казахские песни, а Дарига — на английском языке.

Наверное, в чопорном зале приемов Госдепартамента прекрасные слова Абая звучали особенно, приближался юбилей гения казахской земли.

Только потом я узнал, что такой случай был здесь впервые. Куда мы потом ни приезжали, везде знали и говорили об этом. Открытость и уверенность в себе американцы высоко ценят.

Встреча цивилизаций

В последние годы многие говорят о вакууме идей, о сложности и неоднозначности международных отношений, неопределенности перспектив в этой сфере. Действительно, после колоссальных политических сдвигов на стыке 80-х и 90-х годов нашего столетия мир стал гораздо более непредсказуемым. И, наверное, сегодня невозможно создать ту простую картину международных отношений, к которым мы привыкли в течение 50 послевоенных лет, когда весь мир был поделен на две огромные зоны влияния и можно было легко предвидеть, как события в Кабуле или на острове Диего-Гарсиа отзовутся в Вашингтоне, Москве или Пекине.

Между тем в мире современной политики, особенно для стран, переживающих сложнейший переходный период, важно иметь не только тактические цели и задачи, но и общую стратегическую перспективу. Без этого для любого политика мир превращается в непонятную систему каббалистических знаков, которую каждый волен трактовать по-своему. И чтобы завтра не стоять над дымящимися развалинами собственного государства и не вести страну с оптимистическими лозунгами к ближайшей пропасти, чрезвычайно важно иметь общее представление о глобальной динамике.

Вероятно, сегодня никто из практических политиков уже не рискнет писать глубокомысленныеopusы о перестройке для всего мира. Это выглядит просто комично, особенно для стран, которые должны разобраться прежде всего в своих собственных проблемах. Речь может идти только о некоторых общих моментах, позволяющих той или иной стране правильно определиться в координатах постконфронтационного мира.

Наверное, политику нет необходимости изобретать велосипед и создавать оригинальные теоретические конструкции, напоминающие вторжение отца всех времен и народов в сферу языкознания. Но собственная оценка и практическое видение проблем, что поднимаются теоретиками, безусловно, необходимы современному политику.

В последние годы уходящего столетия ни одна из работ в сфере политики, международных отношений не вызвала столь бурной и оживленной дискуссии, как две небольшие статьи Фукуямы и Хантингтона. Должен сказать, что чтение с карандашом в руке — отнюдь не легкий досуг отдыхающего политика. Я увидел в них определенную попытку понять смысл тех действий, что двигают многими политическими лидерами, хотя сразу оговорюсь, многие из этих утверждений вызывают только улыбку.

В 1989 году в одном из журналов известный американский философ Френсис Фукуяма опубликовал статью «Конец истории?». В ней он уверенно заявил, что победа либерализма как идеологии привела к концу истории, то есть мир постепенно движется к единым принципам политического и экономического устройства, сделанным по рецептам либеральной идеологии. Вообще весь XX век вплоть до 90-х годов, по его мнению, представлял собой поле борьбы либерализма, коммунизма и фашизма.

После победы над фашизмом во время второй мировой войны и его полной политической дискредитации вся послевоенная история международных отношений представляла собой арену противоборства двух идеологических доктрин, закончившегося крушением социалистического лагеря и победой либерализма. Конечно, Фукуяма хорошо понимает, что эта победа либерализма не является повсеместной, что многие регионы и даже целые континенты строят свою жизнь отнюдь не на либеральных принципах, но один из основных аргументов его статьи заключается в том, что в основных доминирующих на международной арене странах либеральная идеология

становится ведущей силой, определяющей действия все более широких слоев населения как в экономике, так и в политике.

Статья эта вызвала большой шум не только в академических кругах, но и среди политиков, которые, понимая ограниченность и слабости такого подхода, в то же время не могли дать ясного и конкретного ответа на вопрос: «Действительно ли наступил конец истории?». К тому же, многие были согласны с такими рассуждениями. Политику достаточно сложно оперировать категориями Гегеля, к которому часто обращается Фукуяма. Как говорится, богу — богово, кесарю — кесарево. Ответ, как и следовало ожидать, пришел от академических божеств, и в 1993 году одно из самых авторитетных международных изданий — журнал «Foreign affairs» опубликовал работу крупнейшего специалиста по международным отношениям профессора Сэмюэля Хантингтона «Столкновение цивилизаций».

Хантингтон писал, что в нарождающемся сегодня новом мире главным источником международных конфликтов будет не экономика и не идеология. Основные границы, которые разделят человечество в XXI веке, — это границы культуры, а разлом между цивилизациями — это и есть точки будущих масштабных международных конфликтов и противоречий. Вместо традиционного деления мира на капиталистический, социалистический и развивающийся, вместо деления мира на Север и Юг, вместо деления мира на развитый и отсталый, на богатый и бедный, на постиндустриальный, индустриальный и доиндустриальный он разделил этот мир на устойчивые, имеющие многовековую историю цивилизации. Это миры западной, исламской, конфуцианской, индуистской, православно-славянской, японской, латиноамериканской и африканской цивилизаций. Хантингтон остроумно отметил, что все прежние идеологические, классовые, блоковые конфликты на международной арене были связаны с задаваемым человеку или стране вопросом: «На чьей ты стороне?». Сегодня же главным становится другой вопрос, задаваемый гражданину, политику, нации, государству: «Кто ты такой?».

За ним скрывается колоссальное политическое содержание. Если раньше в идеологических или классовых конфликтах человек, группа или страна могли выбирать свою позицию в сложной международной политической конфигурации, то принадлежность к цивилизации дана нам тысячелетней прошлой историей, и здесь выбора нет. Либо ты относишься к той или иной цивилизации, либо ты теряешь свой культурный облик.

В той широкой панораме международных отношений, которую нарисовал Хантингтон, ключевым мне представляется следующее. После крушения двублоковой системы все политики мира кто с большей, кто с меньшей ясностью осознали, что противоречия между цивилизациями действительно велики и влияют на конкретную политику. Кроме того, международные отношения, которые на протяжении по крайней мере последних полутора столетий представляли собой сложную игру интересов крупнейших европейских государств, включая Россию, а также США, сегодня превращаются в еще более сложную, в которой равнозначными партнерами выступают крупнейшие государства других регионов мира. Это накладывает свой отпечаток на выбор политики многих новых государств современного мира, в том числе государств переходного типа. С этим трудно не согласиться. И в довольно сложном отношении находятся политические элиты молодых государств, которые выстраивают свою систему международных связей и отношений.

Я сознательно привел эти пространные рассуждения, поскольку в них авторы делали попытку заново переосмыслить всю систему международных политических отношений. Конечно, есть огромное количество военных, экономических, политических, культурных аспектов современных международных отношений, которые имеют более сложную природу, чем эта академическая схема. Но такое упрощение довольно полезно, чтобы понять процесс в целом.

Мне уже приходилось говорить на страницах этой книги о специфике модернизации в разных странах

мира. Размышления Фукуямы о некоей однородной либеральной цивилизации в большинстве ведущих стран мира и о конце истории никак не совпадают с впечатлениями практического политика. Мне пришлось совершить десятки зарубежных визитов за последние пять лет, и то поразительное многообразие этносов, истории, культуры, традиций, моделей общественного устройства, ценностей, весь этот цветной калейдоскоп стран и континентов позволили мне сделать один прозаический вывод — «наступление современности» не означает «вестернизации» и тем более всемирной победы либерализма.

Схематизм модели всемирной либерализации заключается в том, что уникальный и по-своему бесценный опыт западноевропейской, а затем и североамериканской цивилизаций понимается не как вполне исторический и конкретный опыт с его многочисленными случайностями, отклонениями и озарениями личностей, а как некая вневременная модель.

Но ведь есть вполне конкретные причины и условия, которые сделали Европу Европой. Мне трудно судить в деталях о первопричинах, но один фактор бесспорен. Есть странная, на мой взгляд, но глубокая по существу связь между современными западными городами, поистине жемчужинами цивилизации, и теми небольшими поселениями средиземноморского античного мира, поселениями, гордо носившими имя «полис». Не менее парадоксальна опять же на первый взгляд связь в истории, воплощенная в жизни маленьких средневековых городов Европы, которые несут в себе колоссальную материальную и духовную память.

Бывая в Англии, Франции, Германии, Испании, я всегда испытывал двойственное впечатление — модерн деловых кварталов и плотная сконцентрированная атмосфера старых районов, каждый дюйм или сантиметр которых «стреляет в память» — от хитроумного Генриха IV до Короля-Солнца, от эпохи бунтаря Кромвеля до золотого века викторианцев, столь блистательно воплотившего себя в каменном великолепии Лондона.

Европа пронесла двухтысячелетнюю традицию поли-

сов, разумеется, в изменившемся виде. И многое в западной цивилизации можно понять, исходя из особой роли городов в ее истории, исходя из внутреннего режима и норм европейской городской жизни.

Что же лежит в столь древних пластах сознания, что движет незримо тысячелетнюю историю? Несколько простых, но фундаментальных норм. Любому мало-мальски образованному историку известно такое явление, как равенство горожан — со времен античного полиса до средневекового города — перед законом, пусть не полное, но равенство на массовом уровне для свободных горожан. Хотя великий философ древности определял раба как «говорящее животное», но все же свободный гражданин в городе европейской цивилизации появился исторически задолго до американских отцов-основателей и задолго до Билля о правах человека.

С другой стороны, наличие свободного собственника, будь то античный винодел или средневековый мастер, породило разветвленную систему имущественных отношений. То элементарное гражданское общество, что имело место в городской жизни, всегда осуществляло определенный контроль над политическими институтами.

Наконец, эти объективные причины не смогли не повлиять на психологию людей. Понятия индивидуализм, межличностная конкуренция и другие порождены долгой историей, а не возникли в одночасье. Кстати, отсюда и корни индивидуальной оценки всего и вся. Отсюда и мысль «человек — мера всех вещей», которая могла появиться только в рамках европейской цивилизации.

Другая, менее значительная, но столь же очевидная причина особенностей западной цивилизации — это ее церковная история. Даже не столько особенности этого вероучения. Ведь и конфуцианство в последней четверти XX столетия оказалось способным адаптироваться к новым формам корпоративной жизни, как и протестантизм XVII века — к раннекапиталистическим формам. Речь о другом. Мощная европейская церковь не подчинялась полностью политической власти кроме редчайших случаев.

Конечно, это приводило к сложнейшим и кровавым интригам в европейской истории, но этот исторически сложившийся плюрализм власти светской и духовной при колоссальном именно политическом влиянии церкви и привел в некоторой степени западный мир к современным стандартам. С другой стороны, наблюдая за канонической отточенностью западного религиозного ритуала, упорядоченностью церкви даже в ее светских отправлениях (я вспоминаю здесь встречу с папой Иоанном Павлом II в Ватикане), невольно вспоминаешь европейскую историю с ее папствами, монастырями, усеявшими весь континент и культурно его интегрировавшими долгие столетия. У меня не раз возникало при встречах с западноевропейскими политиками ощущение их культурного сходства при всех индивидуальных различиях. И западноевропейский интеграционизм, помимо всех здравых и прагматических оснований, покоится также на скрытой унифицирующей роли западного христианства, которую смогла играть только невероятно устойчивая во времени церковь.

Можно, конечно, долго рассуждать о разных причинах возникновения тех или иных ценностей в западной цивилизации, но это дело историков. Мне же хотелось подчеркнуть лишь главное.

Нельзя выдавать уникальный образец с его живой и неповторимой историей за «концентрат» общечеловеческого опыта. Это оскорбительно не только для других культур, но и для самих европейцев, ибо история последних превращается из самоценного и самодостаточного для национального духа явления в школьное пособие по построению общественных институтов. К сожалению, подобными школярскими представлениями об истории страдают многие политические эксперты, которые делают большие глаза при несовпадении реальной ситуации со своими стереотипами. Так что в практическом плане до конца истории в смысле всемирной победы либерализма очень далеко. Это пока мираж в пустыне, и, скажем так, отнюдь не беспроблемный мираж.

Что касается цивилизационных конфликтов

современного мира, то мне вспоминается логическое упражнение одного мыслителя. Он, кажется, приводил четыре логически неоспоримых доказательства существования Бога, а затем столь же логично доказывал обратное. Теоретические споры, тем более в таких сложных категориях, как международные отношения, часто напоминают споры византийских богословов о половой принадлежности ангелов. Поэтому приведу земные аргументы. Когда говорят о цивилизациях, мне кажется, политики, вовлеченные в реальный политический процесс, не согласятся с тезисом о жестком делении цивилизаций между собой, с одной стороны, и единстве внутри цивилизаций — с другой. Опыт практических встреч с политической элитой разных стран убеждает в этом. При всей культурно-религиозной близости Турция и Саудовская Аравия разнятся между собой больше, нежели страны разной культурно-цивилизационной принадлежности. Колоссальные различия Скандинавии и латинского Средиземноморья — это ведь тоже внутри одной цивилизации. Не будем сбрасывать со счетов и то, что уходящий XX век был все-таки веком идеологий. Особенно важен этот урок для стран СНГ. Мы значительно оторвались от своих традиционных культурных корней, и в наших ориентациях появилось многое из других цивилизационных потоков. Хорошо это или плохо — судить трудно, но считаться с реальностью в любом случае необходимо.

К тому же цивилизации цивилизациями, но социально-экономический разрыв между бедными и богатыми странами не просто сохраняется, но и увеличивается. Генеральный секретарь ООН Бутрос Гали перед Всемирной встречей на высшем уровне в интересах социального развития привел страшные по этому поводу цифры, которые подтверждают это иррациональное, но, к сожалению, фундаментальное различие в жизни разных представителей одного и того же рода человеческого.

Мы живем в мире, где миллиард триста миллионов людей пребывают в нищете, где восемьсот миллионов человек ежедневно не получают достаточного питания, где треть миллиарда детей вообще не посещают школы, где

больше миллиарда людей не имеют доступа к безопасной питьевой воде.

Но сколь бы выразительны не были эти «традиционные» разрывы, важнее другое. Иногда политикам, особенно пребывающим в жестком и интенсивном режиме международных встреч, приходит вдруг в голову: «Культура разная, а есть что-то все более объединяющее с каждым годом». Размышлять об этом единстве часто нет времени, но ведя свои заметки по итогам международных встреч, я прихожу к выводу о слабости пресловутого цивилизационного подхода в прикладном смысле.

В современном мире действуют во все большей степени межцивилизационные, и я бы сказал, нецивилизационные по природе механизмы. Это прежде всего мировая торговля. Да, мир всегда торговал, и нам, казахам, живущим на одном из важных отрезков Великого шелкового пути, это известно издревле. Но никогда мир не торговал столь интенсивно и столь масштабно, как последние пятьдесят лет. Мне пришлось немало изучать международную торговую статистику. За 50 лет объем международной торговли вырос в десятки раз. Такого скачка в истории не было никогда! Ни в эпоху великих географических открытий, ни в эпоху грандиозных империй. Культурное значение глобальной торговой «горячки» трудно переоценить.

Мировое распространение технологий изнутри взрывает традиционный способ организации труда, и речь идет не только о чисто технологических новациях, но и новых управленческих технологиях. Молодому государству во все более конкурентном мире просто не выжить без активной подготовки современной элиты, в том числе и менеджерской. Если следовать архаическим представлениям, то нужно было бы откреститься от всех новаций. Но мой личный опыт общения с финансовой, управленческой, политической элитой многих стран вдохновил меня уже в первый год независимости начать масштабную подготовку кадров. Уже сейчас под эгидой президентской программы «Болашак» сотни молодых казахстанцев получили образование в лучших университетах США, Великобритании, Франции, Германии, Южной Кореи и дру-

гих стран. Без такого задела специалистов, освоивших современные технологии, особенно в сфере производственного менеджмента, финансово-банковской сфере, уже сегодня было бы трудно. Современные управленческие технологии, конечно, несут на себе цивилизационный отпечаток, и это особенно подчеркивают применительно к Японии. Но все же и здесь нет необходимости преувеличивать роль цивилизационного раскола.

И, наконец, нельзя не сказать о новой информационной реальности. Еще в конце 60-х годов говорили о планете как о всемирной информационной деревне. Но тогда это было некоторое преувеличение. Сегодня, когда миллиард людей практически синхронно получает одну и ту же по сути информацию, когда число коллективных и индивидуальных пользователей одной только компьютерной системы «Интернет» превышает 10 миллионов, когда, не выходя из своего кабинета, можно получить в любой точке планеты доступ к Библиотеке Конгресса США или Британского музея, это уже не преувеличение. Эта информационная реальность властно врывается в наши дома. Кстати говоря, печальная участь авторитарных и тоталитарных режимов в последние десятилетия века — следствие этой новой информационной реальности, которая по природе своей не терпит «железных занавесов». Информационные потоки сильно размывают межцивилизационные барьеры. Поэтому трудно судить о том, насколько велики будут различия в восприятии мира завтрашнего молодого человека из Алматы, Парижа или Сеула.

Что же вытекает из этих фрагментарных наблюдений? Цивилизация едина по своей сути и имеет единый образец? Нет, если не упрощать и не укладывать современный мир в прокрустово ложе очередной схемы. Культурное своеобразие просто непреодолимо, и нельзя рассматривать цивилизации как простые переводные картинки. Каждая национальная культура и тем более региональная цивилизация имеют огромный запас прочности не случайно, а в силу нескольких уровней структуры. Помню, как, пролетая на вертолете над Толедо, одним из древнейших городов Испании, я увидел на

стадионе корриду. Попросил показать нам этот бой. Впечатление колоссальное — жестокое и волнующее одновременно. Для непосвященного это малоприятное зрелище, для болельщика — прекрасная иллюстрация силы духа и национальной истории. Это ведь тоже элемент культуры, хотя и внешнее ее проявление. Между тем в культуру встроены очень тонкие вещи, без которых человеку просто нельзя жить.

Никакой общечеловеческой цивилизации не может быть, и в то же время ее отдельные элементы налицо. Парадокс этот достаточно просто понять, если отрешиться от некоторых навязанных прошлым стереотипов. Да, определенные политико-правовые и экономические институты, а также техническая основа современного производства и быта все более стандартизируются, но ядро культуры, цивилизации остается. Это главный элемент, дающий каждому человеку, принадлежащему к данной культуре, смысл и ценность самой жизни, его отношения к миру земному и небесному. Это мир ценностей.

Для меня как политика и как человека ясно одно — демократические и рыночные институты очень важны, но это все же инструменты, а не смысл жизни общества. И это нисколько не умаляет роли демократии и рынка. Нельзя стать современным обществом без этого. Ведь мир предлагает поразительное сочетание базовых принципов демократии и рынка с очень устойчивыми национальными традициями. Главное — правильно найти эту золотую середину между вызовом современности и тем, что делает тебя самим собой.

Мой народ на протяжении двадцатого столетия пережил то, что многим более благополучным нациям не могло присниться и в страшном сне.

Всегда поражала в моем народе способность переносить даже самые трудные годы, когда он мог просто раствориться в потоке неумолимой, порой жестокой Вечности. Так было во время народной войны против джунгар в XVIII веке, так было, когда казахи отстаивали свою неза-

Содержание

I	
ВСПОМИНАЯ НЕДАВНЕЕ ПРОШЛОЕ	
Сценарий без режиссеров или режиссеры без сценария?	10
Время стратегического отставания	17
Почему не состоялся новый Вавилон?	27
Лики времени	43
От блоковой психологии — к взаимному доверию	58
Когда процесс дошел	81
Последний акт драмы	86
Евразия: интеграция и дезинтеграция	96
II	
ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПУТИ	
О поиске универсальных рецептов	113
Фальстарт в либеральную демократию	120
Государство — это мы	125
Авторитаризм или демократия?	138
Модернизация политической системы: теория и практика	151
От парламентских кризисов до новой Конституции	167
III	
МЕЖДУ ВОСТОКОМ И ЗАПАДОМ	
Первые шаги	191
Турецкий меридиан	193
Великий сосед	199
Окно в Европу	207
Хранитель двух святынь	215
Каспийский сосед	227
В месяц цветения сакуры	233
За океаном	236
Встреча цивилизаций	243

НАЗАРБАЕВ Нурсултан Абишевич

НА ПОРОГЕ XXI ВЕКА

Редактор *Г. Жарылгасимова*
Художественный редактор *Э. Жаксылыкова*
Технический редактор *О. Рысалиева*
Компьютерная верстка *Д. Тойкина*
Корректор *Е. Кузнецова*

ИБ №085

Сдано в набор 15.05.2003. Подписано в печать 12.06.2003.
Формат 60x90^{1/16}. Гарнитура «Балтика». Печать офсетная.
Усл.-печ. л. 16,0+3,25 вклейка. Уч.-изд. л. 10,84+3,05 вклейка. Заказ №474.

Издательство «Атамұра», 480091, г. Алматы, пр. Абылай хана, 75.
Полиграфкомбинат корпорации «Атамұра» Республики Казахстан,
480002, г. Алматы, ул. М.Мақатаева, 41.